

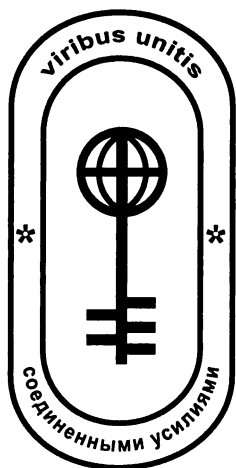
Т(4Мол)

136

И.Э. ЛЕВИТ

**БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС
В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
(1919-1920 гг.)**

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
Centre of Social and Political Research «Perspectiva»

I.E. Levit

**BESSARABIAN ISSUE
IN THE CONTEXT
OF INTERNATIONAL RELATIONS
(1919–1920).
PARIS PEACE CONFERENCE**

Tiraspol,
2012

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Центр социальных и политических исследований «Перспектива»

И.Э. Левит

**БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС
В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
(1919—1920 гг.).
ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

Тирасполь,
2012

Т(4Мол)
УДК 94(478)+327
ББК 73(4Мол)+04(4Мол)
Л 36

Редакционная коллегия серии «Монография»:
С.И. Берил, И.Н. Галинский, П.М. Шорников, И.М. Благодатских

В 1997–2008 гг. увидели свет книги доктора исторических наук, профессора И.Э. Левита «Движение за автономию Бессарабии в 1917 г. Образование Сфатул Цэрий. Провозглашение Молдавской Демократической Республики» и «Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.)».

В новом труде историка на основе опубликованных материалов и впервые вводимых в научный оборот документов освещена военная, внутри- и внешнеполитическая ситуация в регионе, детально рассмотрены ход обсуждения Бессарабского вопроса на Парижской мирной конференции и развитие советско-румынских отношений.

Издание представляет интерес для историков, политологов, дипломатов и экспертов, занимающихся дискуссионными проблемами современных международных отношений, а также для широкого круга читателей, интересующихся малоизвестными, но ключевыми событиями отечественной истории.

Books "Movement for the autonomy of Bessarabia in 1917. Formation of Sfatul Tsarii. The declaration of the Moldavian Democratic Republic" and "Fateful year: from the declaration of the Moldavian Republic to abolition of the autonomy of Bessarabia (between November 1917 and November 1918)" by Dr. of History, Professor I.E. Levit were published between 1997 and 2008.

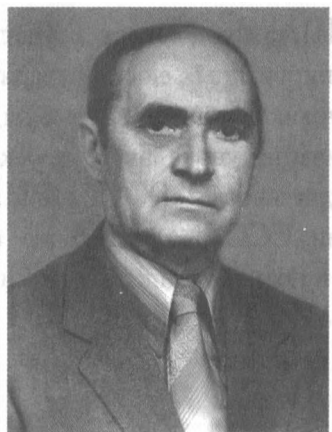
The new work of the historian based both on the already published materials and newly introduced into scientific circulation papers covers military, domestic and foreign political situation in the region, investigates the discussion of the Bessarabian issue at the Paris Peace Conference and the development of Soviet and Romanian relations.

The edition is intended for historians, political scientists, diplomats and experts involved in the discussion of the contemporary international relations and for a wide range of readers interested in the little known but at the same time key events of native history.

Левит, И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Парижская мирная конференция. — Тирасполь: Литера, 2012. — 240 р. 300 эк.

ISBN 978-9975-4110-4-2
[327:94(478)+94(4)]«1919/1920»
Л 36

ОБ АВТОРЕ

Изяслав Эликович Левит родился в 1922 г. в Кишиневе. В 1945 г. закончил исторический факультет Молдавского государственного педагогического института. Доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии МССР в области науки и техники.

С октября 1945 г. до июля 1991 г. работал в Институте истории Академии наук Молдавии — сначала в должности младшего, затем старшего научного сотрудника, ученого секретаря института. С 1962 по 1987 г. являлся заведующим отделом истории стран Юго-Восточной Европы, а в 1987—1991 гг. — главным научным сотрудником. С июля 1991 г. работал главным научным сотрудником и заведующим отделом истории и культуры евреев Молдовы Института национальных меньшинств АН РМ.

И.Э. Левит — специалист в области истории Молдавии, Румынии и международных отношений новейшего времени, автор более 150 научных и научно-популярных работ, в том числе 8 монографий, многочисленных публикаций в научной и периодической печати Кишинева, Москвы, Нью-Йорка. Соавтор «Истории Молдавской ССР», «Истории Румынии», «Очерков политической истории Румынии». Руководитель коллектива составителей двухтомного сборника документов и материалов «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», один из составителей сборника документов «Кишиневский погром 1903 г.», изданного к 100-летию этого события.

В настоящее время проживает в США, продолжает изучать историю Холокоста в Румынии и на оккупированных ею территориях в 1941—1944 гг. В последние годы опубликовал по этой теме ряд брошюр и статей, принял участие в реализации уникального проекта Российского Центра «Холокост» и издательства «РОССПЭН» «Энциклопедия Холокоста на территории СССР», подготовил к изданию монографию «Еврейский вопрос в политике диктатуры Антонеску».

Глава I

В ПРЕДДВЕРИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ПАРИЖЕ

30 октября (11 ноября по новому стилю) 1918 г. подписанием Компьенского перемирия между странами Антанты и Германией завершилась продолжавшаяся более четырех лет Первая мировая война. Еще к началу осени 1918 г., после краха последнего наступления войск кайзеровской Германии во Франции, стало очевидным, что война Центральными державами (Четверным союзом — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией) проиграна. 30 сентября 1918 г. подписала акт о перемирии с Антантой Болгария, затем Турция. 22 октября (4 ноября) капитулировала Австро-Венгрия. Охваченная революционным движением, она стала разваливаться, на ее обломках возникли новые государства. Первой вышла из состава империи Венгрия, новое правительство, возглавляемое М. Каройи, провозгласило ее республикой.

В сложном положении оказалась Румыния, бо́льшая часть территории которой в годы войны была оккупирована войсками Четверного союза. Напомним, что 24 апреля (7 мая) 1918 г. в г. Бухаресте между Центральными державами и Румынией, вступившей в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты, был заключен сепаратный мирный договор и тем самым румынская сторона нарушила

5-й пункт союзного договора, подписанного 4 (17) августа 1916 г. с Великобританией, Францией и Россией, согласно которому каждый его участник обязался воздержаться от заключения мира и держать в тайне секретные соглашения, касающиеся, в частности, территориальных вопросов.

По Бухарестскому договору с Четверным союзом Румыния теряла Добруджу, обязалась демобилизовать свою армию (кроме дивизий, размещенных в занятой ею в январе 1918 г. Бессарабии), выполнять требования по снабжению австро-германских войск и др. Признав Бессарабию за Румынией *de facto*, германское правительство не гарантировало ей ни территории Хотинского уезда на севере области, уже занятого австро-венгерскими войсками, ни южных уездов края, на которые претендовала Центральная рада Украины.

Осенью 1918 г., в обстановке поражения держав Четверного союза, в правящей верхушке Румынии начался переполох. Правительство, возглавляемое прогерманским политиком А. Маргиломаном, подпись которого стояла под вышеупомянутым Бухарестским договором от 24 апреля (9 мая) 1918 г., активизировало контакты с посланниками Антанты в Яссах (в Бухаресте находились немецкие войска), но при этом публично продолжало демонстрировать лояльность к Германии. Отвечая на запрос в парламенте о политике правительства в отношении держав Антанты, министр иностранных дел К. Арион заявил: «Мы не позволим себе совершать какого-либо враждебного, или агрессивного, или неуважительного акта в отношении держав Антанты». В то же время, заявил он далее, правительство «вынуждено осуществлять политику, вытекающую из мирного (Бухарестского — И. Л.) договора», «уважать и осуществлять его», пытаясь оправдать эту линию, в частности, тем, что Румыния связана с Центральными державами экономическими интересами¹.

Но румынский король Фердинанд, за спиной которого стоял клан семейства Брэтиану и другие влиятельные политики, в связи

с изменением хода войны в пользу Антанты всячески затягивал ратификацию Бухарестского мирного договора, вызвав этим раздражение у германских и австрийских правящих кругов. Ими было признано «большой ошибкой со стороны графа Чернина (министра иностранных дел Австро-Венгрии — И. Л.), который, руководствуясь интересами династии и, возможно, из страха перед большевиками... пообещал румынам Бессарабию». «Раздавались голоса в пользу принятия срочных мер до того, как против австро-венгерских войск образуется «новый фронт со стороны Румынии»². Относительно советско-румынского Соглашения от 5—9 марта 1918 г., под которым стоит подпись генерала А. Авереску, предшественника А. Маргиломана на посту главы правительства, и которое обязывало Румынию в двухмесячный срок вывести войска из Бессарабии, дебаты в румынском парламенте не велись, само Соглашение держалось в большом секрете.

18 (31) октября 1918 г., перед лицом неминуемого краха, германское правительство завязало переговоры о перемирии с Антантой. Румыния ввиду нарушения ею 5-го пункта договора с Антантой 4 (17) августа 1916 г., не была приглашена к участию в переговорах и выработке условий перемирия с Германией. Это означало, что ее исключили из состава союзных держав, грехи ее пока не были прощены, их еще нужно было искупить.

Активно включились в оправдание политики своей страны перед правительствами стран-победителей румынские эмигрантские круги во Франции, объединенные в «Национальный совет румынского единства». С января 1918 г. они стали издавать в Париже на французском языке газету «La Roumanie», на страницах которой печатались статьи в доказательство лояльности Румынии по отношению к Антанте, ее права на соседние земли («Великая Румыния от Тисы до Днестра»), ее роли как стража «порядка» в борьбе с большевистской опасностью. Особенно бурную деятельность на этом

поприще развернул по приезду в Париж лидер консервативно-националистической партии Румынии Таке Ионеску, занимавший пост вице-премьера в коалиционном правительстве, созданном в декабре 1916 г. под председательством главы национально-либеральной партии И.И.К. Брэтиану. Твердо веривший в победу Антанты, ярый сторонник профранцузской ориентации, Таке Ионеску был против подписания сепаратного мирного договора с Четверным союзом и вместе с группой антантофилов летом 1918 г. покинул Яссы и переехал во Францию. Сожалея, что его страна не была приглашена для участия в переговорах по выработке условий перемирия с Германией, Таке Ионеску в интервью прессе выразил надежду, что «положение Румынии не будет оставлено без внимания»³. «Национальный совет», в состав которого вошли трансильванцы В. Лукач и О. Гога, бывшие румынские министры и парламентарии К. Анджелеску, И. Флореску, Н. Титулеску, журналист К. Милле, бывший румынский посланник в России К. Диаманди, бессарабский помещик В. Строеску, стал своего рода запасным правительством Румынии, с которым поддерживали отношения правительства Франции, Англии и Италии⁴.

Тем временем правящие румынские круги в Яссах, не дожидаясь открытия мирной конференции, намеченной на январь 1919 г., решили поставить мир перед совершившимся фактом. Обстановка явно благоприятствовала этому.

22 октября (4 ноября) в Яссах стало известно, что немецкое командование отказалось от своего плана организовать по Дунаю оборону от наступающих с Балкан войск Антанты и даже стало отводить свои части из городов Брэила и Фокшаны. Глава румынского правительства А. Маргиломан договорился с немецким командованием, что по мере отступления их войск не только из Старого королевства, но также Трансильвании, их место займет румынская армия, за исключением зон прохождения отступавших

немецких частей и соединений. Не вступая в военные действия с Германией, А. Маргиломан стремился к тому, чтобы до перехода войск Антанты через Дунай румынская армия заняла не только ранее оккупированные немцами и их союзниками территории Старого королевства, но и входившие в состав Австро-Венгрии Трансильванию и Буковину⁵.

В Буковине положение сложилось весьма сложное. Как и в других частях Австро-Венгерской империи, революционное и национально-освободительное движение достигло большого накала. Румынское население, преобладающее в Южной Буковине, стремилось к воссоединению с Румынией, а украинцы Северной Буковины тяготели к Украине. 30 сентября (13 октября) 1918 г. многолюдное собрание украинцев в Черновцах высказалось за разделение Буковины на две части — украинскую и румынскую. В октябре 1918 г. Украинская национальная рада во Львове, провозгласившая себя правительством «Западно-Украинской Народной Республики», включила в состав этой республики Восточную Галицию, Закарпатскую Украину и Северную Буковину.

В национальном движении буковинских румын веское слово принадлежало помещикам, владевшим в Северной Буковине примерно 80% площади крупных землевладений, и они были, естественно, против всякого деления края на украинскую и румынскую части. Две румынские партии на Буковине — Национальная и Демократическая — выступали за решение румынского национального вопроса путем объединения Буковины с Трансильванией в единую автономную область в составе федеративной австрийской монархии.

В румынском национальном движении в Буковине имелось, конечно, и течение в пользу присоединения края к Румынии. Работу в этом направлении проводили, в частности, буковинские румыны, эмигрировавшие в годы войны в Яссы. В резолюции «Учредительного собрания», созванного 14 (27) октября 1918 г. в Черновцах

деятелями румынского национального движения с разрешения австрийских властей, было записано требование об объединении Северной и Южной Буковины с «другими румынскими землями»⁶. Был образован «Румынский национальный совет», его возглавил один из крупнейших землевладельцев Буковины Янку Флондор.

Все эти события происходили в обстановке роста революционного движения в крае, в ряде населенных пунктов крестьяне создавали комитеты для раздела помещичьих земель. Осенью 1918 г., когда охваченные брожением австро-германские войска стали покидать Северную Бессарабию (Хотинский уезд) и Буковину, зажиточные слои населения Буковины пребывали в панике.

21 октября (3 ноября) 1918 г. в Черновцах Народное вече Северной Буковины вынесло постановление о присоединении «австрийской части украинской земли к Украине»⁷. На второй день, 22 октября (4 ноября), председатель «Румынского национального совета» Я. Флондор направил в Яссы телеграмму с просьбой «немедленно» прислать румынские войска, иначе, предупреждал он, «развернувшееся большевистское движение» может «иметь самые страшные последствия»⁸.

Уговаривать румынское правительство и короля не пришлось. Они сами пребывали в постоянном страхе от мысли, что волны большевизма могут смести монархию, а заодно и существующий в Румынии строй. 21 октября (3 ноября) после очередной аудиенции у короля А. Маргиломан записал в дневник: «Король особенно боится большевизма...»⁹.

23 октября (5 ноября) правительство А. Маргиломана, воспользовавшись «приглашением» «Румынского национального совета» Буковины, с согласия австро-германских властей приказало «пограничным войскам и жандармам в достаточном количестве перейти границу с Буковиной для восстановления порядка в Южной Буковине и продвигаться туда, где возникнет необходимость». В при-

казе по армии министр обороны Румынии подчеркнул, что войска направляются для борьбы с «большевистским движением».

Реализация этой акции выпала на долю уже другого правительства Румынии. 24 октября (6 ноября) по настоянию И.И.К. Брэтиану и посланников Антанты в Яссах король Фердинанд отправил в отставку германофильское правительство А. Маргиломана. Среди прочего посланники Антанты инкриминировали А. Маргиломану и то, что без их согласия он приказал румынским войскам двинуться на Буковину.

Главой нового правительства был назначен бывший адъютант короля, его доверенное лицо генерал Н. Коанда. Как отмечал в своих мемуарах видный политический деятель, неоднократный министр и один из лидеров национал-либеральной партии Ион Дука, «было решено, что в течение нескольких месяцев нужно иметь переходное правительство, которое, естественно, будет в полном распоряжении И. Брэтиану».

Премьер Н. Коанда не отменил распоряжение своего предшественника о наступлении на Буковину. 26 октября (8 ноября) он двинул войска сначала в Южную, а затем в Северную Буковину и северную часть Бессарабии. Спустя два дня, 28 октября (10 ноября), появился королевский указ о мобилизации и переводе армии на военное положение. В воззвании короля, обнародованном одновременно с указом, народ и армия призывались с оружием в руках вместе с союзниками по Антанте изгнать врага из пределов Румынии, «осуществить многовековую мечту об объединении всех румын». Но сражаться не пришлось, поскольку, как отмечалось, 30 октября (12 ноября) вступило в силу заключенное между Антантой и Германией Компьенское перемирие. Хотя военные действия прекратились, указ о мобилизации новых контингентов военнообязанных не был отменен. Румынские правящие круги отдавали себе отчет в том, что для тушения революционного пожара, охватившего Европу, нужны

будут войска. Да и в Старом королевстве, на территории Бессарабии, в Трансильвании, в Буковине было далеко не спокойно. В связи с вводом на территорию Буковины румынских войск местный Украинский Краевой комитет выразил протест румынскому командованию, оставшийся без ответа. Сами члены Краевого комитета 29 октября (11 ноября) бежали в Галицию.

15 (28) ноября 1918 г. в обстановке осадного положения, объявленного в Буковине с приходом румынских войск, по инициативе «Румынского национального совета» собрался «Генеральный конгресс». Объявив себя «учредительным органом», он провозгласил «безусловное и навеки присоединение Буковины в ее древнейших границах до Черемуша, Калачина и Днестра к государству Румыния»¹⁰.

Украинская держава, как именовалось государство под административной гетмана П.П. Скоропадского, не отреагировала на события в Буковине. Опиравшаяся на штыки австро-германских войск, она попыталась путем внешнеполитических маневров удержаться у власти. Была проведена смена правительства, председателем его вместо ушедшего в отставку Ф. Лизогуба, тесно сотрудничавшего с немцами, стал С.Н. Гербель. Представитель Украинской державы в Яссах И.Я. Коростенец завязал с дипломатами Антанты в Румынии переговоры, которые, по сообщению газеты «Последние новости», «приняли благоприятный оборот». Газета писала, что «перемена положения в Яссах в правительственных кругах объясняется состоявшейся сменой кабинета и характером нового курса украинского правительства, который якобы вполне совпадает, по тем же сведениям, со взглядами и намерениями держав Согласия». Цель нового правительства Украинской державы, — писали «Последние новости», — «воссоздание единой России на федеративных началах с сохранением за Украиной всех возможностей развития ее государственной национально-культурной самобытности, а также хранением и укреплением государственного правопорядка на Украине»¹¹.

Сменившее у власти А. Маргиломана правительство во главе с генералом Н. Коандой не отказалось от поддержания связей с гетманской администрацией. Продолжавшая гостить в Яссах украинская делегация во главе с гетманским адъютантом В.В. Дашкевичем-Горбатским была принята королем Фердинандом и премьером Н. Коандой, который «выразил уверенность, что дипломатические отношения между Румынией и Украиной в скором времени примут вполне нормальный характер». Спустя несколько дней был ратифицирован украинско-румынский экономический договор¹², переговоры о заключении которого были начаты еще при правительстве А. Маргиломана. Но вскоре эти контакты прекратились.

В Украине бушевала гражданская война. Советская власть была восстановлена в Екатеринославе, Харькове, Полтаве, Краматорске и др. Повстанческое движение развернулось на Правобережной Украине, в том числе в Приднестровье (Балтском, Ананьевском, Могилев-Подольском, Ямпольском и других уездах). В ноябре партизаны Балтского и Ананьевского уездов разгромили гарнизоны австро-германских оккупантов и отряды гетманцев в районе Любашевки, Ананьева, Слободки, Бирзулы и вместе с повстанцами Поднестровья осуществили поход на Раздельную и Тирасполь, приблизившись к Одессе¹³.

Стремясь не допустить утверждения советской власти на Украине, 1 (14) ноября 1918 г. украинские националисты образовали свое правительство — Директорию — во главе с В.К. Дорошенко. «Главным атаманом республиканских войск» был объявлен С.В. Петлюра. Было восстановлено название государства времен Центральной рады — Украинская Народная Республика. Директория расточала обещания передать украинским крестьянам помещичьи земли, установить 8-часовой рабочий день, обеспечить свободу слова, печати, собраний и другие демократические преобразования. При содействии германского командования и перешедших на ее сторону частей

бывших гетманских войск она во второй половине ноября — первой половине декабря 1918 г. установила свою власть на большей части Украины. Лишившись поддержки германских войск, 1 (14) декабря гетман П.П. Скоропадский объявил об отказе от власти и бежал в Германию, а его правительство вынесло решение «сложить полномочия и передать власть Директории». 6 (19) декабря Директория обосновалась в Киеве¹⁴. Почти одновременно на Украине появилось и развернуло деятельность еще одно правительство: 13 (26) ноября 1918 г. по решению ЦК КП(б) Украины было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины.

Правящим кругам Антанты, хотя и с опаской относящимся к Директории, пришлось вести разговор с ней, в свою очередь искавшей поддержки у союзников в борьбе против большевиков. Находившиеся в Яссах деятели украинских националистических организаций завязали переговоры с дипломатами Антанты и США и пришли к соглашению об использовании союзных войск против большевистских сил и отступавших немецких войск¹⁵. Планировалось направить украинскую делегацию к военному командованию Антанты в Болгарии с ходатайством о занятии войсками союзников линии Рени-Киев, «дабы прекратить паническое бегство австрийской и германской армий»¹⁶. Дважды просить Антанту не пришлось. Как сообщала газета «Сфатул Цэрий», «сухопутные силы союзников в настоящее время продвигаются по территории Румынии, направляясь к Бессарабии, куда прибыли уже передовые отряды. Весьма возможно, что союзные отряды появятся в ближайшие дни в Украине, где первое время они будут действовать в контакте с германскими частями, которые постепенно будут эвакуироваться в Германию»¹⁷.

Тем временем на Западе шла усиленная подготовка к мирной конференции в Париже. В Яссах решили, что в этих условиях сохранение во главе страны прогерманского правительства А. Мар-

гиломана неуместно. Король Фердинанд призвал к власти партию национал-либералов во главе с Ионелом Брэтиану, который оставил за собой должность министра иностранных дел. Правящие круги Франции не скрывали, что хотели бы видеть в составе правительства и находящегося в Париже Таке Ионеску. Правительственный официоз «Le Temps» отмечал, что Таке Ионеску «был самым дальновидным и энергичным» сторонником Антанты, чем как бы выразил сожаление, что он и члены его консервативно-националистической партии не вошли в состав правительства¹⁸. По утверждению Георге Брэтиану, последним было предложено четыре министерских портфеля, в том числе Таке Ионеску — пост министра без портфеля и делегата Румынии на Парижской мирной конференции. Но консерваторы-националисты не приняли предложения национал-либералов, главным образом, из-за разногласий между руководителями упомянутых двух партий по внешнеполитическим вопросам¹⁹.

При новом румынском правительстве сразу же произошло важное событие. 18 ноября (1 декабря) 1918 г. в г. Алба-Юлия Великое национальное собрание румын Трансильвании приняло Декларацию о присоединении области к Румынии. 3 (16) декабря И.И.К. Брэтиану включил в состав своего правительства трех представителей от Трансильвании (А. Вайда-Воевода, В. Голдиша, Шт. Попа), а на следующий день — двух от Буковины (Я. Флондора и И. Нистора). Представителями от Бессарабии оставались входившие и в правительства А. Маргиломана и Н. Коанды И. Инкулец и Д. Чугуряну. Все перечисленные стали министрами без портфелей.

Еще до этого в румынских правящих кругах решили, что наступила пора покончить с автономией Бессарабии, зафиксированной актом Сфатул Цэрий от 27 марта (9 апреля) 1918 г. о присоединении Бессарабии к Румынии. Это диктовалось как внешнеполитическими, так и внутренними причинами. В преддверии Парижской мирной конференции в Бухаресте, куда после ухода немцев прави-

тельство вернулось из Ясс, посчитали, что наличие в Декларации от 27 марта (9 апреля) 1918 г. о присоединении Бессарабии к Румынии оговорки о сохранении автономии области может создать дополнительные трудности в признании участниками конференции акта включения Бессарабии в состав Румынии. Выступая впоследствии в румынском парламенте, бессарабец И. Пеливан, ярый сторонник «единения» («унири») Бессарабии с Румынией, признавал: «Мы не забывали, что Россия была союзницей Антанты и, следовательно, решение бессарабского вопроса столкнется с большими трудностями на мирной конференции. Поэтому, чтобы расстроить действия наших противников на мирной конференции, мы сочли нужным отказаться от условий 27 марта 1918 года»²⁰. К тому же сохранение автономии Бессарабии, пусть даже формальной, могло служить примером для других областей, вошедших в состав Румынии в 1918 г.

В действительности никакой автономии Бессарабии не было, вся жизнь в области регламентировалась декретами румынского короля и приказами его наместника. Хотя военные действия на Румынском фронте были давно прекращены, 1 июля 1918 г. декретом короля на территории Бессарабии было продлено осадное положение, которое послужило предлогом для сохранения цензуры печати и переписки, запрещения собраний. Почта, телеграф, телефон перешли в ведение румынской администрации. Были упразднены городские и уездные милиции, в городах они были заменены румынской полицией, а в сельской местности — румынской жандармерией. В октябре 1918 г. декретом короля были распущены губернское земство, Краевой союз городов, городские и уездные органы самоуправления (думы, управы). Вместо них по представлению военного генерального комиссара Бессарабии генерала А. Вэйтояну, наделенного диктаторскими полномочиями, были назначены временные комиссии по управлению городами. В конце октября на Бессарабию было распространено действовавшее в Румынии судебное законодательство²¹. Функции

Сфатул Цэрий, принявшей 27 марта (9 апреля) 1918 г. упомянутую Декларацию о присоединении Бессарабии к Румынии, были сведены к подготовке до 1 октября 1918 г. проекта аграрной реформы.

Пока шли споры о том, каким должен быть закон об аграрной реформе, румынские власти усиленно готовились к ликвидации «автономии» Бессарабии. Это предстояло осуществить тому же Сфатул Цэрий, принявшему 27 марта (9 апреля) 1918 г. решение о присоединении Бессарабии к Румынии на условиях сохранения автономии области.

В Румынии прекрасно знали об антирумынских настроениях населения Бессарабии, о недовольстве значительной части членов Сфатул Цэрий жесткой политикой румынских властей в крае. Никто иной, как Н. Александри, один из организаторов молдавского национального движения, учредитель газеты «Кувинт Молдовенеск» — органа Молдавской национальной партии, тот самый, который, как старейший делегат, открывал учредительное собрание Сфатул Цэрий, а 27 марта (9 апреля) 1918 г. голосовал за присоединение Бессарабии к Румынии, 7 (20) октября 1918 г. выступил с речью в Кишиневе на собрании местного отделения «Народно-демократической лиги» — партии, возглавляемой генералом А. Авереску, в которой выразил резкий протест по поводу «установленного и устанавливающегося» в Бессарабии режима террора. Отстаивая автономию Бессарабии, Н. Александри в заключение сказал: «Если мы не отстоим за собой права быть хозяевами в своем доме, если порядки Румынии, которые спешно заводятся в нашем крае, уцелеют, мы сделаем скачок назад на сто лет»²².

Правители Румынии старались избавиться от таких членов Сфатул Цэрий. С мая и до 25 ноября 1918 г. из его состава по разным причинам выбыли 18 его членов, главным образом, из крестьянской фракции и фракции национальных меньшинств. Из их числа были выдворены за Днестр активно выступавшие против произвола ру-

мынских властей И. Криворуков, К. Мисирков, В. Курдиновский, А. Осмоловский, М. Старенький, Г. Пономарев. Вместо «выбывших» были кооптированы «надежные» лица.

Первоначально сессия Сфатул Цэрий, призванная утвердить проект закона об аграрной реформе, отменить прежнее решение об автономии Бессарабии и заменить его на безусловное присоединение края к Румынии было намечено на 10 (23) ноября. Но ее организаторы столкнулись с очередной и серьезной неприятностью.

Накануне группа членов Сфатул Цэрий, среди них упомянутый Н. Александри, председатель президиума Военно-молдавского съезда, принявшего в октябре 1917 г. решение об образовании Сфатул Цэрий, он же председатель Молдавского блока в Сфатул Цэрий; его заместитель по блоку, один из руководителей Молдавского Совета солдатских и офицерских депутатов в Одессе и организаторов Военно-молдавского съезда И. Пэскэлуцэ, голосовавшие 27 марта 1918 г. за условное присоединение Бессарабии к Румынии; члены крестьянской фракции в Сфатул Цэрий В. Цыганко, Г. Бучушкан, С. Доникэ-Иордэреску, Ф. Молдован, Н. Будниченко, И. Гарбуз, Ф. Никитюк, воздержавшиеся при упомянутом голосовании; представитель руководства профсоюзом Шт. Баламез, голосовавший против, а также делегат кооперативов юга Бессарабии М. Русев и делегат от думы В. Гензул, не участвовавшие в голосовании 27 марта (9 апреля) 1918 г., направили румынскому правительству «Меморандум». На документе сделана отметка: «Кроме этих 13 подписей собрано под этим актом более 40 подписей».

В «Меморандуме» румынскому правительству были выставлены следующие требования: восстановление свободы слова (упразднение цензуры), собраний, совести, союзов; неприкосновенность личности депутатов Сфатул Цэрий и вообще всех граждан Бессарабии; возвращение высланных членов Сфатул Цэрий; снятие осадного положения и восстановление конституционных гарантий; перевыборы

президиума Сфатул Цэрий и Совета генеральных директоров с привлечением настоящих к ответственности за нарушение автономии Бессарабии; упразднение Генерального Комиссариата и передача всей власти в Бессарабии Сфатул Цэрий и Совету директоров (исполнительный орган); увода жандармов из деревень в места, указанные Директором внутренних дел нового Директората и подчинение их гражданской администрации; восстановление упраздненных органов земского и городского самоуправления и всех им присвоенных прав согласно законам российского Временного правительства; возврат на службу всех удаленных бессарабцев — чиновников и служащих всех учреждений; восстановление в прежнем виде судебных установлений; восстановление нарушенных прав национальных меньшинств; принятие закона о выборах Сфатул Цэрий и новые выборы этого органа на его основе; создание после выборов нового Сфатул Цэрий комиссии для обследования всех нарушений, совершенных гражданскими и военными властями в Бессарабии. В «Меморандуме» сказано, что в случае невыполнения этих требований «нижеподписавшиеся депутаты слагают с себя нравственную ответственность за последствия...»²³. Конечно, ни до 5 декабря (старого стиля) 1918 г., ни после этой даты, как требовали авторы «Меморандума», решительно отстаивающие настоящую автономию области, письменного ответа от румынских властей они не получили.

Далее произошло следующее. Для того, чтобы обеспечить успешное голосование на предстоящей «чрезвычайной сессии», 23 ноября (6 декабря) единоличный правитель Бессарабии румынский корпусной генерал А. Вэйтояну, он же министр в составе правительства, возглавляемого генералом Н. Коандой, созвал группу членов Сфатул Цэрий, в основном из Молдавского блока, и без обиняков заявил им: «Я пригласил вас сюда, чтобы поговорить с вами как румын с румынами и поставить вас в известность о положении, в котором находится бессарабский вопрос. Все наши

обсуждения должны остаться между нами... Мы должны прийти в Сфатул Цэрий с уже готовым решением... Вы должны отказаться от этой автономии. Отказ от автономии нам необходим перед лицом мирной конференции. Мы должны прийти объединенными и не подавать никакого повода для критики... Я надеюсь, что в данный момент колебания прекратятся». Обращаясь прямо к вышеупомянутому Н. Александри, А. Вэйтояну предупредил его: «Я надеюсь, что вы перестанете забавляться вашей русификацией, так как в противном случае нам придется принять меры...»²⁴. Присутствующие хорошо знали, что скрывается за угрозой «принять меры»... Намек был сделан генералом на расстрел бывших членов Сфатул Цэрий Т. Котороса, И. Панцыря, В. Рудьева, В. Прахницкого, П. Чумаченко, которые на 3-м крестьянском съезде Бессарабии высказались против оккупации Бессарабии румынскими войсками.

Второе действие по осуществлению безусловного присоединения Бессарабии к королевской Румынии состоялось 26 ноября (9 декабря) 1918 г. Для поддержки линии правительства в бессарабском вопросе из Румынии в Кишинев 24 ноября (7 декабря) прибыли министры от Бессарабии в румынском правительстве И. Инкулец и Д. Чугуряну. 25 ноября (8 декабря) король Фердинанд подписал декрет о созыве «чрезвычайной сессии Сфатул Цэрий с целью совершить то, что осталось ему сделать...».

О том, что произошло накануне и на самой этой последней сессии Сфатул Цэрий, рассказала группа членов Сфатул Цэрий в акте, составленном ими «в интересах разоблачения невиданного и недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации...». Кроме авторов приведенного выше «Меморандума» акт-протест подписали также вице-председатель распущенного губернского земства Ф. Суручану, вице-председатель Бендерского земства А. Ратку, председатель Кишиневского уездного земства Ф. Няга, председатель Оргеевской земской управы П. Бажбеук-Меликов.

«25 ноября 1918 г. по инициативе Молдавского блока, — читаем в акте, — было назначено открытие сессии Сфатул Цэрий без заблаговременной публикации в газетах и рассылки повесток, о чем была поставлена в известность лишь группа депутатов Молдавского блока»..., «все остальные парламентские группы совершенно не были оповещены об открытии». Только «в румынском издании» газеты «Сфатул Цэрий» от 26 ноября, «вышедшем к вечеру 25 ноября», сказано в акте, сообщалось, что «завтра» или «послезавтра» будет созван Сфатул Цэрий. Лишь за два часа до начала заседания узнал об открытии сессии лидер крестьянской фракции В. Цыганко, что лишило его возможности оповестить членов крестьянской фракции.

Несмотря на протест В. Цыганко, сессия была открыта и выборы президиума состоялись при наличии только 48 из 162 членов Сфатул Цэрий, то есть в отсутствие кворума. В знак протеста против этого грубого нарушения элементарного требования демократии некоторые члены Краевого совета покинули зал заседаний.

Обсуждение первого вопроса повестки дня о принятии аграрного законопроекта продолжалось до часу ночи. 27 ноября (10 декабря) 1918 г. «в два с половиною часа ночи, по окончании чтения законопроекта, — говорилось в акте-протесте 10 членов Сфатул Цэрий, — без всякого предупреждения председательствующим Халиппой была прочтена резолюция» о желательности присоединения Бессарабии к Румынии без всяких условий и ликвидации объединения, предусмотренных актом 27 марта (9 апреля) 1918 г. При принятии резолюции в зале заседания находилось всего 46 депутатов. В акте-протесте читаем: «Часть депутатов начала аплодировать, заглушая вопросы председательствующего о том, кто против, кто воздержался. «Принято единогласно», — заявил председательствующий г-н Халиппа. Представители части депутатов крестьянской фракции, протестуя, просят слова для заявления. Председательствующий Халиппа слова не дает, и акт величайшей государственной важности

считается решенным при полном отсутствии кворума (46 депутатов, из которых часть во главе с депутатом Бучушканом выражала свой протест). Вызванный затем по телефону генеральный комиссар генерал Вэйтояну по прибытию своему немедленно прочел королевский декрет о закрытии сессии Сфатул Цэрий. Произошло это уже в пять с половиной часов утра».

«Имевшие полномочия от различных парламентских групп» и подписавшие акт-протест члены Сфатул Цэрий заявили, что считают принятые на последней сессии постановления «ввиду допущенных явных правонарушений, граничивших с обманом, недействительными, незаконными и со всей энергией протестуют против отказа от автономии как против акта насилия над волей народов Бессарабии»²⁵.

Это было последнее заседание Сфатул Цэрий. Он, как и Совет генеральных директоров, прекратили свое существование.

А. Маргиломан, узнав о том, как было проведено голосование 27 ноября (10 декабря) 1918 г., с явным разочарованием отметил в своем дневнике: «Трио Инкулец-Халиппа-Чугуряну были инициаторами отказа от (условий — И. Л.) мартовского акта 1918 г. Несмотря на все истраченные деньги, не набралось и 30 депутатов, чтобы за это проголосовать»²⁶.

Некоторые румынские историки и политики, в том числе современные, для обоснования правомерности присоединения Бессарабии к Румынии ссылаются на вышеуказанные решения Сфатул Цэрий. Так, румынский историк В.Ф. Добринеску объявляет их «плебисцитарными решениями», «спонтанными плебисцитами»²⁷. Также «плебисцитарными» считает эти решения кишиневский историк Октавиан Цыку²⁸. Иной точки зрения придерживался известный румынский дипломат, министр иностранных дел Румынии в 1932—1936 гг. Николае Титулеску. Он отдавал себе отчет, что решение Сфатул Цэрий от 27 марта 1918 г. о присоединении Бессарабии к Румынии является слабым аргументом для обоснования румынских прав на эту область.

В начале Второй мировой войны, обеспокоенный судьбой своей страны, проживавший за рубежом Н. Титулеску писал королю Румынии Каролю II относительно статуса Бессарабии и ее самоопределения в 1918 г.: «Самоопределение, откровенно говоря — это плебисцит. Для того, чтобы приобрести силу международного права, любой плебисцит должен проводиться в условиях свободы. Поэтому там, где к нему часто прибегали, а ведь известно, сколько областей на основе плебисцитов было присоединено к определенным странам договорами 1919 г. (речь шла о Парижских договорах. — И. Л.), там именно международные, а не военные силы той или иной заинтересованной стороны обеспечивали порядок». Опытный политик прекрасно понимал, в чем нелегитимность акта от 27 марта (9 апреля) 1918 г.

Таким образом, еще до открытия Парижской конференции правители Румынии поставили ее участников перед совершившимся фактом: они включили в состав страны не только предусмотренные секретным договором 4 (17) августа 1916 г. с Антантой территории, входившие до войны в состав Австро-Венгрии, но и не предусмотренную этим договором Бессарабию. Они тешили себя мыслью, что, поскольку Бухарестский мир с Четверным союзом не был утвержден королевским декретом, его можно считать недействительным и, следовательно, Румыния договора 1916 г. с Антантой не нарушала. Тем самым она на законных основаниях должна считаться членом антантовского блока и вправе рассчитывать на выполнение всех пунктов договора от 4 (17) августа 1916 г. Надеялись румынские правящие круги и на то, что союзники официально санкционируют включение Бессарабии в состав Румынии, учитывая их заинтересованность иметь на территории этой области плацдарм борьбы с большевизмом на юге Украины. Не мешкая, в «Monitorul Oficial» (№ 212, 217, 219) были опубликованы декреты о включении перечисленных областей в состав Румынии, 24 января 1919 г. они были ратифицированы парламентом.

На сей раз ни правительство РСФСР, ни Центральная рада Украины не отреагировали на акцию румынских правящих кругов по ликвидации «автономии» Бессарабии, как это имело место в апреле 1918 г., когда в связи с решением Сфатул Цэрий о присоединении Бессарабии к Румынии в адрес румынского правительства были направлены резкие ноты протеста.

За истекшие после этого месяцы ситуация в мире существенно изменилась. Поражение Четверного союза позволило Антанте сосредоточиться на борьбе с большевиками. На второй день после подписания Компьенского перемирия командование армий Антанты выработало план дальнейшего использования войск, в котором среди прочего указывалось: «Необходимо уничтожить большевизм...». Довольно подробно в плане излагались направления интервенции в Россию, в частности, в Южную Россию, «одновременно: через Румынию, и через Черное море»²⁹.

13 ноября 1918 г. Англия и Франция подтвердили подписанное ими 23 декабря 1917 г. соглашение о разделе Южной России на сферы действия³⁰. Бессарабия, Украина и Крым оставались французской зоной. На следующий день было принято решение помогать А.И. Деникину оружием и военным снаряжением. Представитель А.И. Деникина генерал Д.Г. Щербачев посетил Бухарест, где находился штаб французского генерала А.М. Бертело, его старого знакомого, и обсудил с ним все вопросы, связанные с интервенцией и помощью белогвардейцам. Докладывая А.И. Деникину о планах союзников, бывший командующий русскими войсками Румфронта с восторгом писал: «Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении»³¹.

В подготовке и осуществлении интервенции на Украине, замены там отходивших немецких войск своими Антанта с самого начала стремилась использовать и румынскую армию. Начальник

объединенного штаба войск Антанты маршал Ф. Фош в письме на имя главы французского правительства Ж. Клемансо от 20 ноября 1918 г. писал относительно подготовки интервенции: «Начальная подготовка должна состоять в следующем: постепенно пододвигать к бессарабско-украинской границе франко-румынские войска, использование которых будет признано необходимым»³². О «сотрудничестве» с румынской армией в деле замены германских войск антантовскими Ф. Фош сообщал также начальнику генштаба армии Великобритании генералу Г. Вильсону³³.

Временная столица Румынии г. Яссы вновь стала одним из центров по организации акций борьбы с большевистской угрозой. Как писали «Известия ЦИК», «Яссы в настоящее время являются центром политической жизни на Ближнем Востоке, куда собрались представители всех балканских государств, представители Дона, Кубани, Украины, а также «добровольческой» и «северной» армий. Здесь генералы Щербачев и Головин и многие дипломаты Украины»³⁴ (речь идет о представителях «Украинского национального союза», созданного летом 1918 г. различными украинскими националистическими партиями)³⁵.

На состоявшемся совещании военных и дипломатических представителей США, Англии, Франции, Италии и Румынии с представителями российских белогвардейских организаций «по вопросу о воссоздании России» союзники «высказались за соглашение» со всеми правительствами, образовавшимися на территории прежней России, поскольку последние «борются с большевиками», и выразили готовность оказать воюющим против большевиков войскам финансовую и военную помощь. Речь шла прежде всего о том, чтобы оказать «поддержку “добровольческой” армии Деникина», затем помочь «Дону и Украине», а «для осуществления всех этих мероприятий в ближайшее время высадить на северном берегу Черного моря союзнический десант»³⁶.

Веря в успех интервенции, участники совещания обсудили и проблему «государственного устройства» России. По этому вопросу, по словам одной из газет, не было принято решения: «одни были за введение диктатуры, другие — за введение директората»³⁷. В одном все сошлись: немедленно осуществить оккупацию Украины войсками Антанты.

В ходе переговоров об участии румынской армии в организованной Антантой военной интервенции против большевистской России не был обойден и вопрос о Бессарабии. В этом плане представляет интерес рапорт румынского генерала К. Презана, вновь назначенного начальником генштаба румынской армии, о его беседе с французским генералом А.М. Бертело. Первый раздел рапорта он озаглавил: «Воссоздание России и проблема Бессарабии». К. Презан писал: «Генерал (Бертело. — И. Л.) сообщил мне, что он назначен командующим всеми союзными силами, которые будут действовать в России в целях уничтожения большевизма и восстановления России. Чтобы довести до успешного конца эту миссию, он наделен союзниками всеми правами (выделено в документе. — И. Л.). Но поскольку в данный момент он располагает лишь 4 дивизиями, просит содействия 16 полков румынской пехоты. Из этих частей он намерен сформировать франко-румынские дивизии. Тогда я рассказал о беседах, имевших место в настоящее время в Яссах между нашими политическими деятелями с г-ном Милуковым и генералом Щербачевым касательно проблемы Бессарабии. После ознакомления его с их позицией в этом вопросе, он (Бертело. — И. Л.) подтвердил мне, что Россия будет восстановлена без Бессарабии. После такого заявления я обещал ему, что передам его просьбу моему правительству». А.М. Бертело сообщал также о намерении для демонстрации «прочности союза» Румынии с Антантой разместить два французских полка в Бухаресте и Яссах, выделив по батальону для дислокации в Плоешти, Брэиле-Галаце»³⁸.

Относительно позиции США в вопросе «унии» государственный секретарь США Р. Лансинг направил своему посланнику в Румынии Ч. Випичке телеграмму с поручением заверить румынское правительство, что позиция Соединенных Штатов по отношению к этой стране «ничуть не изменилась» и «союзники поддержат национальные требования Румынии в соответствии с заключенным союзным договором». В телеграмме также говорилось, что не может быть и речи о передаче Болгарии «ни одной пяди румынской земли»³⁹. Но, как известно, США не участвовали в подписании договора Антанты с Румынией от 4 (17) августа 1916 г., да и о Бессарабии в нем речи не было.

Со ссылкой на сведения, обнародованные Министерством иностранных дел УНР, «Известия ЦИК» писали: «...между союзниками и Румынией достигнуто полное соглашение, и поэтому операция румынских войск на юге России в дипломатических кругах рассматривается как продиктованная союзным командованием для осуществления намеченного общего плана»⁴⁰.

В конце ноября 1918 г. началась высадка войск Антанты в Одессе, Херсоне, Севастополе и других черноморских портах. Вскоре зона оккупации расширилась, в нее вошла и южная часть левобережья Днестра. Одновременно находившиеся в Румынии французские войска стали сосредоточиваться в Бессарабии.

Правящие круги Румынии лелеяли надежду, что объединенным антибольшевистским силам России и западных стран на сей раз удастся задушить советскую власть. К тому же участием в этих акциях они, как уже отмечалось, стремились укрепить свои позиции в предстоящем мирном урегулировании. Прошло немного времени, и под жирным заголовком на первой странице «Румынская королевская армия переходит Днестр» газета «Glasul Bucovinei» («Голос Буковины») — «орган пропаганды объединения всех румын» — писала: «Румынская королевская армия призвана вместе с нашими великими

союзниками — Францией, Англией, Америкой, Италией, Японией, Сербией и Бельгией — перейти Днестр для восстановления порядка в анархической России». И далее: «Румынской королевской армии оказана великая честь, и румынский народ гордится доверием наших великих союзников, народ, который среди разбушевавшейся бури у окружающих его народов остался при всех обстоятельствах верен своему долгу, сохранил достоинство, спокойствие и преданность». Газета поспешила объявить, что союзники «полностью признали правомерность претензий румын и окончательно решили, что границы Румынии будут простирались от Днестра до Тисы и отсюда до Дуная и Черного моря»⁴¹.

В действительности все было не так. В тот момент союзники были далеки от признания указанных границ Румынии, неверно было и то, что «разбушевавшаяся буря» не затронула румынский народ. Как и в других странах, революционная волна охватила и Румынию, достигнув в декабре 1918 г. высокого накала. 13 декабря, вскоре после возвращения правительства из Ясс в Бухарест, в столице состоялась мощная демонстрация участников всеобщей забастовки. Она проходила под лозунгами «Долой осадное положение!», «Долой цензуру!», «Хотим мира и хлеба!» и т. д.⁴² И. Дука подает события 13 декабря 1918 г. как результат деятельности «Раковского и агентов Москвы». Вместе с тем он вынужден признать, что они были вызваны не только «коммунистической агитацией», но и «трудностями внутреннего порядка», что «в стране дует ветер большевизма, наблюдается психоз социального разложения»⁴³.

Кровавая расправа над демонстрантами, в результате которой более 100 человек было убито и свыше 200 ранено, вызвала протесты по всей стране, ширились антивоенные настроения в армии⁴⁴. Свидетель событий в румынской столице корреспондент английской газеты «The Times» в обзоре «Румыния сегодня», опубликованном накануне открытия Парижской мирной конференции, писал, что «в

Бухаресте забастовка трудящихся, носящая анархический характер, к счастью, была быстро подавлена»⁴⁵.

Прибегнув к массовым репрессиям, введя осадное положение, правящие круги страны одновременно вступили на путь обещанных ранее реформ. В декабре 1918 г. в Бухаресте были обнародованы декрет об аграрной реформе на территории Старого королевства и поправки к закону об избирательном праве, в соответствии с которыми всем мужчинам с 21 года предоставлялось право голоса. Этими мерами румынская олигархия стремилась стабилизировать обстановку в стране.

Революционные события заставили И.И.К. Брэтиану задержаться с выездом в столицу Франции. Впоследствии он признался в интервью прессе, что «давно хотел оказаться в Париже», но вынужден был остаться в Бухаресте «из-за происков врагов в форме большевистских вылазок», а также из-за «продовольственной проблемы»⁴⁶.

Тем временем в мире в связи с подготовкой мирной конференции в Париже, намеченной на середину января 1919 г., сильно накалилась атмосфера вокруг территориальных проблем. Широко обсуждалась и проблема послевоенных границ Румынии, включая вопрос о будущем статусе Бессарабии и Северной Буковины.

В самой Бессарабии после акта 27 ноября (10 декабря) положение оставалось крайне напряженным. Правящие круги Румынии, желая укрепить свои позиции на будущей мирной конференции, старались создать у мировой общественности впечатление, что население края с радостью восприняло решение Сфатул Цэрий о безусловном присоединении к Румынии. Румынские власти организовали серию «благодарственных молебнов» по случаю решения Краевого совета. Так, например, в с. Шабо Аккерманского уезда на второй день после упомянутого «голосования» начальник местной жандармерии под угрозой расправы побуждал учителей и школьников явиться в

церковь, где священник отслужил молебен в честь «добровольного присоединения Бессарабии к Румынии»⁴⁷. Случалось, что организаторы молебнов наталкивались на сопротивление со стороны населения. Так, командир 6-го жандармского полка доносил Генеральному комиссариату Бессарабии, что 2 (15) декабря на собрании жителей с. Вэрзэрешть Кишиневского уезда было заявлено, что не нужна им «румынская власть», и «прозвучала ругань в адрес румынских властей»⁴⁸. В с. Чучулень 1 (14) декабря во время богослужения один из жителей стал рассказывать, что он, будучи в составе какой-то делегации, слышал и видел в Бухаресте. Реакция односельчан в донесении описывается так: «Толпа набросилась на него с намерением убить, так как, по их словам, он поехал в Бухарест для того, чтобы продать Бессарабию Румынии»⁴⁹. В тот же день и по такому же случаю в с. Болдурешть священник, собиравшийся выступить с речью, «был встречен толпой криками о том, что они не хотят объединения с Румынией»⁵⁰. В с. Мерень на собрании по случаю празднования объединения крестьянин Макарий Ион Нестор, взяв слово, заявил: «Земля Румынии за Прутом, а не в Бессарабии»⁵¹.

Присоединение Бессарабии к королевской Румынии, проводимая там правящими кругами этой страны политика затронули интересы почти всех социальных слоев населения края. В секретной записке бессарабских прорумынских деятелей П. Халиппы, И. Кодряну и других, направленной румынскому правительству в декабре 1918 г., признавалось: «...Все классы населения обьяты негодованием»⁵². Конечно, разные причины вызывали это недовольство у тех или иных социальных слоев, и по-разному стремились они разрешить свои противоречия с новой администрацией. Местные имущие классы были удовлетворены подавлением революционных выступлений румынскими войсками и оказывали им поддержку. Вместе с тем владельцы латифундий жаловались на медлительность румынских властей в восстановлении помещичьей собственности на землю и

инвентарь, их раздражали обещания Сфатул Цэрий о проведении в жизнь радикальной аграрной реформы. Многие помещики считали, что их интересы были бы лучше защищены в случае победы в гражданской войне монархических сил и возвращения Бессарабии в состав «возрожденной» России. Об этом же мечтала большая часть буржуазии края, экономическое процветание которой обеспечивалось в прошлом тесной связью с российским рынком. Крайне недовольны были румынскими властями бывшие чиновники царской администрации, земские и думские деятели. Еще до роспуска Сфатул Цэрий они образовали «Комитет освобождения Бессарабии»⁵³, в воззвании которого «К народам всего мира» говорилось: «...Бессарабия неожиданно для населения и против его воли огнем, мечом и ложью была объявлена частью Румынского королевства...». Обвинив румынские власти в том, что установленный ими режим «кошмарной инквизиции» обратил «всю Бессарабию в грозно клокочущий вулкан», деятели комитета⁵⁴ заканчивали воззвание словами: «Проклятие узурпаторам! Да здравствует свободный референдум! Да здравствует воля народа!»⁵⁵. Дипломатическим представителям держав Согласия была передана «Декларация Союза освобождения Бессарабии», в которой выражалась просьба «не предпринимать вопроса (о Бессарабии. — И. Л.) до всемирного конгресса, предоставив населению Бессарабии выявить свою подлинную волю»⁵⁶.

Многие деятели «Комитета (Союза) освобождения Бессарабии», опасаясь преследований со стороны румынской администрации, перебрались в Одессу, где был образован «Одесский комитет освобождения Бессарабии». Вскоре в прессе появилось его обращение. В нем указывалось, что, поскольку царивший в Бессарабии террор не позволяет выявить волю народа этого края, в Одессе создан комитет, задача которого состоит в том, чтобы «осведомить общественное мнение и печать России, державы Согласия и Америки об истинном положении вещей в Бессарабии». В публикации

отмечалось, что в состав комитета «входят общественные и политические деятели без различия партий, тесно связанные с Бессарабией и болеющие ее нуждами», «уполномоченные говорить от имени всей Бессарабии»⁵⁷. В конце 1918 г. центр «Союза освобождения Бессарабии» находился в Киеве. В Киеве и Одессе деятели Союза поддерживали связь с представителями держав Согласия, информируя их о положении в Бессарабии.

Деятели комитета были противниками всяких революционных выступлений масс. Так, в листовке «Земледельцы Бессарабии» они призывали к пассивному сопротивлению румынским властям. В частности, предлагалось не принимать «никакого участия в румынских выборах», доказывая тем самым, что население хочет «быть не с Румынией, а с Великой Россией»⁵⁸.

В аграрном вопросе комитет считал необходимым пойти на частичную передачу помещичьей земли крестьянам. Запугивая бессарабских крестьян тем, что отнятые у помещиков земли будут отданы «переселенцам из Румынии», деятели комитета писали в упомянутой листовке: «Вы можете получить землю навечно только от Российского государства, которое, дав вам землю, даст вам на эту землю законный документ. Поэтому вы все должны стремиться к тому, чтобы опять создалась Россия»⁵⁹.

Уповав на Парижскую мирную конференцию, деятели Одесского комитета к 1 января 1919 г. подготовили «Записку-меморандум» о положении в Бессарабии для представления ее державам Согласия и делегатам будущей международной мирной конференции⁶⁰. «Необходимость такого выяснения, — говорится в «Записке», — вытекает из тех притязаний на Бессарабию со стороны Румынского королевства, которые вылились сначала в форму оккупации края с ведома союзных держав и с согласия германского Правительства, причем как изданный по этому поводу приказ генерала К. Презана, так и письмо французского посланника в Румынии г. Сент-Олера

с точностью указывали на чисто военные задачи, возложенные на румынское военное командование»⁶¹. Сам факт интервенции и подавления революционных выступлений деятели Одесского комитета не осуждали, их возражения вызывали дальнейшие действия яесского кабинета, которые завершились актом присоединения Бессарабии к Румынии.

Поскольку тезисы «Записки-меморандума» легли в основу выступлений представителей русской белой эмиграции, участвовавшей в обсуждении бессарабского вопроса на Парижской конференции, изложим подробнее содержание этого документа, тем более что сведения о нем в исторической литературе не встречаются. Авторы «Записки» считали, что исторические, национальные и формальные мотивы, выставляемые Румынией в качестве притязаний на Бессарабию, несостоятельны. К моменту объединения двух княжеств — Валахии и Молдовы — в 1859 г., говорилось в документе, Бессарабия до этого находилась «в Российском владении на основании Бухарестского мира 1812 г., когда она была отторгнута Россией как одна из провинций Османской империи, и, следовательно, никогда в состав Румынского королевства не входила»⁶².

«Что же касается прав национальных, — говорилось в «Записке» далее, — то они могут быть рассматриваемы только с точки зрения принадлежности части населения (меньше половины — 47,58%) к молдавской национальности», которой «чужда румынская национальная идея», впервые якобы появившаяся «в Дунайских княжествах из Трансильвании в 1816 г., то есть уже после отторжения Бессарабии от Молдавии». В самих княжествах, сказано в «Записке», «эта идея для своего признания в широких народных массах потребовала вековой совместной исторической жизни. Еще в половине прошлого века народные румынские массы были ей совершенно чужды. В Бессарабии молдавское население и поныне чуждо этой национальной идее». По мнению авторов «Записки», «за исключе-

нием нескольких отдельных лиц, перечислить коих можно и ныне, бессарабские молдаване называют себя русскими молдаванами»⁶³.

Авторы «Записки» заявляли, что «такому обрусению» содействовал ряд причин: «Бессарабия всегда видела в России христианскую державу, защищавшую ее от турецкого насилия, и потому присоединение к России означало для Бессарабии избавление от турецкого деспотизма, а предоставление ей тех же прав, которыми обладали и великорусские губернии, то есть введение земских и городских самоуправлений, выборного судебно-мирового института и проч., а также наделение крестьян землей (по 8 десятин) наравне с русскими бывшими крепостными, несмотря на то, что в Бессарабии никогда не было крепостного права, все это не могло не спаять ее с Россией в одно целое»⁶⁴.

В «Записке» утверждалось, что «под правлением России Бессарабия никогда не чувствовала гнета русификации, если не считать отдельных неудачных правительственных распоряжений времен Александра III и Николая II», причем, они были приняты «просто потому, что в населении Бессарабии не было никаких сепаратистских национальных стремлений». Да и Румыния, «поглощенная внутренними настроениями», по мнению авторов «Записки», нисколько «не пыталась пропагандировать среди молдавского населения Бессарабии румынскую национальную идею», если не считать «единичных попыток, не имевших никакого влияния на общее положение дел в Бессарабии». «Препятствовало этому еще и то обстоятельство, — подчеркнуто в «Записке», — что молдавское население писало “кирилицей” (кавычки в документе. — И. Л.), в то время как Румыния перешла на латинский алфавит»⁶⁵.

К другим причинам «обрусения» бессарабских молдаван авторы документа относят «совершенно ничтожное» общение между «населением двух стран», отсутствие «экономического тяготения друг к другу» в силу однотипности «занятий населения обеих стран»,

слабости «обмена культурными ценностями», а также потому, что «крестьянские массы в Бессарабии жили в гораздо лучших экономических условиях, чем те же массы в Румынии». «По причинам, изложенным выше, — заключали авторы «Записки-меморандума», — Бессарабия никогда и не тяготела к Румынии»⁶⁶.

Большое место в меморандуме Одесского комитета уделено описанию установленного Румынией в Бессарабии режима, отношению населения края к румынским властям и анализу того, дают ли акты от 24 января, 27 марта и 27 ноября 1918 г. формальное право Румынии на Бессарабию.

Авторы меморандума утверждали, что пришедшие в Бессарабию румыны, «воспитанные у себя на родине на национальных идеях единой Великой Румынии, наслышавшиеся там о страданиях своих запрутских братьев, к своему великому удивлению увидели, что за Прутом живет население в лучших условиях, чем они сами», что ему «чужда румынская национальная идея», что молдавское население утратило «память о своем кровном родстве» с румынами. Более того, из-за жестокого режима, установленного румынской администрацией в Бессарабии, отношение к Румынии со стороны населения стало враждебным⁶⁷.

Решение Сфатул Цэрий от 24 января 1918 г. о «независимости» Молдавской Народной Республики, которая существовала всего 61 день, явилось, как отмечалось в «Записке», не «самоцелью», а подготовительной ступенью акта от 27 марта 1918 г. о присоединении Бессарабии к Румынии, замышляемого группой лиц. «Акт от 24 января 1918 г., — говорилось в документе, — не мог иметь никакого международного значения, потому что провозглашение возникновения нового государства не было признано ни одной державой, каковые потому и не завязали никаких дипломатических сношений с новой республикой. Следовательно, невзирая на этот акт, Бессарабия осталась в глазах великих держав составной частью Российского

государства»⁶⁸. Подчеркивался и такой момент: в решении Сфатул Цэрий от 24 января 1918 г. сказано, что «союзные отношения с другим государством» может устанавливать только «правильно избранное Народное Учредительное Собрание Молдавской Республики», и то в случае, «если того требует благо народов», населяющих ее. Подчеркивалось, что в январе 1918 г. эти «союзные отношения» не имелись в виду (очевидно, большей частью членов Сфатул Цэрий), что «сам Сфатул Цэрий не считал себя полномочным на их установление», и, следовательно, акт от 27 марта 1919 г. «также не имел никакого юридического значения». Он не имел юридической силы еще и потому, что «вступать в самостоятельные международные отношения могут лишь самостоятельные государства, а не провинции, входящие в состав других государств»⁶⁹.

В «Записке» обращалось внимание и на такое обстоятельство: в проекте конституции Молдавской Народной Республики, выработанном по поручению Сфатул Цэрий состоявшим при нем Молдавским юридическим обществом, предусматривалось, что «вопрос об унии этой республики с другим государством может быть решен лишь путем референдума»⁷⁰.

В документе подробно описывались беззакония при голосовании в Сфатул Цэрий 27 марта и 27 ноября 1918 г., приводились факты, впоследствии широко освещенные в литературе.

Деятели Одесского комитета не признавали советское правительство, а посему и его протест от 18 апреля 1918 г., адресованный румынскому правительству в связи с решением Сфатул Цэрий об условном присоединении Бессарабии к Румынии, они обошли молчанием, упомянув лишь ноту Центральной рады по этому поводу и утверждая, что «протест раздался только со стороны организованной части России — Украины»⁷¹.

Авторы «Записки-меморандума», как представители земств и дум, считали единственно законными органами Бессарабии губерн-

ское Земское собрание и Союз городов и городских дум, избранных населением на основе всеобщего избирательного права и состоящих в большинстве своем из представителей молдавского крестьянства⁷². Отмежевываясь от крупных помещиков Бессарабии — противников любых реформ и преобразований, сочинители меморандума объявляли «Союз земельных собственников» реакционной силой. Сфатул Цэрий в своем первоначальном составе, с их точки зрения, являлся «большевистско-самочинной организацией»⁷³, которая своими «инструкциями» и действиями уездных комиссаров, таких как Т. Которос, В. Рудьев и другие, побуждала крестьянское население «к разгрому помещичьих усадеб и экономий»⁷⁴. Земцы и думцы категорически выступали против революционных действий масс.

Обширный, на десятки страниц, меморандум заканчивался следующими выводами:

— «принцип соединения в одно государство малых народностей, говорящих на родственном языке и принадлежащих к одной расе, к Бессарабии не применим». Применение этого принципа должно исходить не от румынского королевства, а от «бессарабского населения»⁷⁵;

— у Румынии отсутствуют исторические и национальные права на Бессарабию, фактической проверкой этих прав может явиться только плебисцит;

— Сфатул Цэрий — незаконный орган, его решения «носят чисто бутафорский характер»;

— управление румынской администрации в крае основано исключительно на насилии, терроре, все обещания, данные населению, не были исполнены;

— все акты волеизъявления самого населения, как то: телеграммы о верноподданнических чувствах к королю и королевству и другие, представляемые румынской государственной властью союзным державам в качестве доказательства благожелательного к себе

отношения со стороны бессарабского населения, вымогаются у него путем невероятных насилий;

- румынизация осуществляется насильственно путем декретов;
- действия румынской государственной власти в Бессарабии являются посягательством на право народов на самоопределение, совершенно игнорируется желание народов края⁷⁶.

В обращении к международной мирной конференции авторы «Записки-меморандума» просили «произвести на территории Бессарабии плебисцит в целях выяснения, желает ли население Бессарабии присоединиться к Румынии; причем в интересах самоопределения молдавской части этого населения и в интересах наглядного убеждения Румынии в бесплодности ее притязаний в будущем желательно внести в организацию плебисцита двойственный подсчет голосов: подсчет голосов всего населения в целом и отдельный подсчет голосов только молдавского населения»⁷⁷.

В целях создания необходимых условий для проведения плебисцита в «Записке-меморандуме» предлагалось вывести на этот период из Бессарабии румынскую администрацию и войска, поручить осуществление данного мероприятия международной смешанной комиссии⁷⁸.

В заключение в документе говорилось: «Такого рода просьба, обращенная от имени бессарабского населения к международной мирной конференции, имеет в виду не только устройство своей судьбы, но и установление постоянных добрых отношений с соседним румынским народом, основанных на чувствах взаимного уважения и доверия, понимая, что все страдания, которые вынесла Бессарабия во время совместной с Румынским королевством жизни, не есть осуществление воли румынского народа, а результат недальновидной политики кучки политиканов, держащих этот страдающий народ в своей власти»⁷⁹.

«Комитет освобождения Бессарабии» поддерживал связь с властями Одессы. Здесь, как известно, с конца ноября 1918 г. вла-

ствовали французские интервенты, опиравшиеся на находившихся в городе деникинцев (около 10 тыс. человек)⁸⁰. В рядах Добровольческой армии генерала А.И. Деникина сражалась рота, составленная из уроженцев Бессарабии. В специально выпущенной листовке последние заявляли «о полной готовности в каждую минуту пойти умереть во имя освобождения родного края и что только глубокая вера в то, что на мирном конгрессе вопрос этот будет разрешен беспристрастно и справедливо, удерживает его от желания сейчас же поднять оружие на защиту Бессарабии»⁸¹.

В Одессе развернула активную деятельность и другая организация — Бессарабское бюро политических эмигрантов (в ряде случаев оно именуется «Обществом бессарабских эмигрантов»). В опубликованном документе общество претендовало на выполнение миссии объединения «представителей всех оттенков свободной общественной демократической мысли Бессарабии» и утверждало, что в нем «сгруппировались социалистические элементы бессарабской эмиграции». Возглавлял эту организацию эсер А. Александров, бывший член эсеров-меньшевистского Румчерода и делегат от Бессарабии во Всероссийском Учредительном собрании⁸². Решение Сфатул Цэрий бюро объявило незаконным, не соглашалось оно также с тем, что в свое время Центральная рада спор с Румынией сводила «к вопросу о двух-трех уездах, главным образом Аккерманском и Хотинском». Деятели Бессарабского бюро возражали против «подобной постановки вопроса». «На территории нашей страны (то есть Бессарабии. — И. Л.), — говорилось в декларации общества, — живут различные нации — молдаване, украинцы, евреи, великороссы, поляки, немцы, болгары, армяне, турки, гагаузы и другие, и потому мы находим, что все народы заинтересованы в справедливом разрешении бессарабского вопроса на основании свободного волеизъявления национальностей... без внешнего давления военного штыка, путем организованного плебисцита»⁸³.

В декларации бюро подчеркивалось, что актом от 27 ноября (10 декабря) 1918 г. «особенно взволнованы... трудовые слои населения и крестьянство, которые воочию убедились в том, что румынская оккупация означает расправу со всеми демократическими учреждениями, созданными на основе всеобщего избирательного права, означает ликвидацию вообще всех завоеваний Великой Российской Революции (так в оригинале, речь идет о Февральской революции 1917 г. — И. Л.) и в том числе справедливого разрешения аграрного вопроса в духе, желательном для всей демократии»⁸⁴. В заключение деятели бюро обращались к «Трудовому конгрессу»⁸⁵, к представителям рабочих и крестьян с просьбой «поднять свой голос в защиту трудового народа Бессарабии».

«Трудовой конгресс» в целях создания единого фронта борьбы против советской власти провозгласил объединение Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) с Украинской Народной Республикой (УНР). 3 (16) января 1919 г. Директория объявила войну Советской России.

Бессарабское бюро политических эмигрантов отражало главным образом интересы крестьянства и мелкой буржуазии городов края. В нем состояли эсеры, в основном правые, меньшевики, бундовцы и др., они возлагали надежды на возрождение буржуазно-либеральной России. В одном из обращений к народу в январе 1919 г. Бессарабское бюро призывало население не верить обещаниям румынских властей и их сторонников — Инкульца, Чугуряну, Пеливана, Халиппы, не участвовать в выборах «в румынское учредительное собрание». «Помните, — указывалось в обращении, — что спасение ваше только в Великой Российской революции, только в Российской Федеративной Республике. Только вместе с рабочими и крестьянами всей России вы добудете себе землю и завоюете себе свободную жизнь». Авторы обращения подчеркивали, что не следует ждать «в этой борьбе помощи международной дипломатии», что

«только собственными организованными и сплоченными силами» трудящиеся Бессарабии смогут добиться освобождения. Они призывали народ к созданию «повсюду своих революционных комитетов», к установлению связей с «заднестровскими революционными комитетами», которые окажут поддержку, притом рекомендовали не медлить, «ибо во всех частях Бессарабии и даже Румынии происходят революционные восстания». Завершалось обращение словами: «...когда наша Бессарабия будет очищена от насильников, только тогда вы сами, трудящиеся Бессарабии, через Бессарабское, а затем и Всероссийское Учредительное собрание, разрешите все свои нужды»⁸⁶.

Бессарабское бюро политических эмигрантов в Одессе подготовило проект устава⁸⁷, который, учитывая разнородность самой организации, носил явно компромиссный характер. Его цели были определены следующим образом: «а) изучение и выяснение значения для Бессарабии соединения ее с Россией на федеративных началах; б) ознакомление широкой публики и будущей мирной конференции с истинными желаниями населения Бессарабии и с образом действий в Бессарабии румынского правительства и его представителей; в) широкая агитация идеи воссоединения Бессарабии с Россией как среди русского общества и русской прессы, так и среди общества и прессы зарубежной; г) объединение всех лиц, сочувствующих задачам общества; д) привлечение материальных средств для осуществления вышеуказанных задач и для оказания экономической помощи эмигрантам-бессарабцам»⁸⁸.

Как явствует из приведенной цитаты, задачи Бессарабского бюро политических эмигрантов были сведены в основном к проведению агитации в пользу сохранения Бессарабии в составе России, причем надежды возлагались уже не на революционную борьбу масс, что наблюдалось в приведенном ранее обращении, а на решения предстоящей мирной конференции в Париже.

Но на поддержку держав Антанты в территориальных вопросах, в том числе бессарабском и северобуковинском, уповало и правительство Румынии. Для обоснования своих требований оно развернуло широкую пропагандистскую кампанию через средства массовой информации, использовались в этих целях и произведения историков. Составлялись справки, докладные записки, печатались брошюры на разных языках.

Активную деятельность развернули в западных столицах Таке Ионеску и возглавляемый им «Национальный комитет». 17 (30) октября 1918 г. бывший румынский посланник в России К. Диаманди представил в МИД Франции меморандум, в котором отмечалось, что поскольку союзники неоднократно заявляли, что они не признают Бухарестский договор между Румынией и Четверным союзом от 24 апреля (7 мая) 1918 г., то из этого логично вытекает, что «союз (Антанты. — *И. Л.*) с Румынией (от 4 (17) августа 1916 г. — *И. Л.*) не прекращал существовать»⁸⁹. Сам Таке Ионеску в интервью французскому официозу «Le Temps» поторопился объявить, что в результате победы Антанты «договор в Бухаресте отменен со всеми вытекающими из него последствиями». Он выразил надежду, что великие державы-победительницы не вменяют Румынии в вину «навязанный ей мир» с Четверным союзом и поддержат «национальное единство румын», в том числе присоединение к стране «румынской области Бессарабии». «Не следует забывать, — напоминал Таке Ионеску, — что это по совету политических и военных представителей союзников (в Яссах. — *И. Л.*) правительство послало румынские войска в Бессарабию», и тем самым «спасли эту страну от большевизма, что также нельзя не учитывать». И далее: «Мирная конференция должна узаконить это объединение и таким образом заложить основы новой Румынии, государства с 16 млн жителей... которое будет представлять на Востоке латинскую расу и цивилизацию». Чтобы склонить Антанту и особенно США к

поддержанию румынских прав на Бессарабию, Таке Ионеску признал необходимым «урегулировать вопрос о Дунае» в желательном для Запада духе, а именно в плане «интернационализации его» с участием Соединенных Штатов Америки, открыть Черное море для кораблей всех стран, решить вопрос о Константинополе и Проливах так, чтобы «будущая Россия считала его для себя решенным и не подвергалась риску подчинить свою политику решению этого вопроса, как в прошлом»⁹⁰.

Таке Ионеску прекрасно понимал, чего ждут от Румынии правители стран Антанты. Он полагал, что искупить вину за «предательство» дела союзников и заключение сепаратного мира с противником, вернуться в антантовскую коалицию и воспользоваться плодами победы можно будет только путем активного участия в борьбе против большевистской власти в России и подавлении «анархии» в других частях Европы. Это его убеждение подтвердилось после очередной поездки в Лондон, где у Таке Ионеску состоялись беседы с Д. Ллойд Джорджем, У. Черчиллем, А. Бальфуром, Э. Бонар Лоу, Дж. Керзоном. По возвращению Т. Ионеску в Париж руководимый им «Национальный комитет» обратился к правительству Ж. Клемансо с предложением сформировать из находившихся в Сибири румынских военнопленных — бывших солдат австро-венгерской армии — легион наподобие чехословацкого в целях участия «в умиротворении русской анархии». В Париже одобрили эту инициативу и поручили одному из генералов осуществить ее на практике⁹¹.

Правящие круги в Бухаресте со своей стороны прилагали усилия, чтобы вернуть себе статус союзника Антанты и на равных правах участвовать в территориальной перекройке государственных границ.

Как только немецкая армия стала покидать территорию Румынии, И.И.К. Брэтиану направил правительствам Антанты ноты,

в которых нарочито подчеркивал, что его страна, будучи верна союзническому долгу и действуя в соответствии с договором от 4 (17) августа 1916 г., проявила готовность вновь встать рядом с союзниками в борьбе за право реализовать свои национальные требования, что Бухарестский договор не был ратифицирован королем и потому он не аннулирует обязательств, взятых на себя Антантой по договору 1916 г.⁹²

В румынских правящих кругах не было единства по вопросу о том, какой линии следует придерживаться, чтобы добиться на мирной конференции максимального удовлетворения своих территориальных и других требований. И.И.К. Брэтиану и его сторонники полагали, что нужно настаивать на выполнении в полном объеме договора 1916 г. и на официальном международном признании присоединения Бессарабии и Северной Буковины. 5 декабря 1918 г. посланник США в Румынии Ч. Випичка сообщал в госдепартамент, что Румыния желает получить Бессарабию и северную часть Буковины — территории, передача которых не предусмотрена по договору 1916 г.⁹³

И.И.К. Брэтиану телеграфировал румынским посланникам в Париже и Лондоне: «Если Франция, как утверждал Пишон (министр иностранных дел Франции. — И. Л.), желает обеспечить все наши требования, единственный путь, по которому можно действовать эффективно, — это придерживаться союзного договора... Что касается меня, то если этот договор не будет принят во внимание, я не смогу взять на себя ответственность за румынскую политику, которую нам следует проводить в этом регионе мира в тесном согласии с Францией...»⁹⁴.

Иную тактику избрал Таке Ионеску, продолжавший оставаться в Париже и после окончания мировой войны. Учитывая неблагоприятную для Румынии атмосферу, царившую на Западе в связи с подписанием Бухарестского мира, он опасался, что договор 1916 г. с

Антантой может быть признан аннулированным. Для этого имелись основания. 18 ноября 1918 г. министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур заявил в палате общин, что «после заключения мира между Румынией и вражескими державами союзные правительства считали и рассматривали Румынию как нейтральную страну»⁹⁵. В декабре английский посланник в Румынии Г. Барклай получил специальное разъяснение на этот счет. В телеграмме говорилось: «...поскольку Румыния подписала сепаратный мир, нарушив статью V Договора (от 4 (17) августа 1916 г. — И. Л.), мы не можем считать себя связанными данным договором. В этом смысле я (А. Бальфур. — И. Л.) весьма ясно высказал свое мнение в различных публичных заявлениях после отхода Румынии от нас. Независимо от того, какое представительство будет предоставлено Румынии на мирной конференции, она в конечном счете должна базироваться не на договоре 1916 г., а на вторичном объявлении войны правительством Коанды. На основе этого принципа Румыния будет участвовать как присоединившееся, а не союзное правительство, а бывшие союзники не будут иметь по отношению к ней никакого договорного обязательства»⁹⁶.

Неопределенной была позиция Франции относительно статуса Румынии на мирной конференции. Как сообщал румынский посланник во Франции В. Антонеску, первоначально Ж. Клемансо был настроен не допустить Румынию к участию в работе международного форума из-за подписания в мае 1918 г. пресловутого договора с немцами.

В меморандуме, врученном румынской миссией в Париже министру иностранных дел Франции С. Пишону 25 ноября (8 декабря) 1918 г., делалась попытка оправдать подписание Бухарестского мира с Центральными державами. И на сей раз акцентировалось внимание на том, что Румыния вынуждена была помимо своей воли пойти на сепаратный мир с врагом из-за действий «большевистского

правительства России». О расчетах, связанных с мирным договором с Четверным союзом, в меморандуме, естественно, не говорилось. Зато подчеркивалось, что «в момент, когда чрезвычайная ситуация была преодолена, Румыния сама возобновила свою роль союзницы, пакт (1916 г. — И. Л.) автоматически вступил в силу, а глава государства предоставил румынскую армию в распоряжение держав Антанты»⁹⁷.

Искушенных политиков в Лондоне и Париже нельзя было убедить подобными аргументами: вторичное вступление Румынии в войну произошло буквально накануне ее прекращения; румынскую армию предстояло еще мобилизовать, да и сражаться ей тогда было не с кем — немецкий фельдмаршал А. фон Макензен спешно выводил свои войска из Румынии.

Перечислив потери страны в войне против Центральных держав, авторы меморандума указывали, что нельзя «использовать этот договор (Бухарестский. — И. Л.) с тем, чтобы унижить тех, кто был вынужден с тяжелым сердцем согласиться с ним...»⁹⁸.

Меморандум не растрогал политиков из Кэ д'Орсэ. В беседе с временным поверенным в делах Румынии А. Крецяну при вручении им указанного документа министр иностранных дел Франции С. Пишон, вопреки прежним обнадеживающим заявлениям, на сей раз сказал, что с юридической точки зрения Франция не может считать Румынию своей союзницей и, несмотря на хорошее к ней расположение со стороны Парижа, правовой и фактический статус Румынии еще придется определить⁹⁹.

Спустя два дня С. Пишона посетил вернувшийся в Париж В. Антонеску. Повторив прежние доводы, С. Пишон все же обещал рассмотреть этот вопрос в правительстве и найти формулировку, позволяющую Франции считать Румынию союзницей. В. Антонеску рекомендовал румынскому премьеру добиться от посланников Антанты в Бухаресте поддержки с тем, чтобы они выступили перед

своими правительствами в пользу признания за Румынией статуса союзницы¹⁰⁰. Опытный К. Диаманди в письме И.И.К. Брэтиану от 10 (23) декабря 1918 г. высказал мнение, что уклончивая позиция Франции имеет целью сделать Румынию более «уступчивой»¹⁰¹.

Находясь в гуще событий, будучи прекрасно осведомлен о том, что творится за кулисами официальной дипломатии держав-победительниц, Таке Ионеску считал избранную И.И.К. Брэтиану тактику неверной. По словам биографа Таке Ионеску К. Ксени, линия на то, чтобы настаивать на буквальном осуществлении договора с Антантой 1916 г., лишала румынскую олигархию доводов в пользу присоединения к Румынии Бессарабии, не фигурировавшей в договоре¹⁰². К тому же, как уже отмечалось, в Лондоне и даже в Париже правомерность самого договора оспаривалась.

Учитывая все эти обстоятельства, Таке Ионеску избрал другую тактику. Впоследствии (в 1920 г.) он излагал ее так: «С чем я столкнулся за границей? Весь мир был убежден по трем вопросам: Румыния имеет право на осуществление национального единства, несмотря на сепаратный мирный договор... Вторая идея, которой придерживался весь мир: Румыния должна основываться в своих требованиях не на договоре (1916 г. — И. Л.), ибо он в буквальной интерпретации не существует из-за сепаратного мира, он не существует и по причине нового фактора — американского вмешательства¹⁰³. Не существует он еще и потому, что мы перешли Прут, объединили Бессарабию и еще сегодня ждем и надеемся получить в скором времени международное признание этого объединения. И, наконец, весь мир был убежден в том, что весь Банат мы никогда не получим»¹⁰⁴.

Таке Ионеску полагал, что следует предварительно устранить путем переговоров противоречия с Королевством сербов, хорватов и словенцев относительно Западного Баната (на него в соответствии с договором 1916 г. претендовало правительство И.И.К. Брэтиану), держать курс на создание блока малых государств — Румынии, Че-

хословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Польши и Греции — и выступить единым фронтом в защиту их интересов. Планы Таке Ионеску заключались в следующем: «...все мы составим блок с населением в 75 млн человек и станем на конференции великой силой... следует идти еще дальше — потребовать, чтобы нас считали шестой великой державой в Верховном совете (союзников. — И. Л.)¹⁰⁵.

Еще до капитуляции Германии Таке Ионеску установил связь с руководителем югославского национального комитета в эмиграции А. Трумбичем и главой сербского правительства Н. Пашичем и в ходе переговоров с ними, по словам Г. Брэтиану, отказался от притязаний на западную часть Баната¹⁰⁶. В представленном Таке Ионеску союзникам 22 октября (4 ноября) меморандуме по вопросу о румынском населении в Трансильвании, Буковине и Венгрии, Банат не упоминался¹⁰⁷. Ч. Вopичка отмечал в отправленном в госдепартамент письме: «...Я уверен, что вопрос между румынами и сербами может быть решен, если румыны получают право свободно распоряжаться северной частью Буковины и Бессарабией»¹⁰⁸. Эти территории в дальнейшем станут объектом спекуляций в дипломатической игре западных держав.

Главное же назначение блока малых государств Таке Ионеску видел в создании «барьера» против «большевистской опасности». Польский историк Л. Бучма отмечал, что в этом смысле румынский политик «прямо сближался с проектом некоторых французских политиков о создании “санитарного кордона”»¹⁰⁹. Политический обозреватель румынской газеты «Universul» Р. Сейшану писал, что Таке Ионеску «предлагал создать “санитарный кордон” от Балтики до Эгейского моря с целью изолировать Советскую Россию и воздвигнуть барьер на пути советского революционного мессианства», притом этот альянс, считал он, необходимо основать «до возрождения России»¹¹⁰. С идеями сколачивания «санитарного кордона» носились и чехословацкие руководители Т. Масарик и Э. Бенеш.

Во время пребывания в Париже Т. Масарик, будучи уже президентом молодого Чехословацкого государства, в интервью «Le Temps» призывал «защитить Россию», создать из чехов, словаков, румын, югославов «мощный барьер» между Россией и Германией¹¹¹. Как и многие политические деятели Запада, Т. Масарик боялся объединения сил Советской России и охваченной революцией Германии.

В одной из гостиниц Парижа состоялась встреча Т. Масарика, главы греческого правительства Э. Венизелоса и Таке Ионеску. Последний доказывал своим собеседникам «необходимость расширения данного союза с таким расчетом, чтобы он простирался от Балтийского до Эгейского морей, включая в конечном счете Грецию и Польшу»¹¹². Издававшаяся в Бухаресте белогвардейская газета «Новое слово» 15 декабря 1918 г. писала, что «Малая Антанта стала свершившимся фактом», что в нее «вошли пока Румыния, Чехо-словакия, Польша и Сербия». Малая Антанта откровенно оценивалась газетой как «союз государств, отделяющих коммунистическую Россию от Европы». Его главная задача, — говорилось в статье, — «это образование заградительного кордона от Балтийского моря до Черного моря»¹¹³.

Газета выдавала желаемое за действительное. До оформления такого союза еще предстояло преодолеть немалые противоречия в стане самих участников будущего альянса.

День открытия мирной конференции в Париже все приближался, а в Бухаресте продолжали пребывать в состоянии смятения, так как из столиц западных держав по-прежнему никаких утешительных известий не поступало. Противоречия между сторонниками И.И.К. Брэтиану и Таке Ионеску затрудняли формирование делегации. «Когда Брэтиану собирал свой багаж для отправки в Париж, — писал И. Дука, — Виктор Антонеску известил его телеграммой, что Клемансо не желает принять нас на конференцию, мотивируя это тем, что мы заключили в Бухаресте мир с Центральными державами. Лондон также выставял возражения»¹¹⁴.

Пришлось приложить большие усилия, использовать все средства воздействия, чтобы добиться перелома в позиции Парижа и Лондона. Французский посланник в Румынии Б. Сент-Олер телеграфировал в МИД Франции 24 декабря 1918 г. (6 января 1919 г.): «Господин Брэтиану упрекает нас в том, что при любых обстоятельствах с Румынией обращаются как с бедняком, заслуживающим жалости, а не как с союзником, имеющим право на справедливость. Он напомнил нам, что до сего времени мы не уполномочены заявить ему, что договор 1916 г. остается в полной силе. Он подтвердил, что, если Румыния в этом вопросе не получит удовлетворения, правительство подает в отставку...»¹¹⁵.

Посланники Антанты склонялись к поддержке требований И.И.К. Брэтиану. Английский посланник Г. Барклай настаивал на том, чтобы Румыния была представлена на мирной конференции «как союзница». Он предупредил, что «всякое осложнение по этой части неминуемо обострит внутреннее положение (в Румынии. — И. Л.), которое и без того достаточно беспокойное»¹¹⁶.

Предпринимали посланники и коллективные демарши. Французский посланник Б. Сент-Олер в очередной телеграмме от имени своих коллег высказал мнение, что следует ориентироваться на правительство И.И.К. Брэтиану, а не на румынских деятелей из эмиграции, которые «уже много месяцев как потеряли контакт со страной», преследуют узкопартийные интересы и руководствуются «скрытыми намерениями или личными амбициями». Посланники рекомендовали придерживаться такого курса, если союзники действительно желают сохранить свое влияние, а не оттолкнуть от себя Румынию. Главный аргумент в пользу поддержки требований румынского правительства, сходный с тем, о котором писал Г. Барклай, прозвучал в последней фразе телеграммы: «Мы подтверждаем, что в нынешней обстановке уход господина Брэтиану приведет страну к анархии, хотя одновременно мы вынуждены апеллировать

к его содействию для восстановления порядка в России»¹¹⁷. Иными словами, правительство И.И.К. Брэтиану рассматривалось как своего рода гарант предотвращения социальных потрясений в самой Румынии и орудие борьбы против советской власти в России.

К поддержке требований правительство И.И.К. Брэтиану подключился и французский генерал А.М. Бертело, бомбардировавший Париж телеграммами, в которых доказывал необходимость признать за Румынией статус союзного государства. В адресованной Ж. Клемансо телеграмме от 27 декабря 1918 г. (9 января 1919 г.) он недвусмысленно писал: «Если мы удовлетворим требования румын, на которые они имеют право, и будем соблюдать взятые обязательства, то будем иметь в лице Румынии настоящую французскую колонию с населением более 15 миллионов жителей, где мы сможем развивать торговлю и промышленность и где будем находиться как у себя дома»¹¹⁸.

Прорумынской точки зрения придерживались и некоторые влиятельные сотрудники Кэ д'Орсэ. 9 (22) декабря директор управления МИД Франции Лакомб представил доклад, в котором изложил свои соображения относительно дальнейшей политики страны по отношению к Румынии. Указав, что Антанта «вынуждена будет» внести кое-какие изменения в территориальные условия договора от 4 (17) августа 1916 г., в качестве мотивировки этого он предлагал выставить подписанный Румынией Бухарестский договор и присоединение Бессарабии, «которое значительно увеличило бы территорию Румынии, ее богатство и силу». В таких случаях, писал Лакомб, изменения в условиях договора от 1916 г. допустимы даже среди союзников. Лакомб акцентировал внимание руководства на том, что на нефтяные богатства Румынии зарится Англия. Он изложил цельную программу политического, экономического и культурного подчинения Румынии французской политике, превращения ее во французский протекторат. Предлагая признать эту страну на мирной конференции в качестве союзного государства, он вместе с

тем предостерегал, что некоторые условия договора 1916 г., руководствуясь «чувством справедливости и общими интересами Европы», могут и не быть полностью выполнены¹¹⁹.

В Великобритании не были склонны допустить безраздельное подчинение Румынии Франции. 12(25) декабря английский МИД запросил у французских коллег их мнение относительно представительства Румынии на мирной конференции, подчеркнув при этом, что Г. Барклай ратует за то, чтобы страна, в которой он аккредитован, «была представлена на Парижской конференции в качестве союзницы». Получение этой ноты насторожило Париж. Французское правительство телеграммой от 15 (28) декабря потребовало от Б. Сент-Олера «тотчас же» поставить в известность бухарестский кабинет о своем решении признать Румынию союзницей Антанты, что должно было подчеркнуть «покровительство» Франции. Спустя два дня Лондон и Рим были уведомлены о том, что Франция согласна причислить Румынию к союзным государствам¹²⁰.

18 (31) декабря Франция предложила союзникам огласить в Бухаресте заявление, в котором бы указывалось, что «румыны признаны союзниками, учитывая, что они, как только избавились от немецкого гнета, примкнули к нам» (то есть Антанте. — И. Л.). Вместе с тем рекомендовалось указать, что «великие союзные державы считают, что договор 17 августа 1916 г. *de jure* аннулирован Бухарестским миром (с Центральными державами. — И. Л.), но в ходе будущих дискуссий он может служить основой при рассмотрении требований Румынии, учитывая при этом, с одной стороны, последовавшую аннексию Бессарабии, с другой — общие и специальные интересы союзников»¹²¹. Соответствующее разъяснение получил от Ж. Клемансо и генерал А.М. Бертело. Относительно Бессарабии французский премьер обещал, что проблема будет «урегулирована в пользу Румынии...»¹²².

Итальянское правительство, согласившись с французским предложением о допущении Румынии на конференцию в качестве со-

юзницы Антанты, в своем ответе подчеркнуло: «...с оговорками в части решения касательно Бессарабии, которое должно быть принято конференцией»¹²³.

Официальный Лондон считал, что с оглашением заявления, предложенного Францией, следует повременить до поступления в Румынию посланного ей союзниками продовольствия, чтобы как-то смягчить горечь известия о том, что договор 1916 г. аннулирован, ибо это «обескураживающе» подействует на страну¹²⁴.

Комментируя данные оговорки, Г. Брэтиану писал: «Следовательно, договор (1916 г. — И. Л.) является основой для дискуссии и торга, договор, в котором подписавшие его, конечно, не предусмотрели Бессарабию, которая остается лишь как объект компенсации за другие услуги»¹²⁵. О каких «услугах» ведет речь Г. Брэтиану, догадаться нетрудно. Несомненно, имелся в виду вклад румынской военщины в подавление революционного движения в Бессарабии и на Румынском фронте.

Присвоив себе право перекраивать карту мира по своему желанию, державы-победительницы зорко следили за тем, чтобы никто из младших партнеров не самовольничал в этих вопросах. Когда в румынском «Monitorul oficial» появился декрет об узаконении вхождения Баната и Трансильвании в состав королевства, из Парижа в адрес Б. Сент-Олера тотчас была направлена телеграмма для передачи бухарестскому кабинету, в которой сообщалось, что указанный акт «не влечет за собой никаких последствий с международной точки зрения». Независимо от мнения союзных держав относительно того, в какой мере сохраняет силу договор от 17 августа 1916 г., — говорилось в телеграмме, — ясно, что аннексия территорий, о которых идет речь, не может быть актом только Румынии и должна быть узаконена мирным договором. С. Пишон предлагал направить протест «по поводу декларации в Бухаресте об объединении Баната и Трансильвании с Румынией» и заявить румынскому правительству,

что союзники оставляют за собой право окончательно высказаться относительно того, кому эти территории должны принадлежать¹²⁶.

Перед отъездом в Париж в качестве главы румынской делегации на мирной конференции¹²⁷ И.И.К. Брэтиану пребывал далеко не в бодром настроении. Он заявил: «Делая последнее усилие, чтобы заставить понять положение Румынии, я полон решимости подать в отставку прямо в Париже, если наш договор (1916 г. — И. Л.) не будет признан»¹²⁸. Перед самым отходом поезда он, по словам И. Дуки, сказал, что будет сражаться «за полное претворение» договора 1916 г., и хотя знает, что союзники не отдадут Румынии весь Банат, желает хотя бы своим «торжественным протестом» сохранить для будущего этнические права Румынии на эту территорию¹²⁹.

Не был уверен правящий Бухарест и в положительном исходе решения на конференции в Париже бессарабского вопроса. Как явствует из приведенных фактов, противники отхода Бессарабии к румынскому королевству — хотя и представители различных политических сил России и Бессарабии, порою враждебных друг другу, — собирались при поддержке определенных кругов Запада добиваться отказа конференции в признании Бессарабии за Румынией. Предстояла острая дипломатическая борьба.

Чтобы подкрепить позицию Румынии на конференции в Париже, в конце декабря 1918 г. в Бухарест прибыла делегация распущенного Сфатул Цэрий, которая обошла ряд иностранных посольств, чтобы поставить их в известность о «безусловном» присоединении Бессарабии к Румынии. Сообщая об этом в Лондон, Г. Барклай отметил: «Они (то есть члены делегации. — И. Л.) попросили меня подчеркнуть в донесении о данном визите, что подавляющее большинство населения Бессарабии, румынское, и выразили благодарность союзникам за поддержку национального дела»¹³⁰.

Глава II

БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС В ДНИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18 января 1919 г. в Париже открылась мирная конференция, созванная державами-победительницами в Первой мировой войне для выработки мирных договоров с побежденными странами. Представители Советского государства не были допущены к участию в ней, Россию представляли деятели российских эмигрантских кругов.

Еще в ходе предварительных переговоров, а затем в первые дни конференции стало очевидно, что «русский вопрос» займет на ней одно из центральных мест¹. Правительства западных стран, напуганные ростом революционных выступлений в ряде европейских стран, продолжали прилагать усилия для того, чтобы ликвидировать власть большевиков и расчленить Советскую Россию.

Перед лицом возросшей опасности советское правительство предприняло наряду с военными приготовлениями и дипломатические шаги, чтобы путем переговоров добиться мирной передышки и выиграть время для отпора интервенции. На его призыв «к мирному урегулированию всех нерешенных вопросов», содержащийся в ноте уполномоченного СНК РСФСР в Стокгольме М.М. Литвинова

посланникам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США в Швеции², мирные предложения, изложенные в радиограммах правительствам стран Антанты и США 12 и 17 января 1919 г.³, были встречены с недоверием и не нашли отклика.

В свою очередь, непризнанное западными государствами советское руководство не отказалось от планов «подтолкнуть» революцию в ряде европейских стран. Одновременно большое внимание уделялось борьбе с интервентами на юге Украины и активизации в их тылу коммунистического подполья, в том числе в Бессарабии. По личному указанию В.И. Ленина ЦК КП(б)У направил на нелегальную работу в Одессу нескольких опытных партийных работников во главе с И.Ф. Смирновым (Ласточкиным). Для систематической работы среди войск интервентов в декабре 1918 г. при Одесском областном комитете КП(б)У была создана «Иностранная коллегия». Румынскую секцию коллегии возглавлял А. Залик, активно работал в ней М. Бужор.

Ввиду сложности непосредственных связей между коммунистическим подпольем Бессарабии и ЦК РКП(б) руководство революционной работой в Бессарабии осуществлялось главным образом через ЦК КП(б)У⁴. Активно способствовал этому Одесский подпольный комитет партии. Важную роль в координации работы коммунистического подполья в Бессарабии, а также бессарабских секций и групп, действовавших в Москве, Петрограде, Харькове и других центрах страны, играло созданное по предложению коллегии советской пропаганды ВЦИК Бессарабское бюро при ЦК РКП(б) и Бессарабское бюро при Одесском обкоме КП(б)У⁵. В целях активизации коммунистических сил Бессарабии Одесский обком партии направлял сюда своих уполномоченных. На территории края была создана сеть подпольных боевых отрядов, дружин, групп. Особенно накалилась атмосфера на севере Бессарабии в связи с реквизициями и бесчинствами румынских властей.

Недовольство масс вылилось в крупное восстание, начавшееся при известных обстоятельствах 6 (19) января 1919 г. Центром восстания, в котором приняли участие широкие слои украинского, молдавского и русского населения края, стал г. Хотин. Власть румынской администрации была ликвидирована во многих населенных пунктах Хотинского и ряда волостей Сорокского уездов. В Хотине стал действовать временный орган власти повстанцев — Директория, часть членов которой, в том числе председатель М. Лискун, были сторонниками УНР. Неоднородность состава этого органа, различия в политических целях его членов накладывали отпечаток на его деятельность. Директория объявила незаконным присоединение Бессарабии к Румынии, провозгласила восстановление демократических свобод, переход земли в руки крестьян, освободила политзаключенных из тюрем, объявила мобилизацию населения в народную армию.

8 (21) января 1919 г. Хотинская директория направила в Киев Директории УНР «Ноту Директории» с просьбой взять на себя передачу ее содержания правительствам США, Англии, Франции, Германии, России и Италии. Подписали этот документ председатель Хотинской директории М. Лискун и ее секретарь Л. Токан. В ноте говорилось: «От имени всего пострадавшего бессарабского народа доводим до сведения Вашего правительства и народа, что румынское правительство произвело над всем бессарабским народом небывалое насилие. Бессарабия, много столетий находившаяся под страшным игом турок, была освобождена от него и попала под другое иго — русского царя, под которым находилась более ста лет. Сбросив с себя недавно с остальными народами иго царизма, Бессарабия почувствовала, что и для нее засиял луч свободы, но в то время, когда свобода сделалась неотъемлемым достоянием всех народов, когда оставалось воспользоваться плодами свободы, соседнее Бессарабии империалистическое государство Румыния наложило на

Бессарабию тяжелое иго, присоединив к себе, по выражению правительства Румынии, «на вечные времена», не имея на это абсолютно никакого права и основания и помимо воли бессарабского народа»⁶.

В решении бессарабского вопроса Хотинская директория уповала на поддержку победителей в мировой войне, в первую очередь США, на претворение в жизнь «14 пунктов» президента В. Вильсона. В ноте излагался один из этих пунктов, гласивший, что «народ каждой маленькой территориальной единицы имеет право свободно, без всякого давления штыков высказаться, куда он желает присоединиться»⁷. В ноте Хотинской директории прямо не ставился вопрос о присоединении к УНР. Мы читаем в ней: «Директория — высший временный орган освобождающейся Бессарабии — надеется, что никто не пойдет против этого завоевания свободы бессарабским народом, а напротив, правительства всех стран помогут освободившемуся от румын (речь идет о Румынском королевстве. — И. Л.) народу провести у себя референдум и только тогда, когда воля народа выяснится, присоединиться к тому или другому государству»⁸.

Хотинское восстание, продемонстрировавшее действительное отношение значительной части населения севера Бессарабии к присоединению последней к Румынии, вызвало глубокую тревогу в Бухаресте. На подавление этого выступления были брошены крупные силы королевской армии. Отряды повстанцев мужественно сопротивлялись. Ожесточенные бои разгорелись в районах Хотина, Окницы, Отачь, у Секурень, Стэнилешть, Динэуць и т. д. Признав, что «повстанцы были хозяевами положения на севере Бессарабии», А. Маргиломан 29 января 1919 г. записал у себя в дневнике: «Генеральный штаб докладывает об операциях против них, как если бы шла речь о военных действиях по всем правилам. В сообщении Чугурияну говорится о репрессиях, выражающихся в разрушении сел. А в сообщении генерального штаба отмечается, что наши войска продолжают свое дело, дело мести»⁹.

Слухи о зверствах карателей против повстанцев доходили и на Запад, вызывая возмущение демократической общественности. Это могло послужить поводом для затягивания решения мирной конференции о закреплении Бессарабии за Румынией. Активно принимавший тогда участие в военно-политической жизни страны подполковник И. Антонеску, став диктатором Румынии в годы Второй мировой войны, вспомнил на заседании правительства 27 марта 1942 г.: в 1919 г. мы «были на волосок от потери Бессарабии из-за генерала Давидоглу (командира румынской кавалерийской дивизии, действовавшей на севере Бессарабии. — И. Л.), который в отместку за трех застреленных солдат уничтожил 7 сел и убил множество людей. Парижская мирная конференция потому изменила свое решение о предоставлении нам Бессарабии, что мы страна дикарей»¹⁰. Конечно, не только из-за зверств румынской военщины устроители мирной конференции затягивали решение бессарабского вопроса. Были у них и другие, более веские причины.

Как бы то ни было, восстание в Хотине пропагандистская машина королевской Румынии постаралась представить как результат «большевистской провокации» и «акт агрессии». Именно такая интерпретация якобы могла быть в глазах антикоммунистически настроенных правителей западных стран оправданием зверств в отношении хотинских повстанцев.

Противники присоединения Бессарабии к Румынии из лагеря бессарабской политической эмиграции старались использовать Хотинское восстание и жестокости румынской военщины для подкрепления своих требований о проведении плебисцита в крае под контролем западных держав. Версия о причастности большевиков к восстанию была ими отвергнута. Выступивший на митинге, организованном 9 февраля 1919 г. «Одесским комитетом освобождения Бессарабии» в зале Одесской городской думы, бывший глава Кишиневской городской думы и председатель Бессарабского губернского

земского собрания А.К. Шмидт заявил: «Румыны стремятся изобразить повстанческое движение как движение большевиков. Это ложь. Признавая бесплодность партизанской войны, нужно вместе с тем категорически заявить, что бессарабское движение — не большевистское движение, а антирумынское». А.К. Шмидт требовал создания международной комиссии для расследования зверств карателей. Он напомнил о декларации представителей Антанты, обнародованной в начале 1918 г., которая содержала заверение, что Бессарабия не будет отдана Румынии¹¹.

На вмешательство западных союзников уповал и выступивший на митинге архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий. Представитель бессарабской роты в Добровольческой армии зачитал декларацию о решении послать делегацию в Париж, чтобы «заявить о желании Бессарабии». Он также сказал: «Партизанские выступления ничего не дадут, пока не будут использованы все другие пути. Нужно поэтому остановить партизанское восстание и организовать, с одной стороны, общественное мнение, с другой — регулярную воинскую силу бессарабцев в рядах русской Добровольческой армии, чтобы в случае надобности начать освобождение и объединение России не только на севере, но и на юге»¹². Лишь присутствовавший на митинге председатель «Бюро политических эмигрантов» эсер А. Александров высказал убеждение, что освобождение может быть осуществлено только усилиями самого населения Бессарабии. В принятой собранием резолюции, предложенной упомянутым комитетом, присоединение Бессарабии Румынией было признано «нарушением элементарных прав населения», которое выступает за воссоединение с Россией, а решения Сфатул Цэрий от 27 марта и 27 ноября 1918 г. объявлены незаконными. Собравшиеся требовали вывода румынских войск, притом «в ближайшее время, так как доведенное до крайней степени возмущения приемами управления страной население Бессарабии может быть вызвано неумными элементами на

различные эксцессы, а это создало бы тяжелое и неприятное положение для союзников, на которых население Бессарабии смотрит пока, как на своих освободителей от румынской кабалы»¹³. Было решено ознакомить с содержанием резолюции представителей держав Согласия в Одессе.

Как сообщала печать, «Одесский комитет освобождения Бессарабии» направил командованию французских войск в Одессе заявление, в котором, указав, что «в Бессарабии повсюду организуются партизанские отряды, готовые зажечь восстание против румынской оккупационной администрации», предупреждал, что только «решительное вмешательство» держав Антанты и «вывод из Бессарабии румынских войск могут остановить надвигающиеся кровавые события»¹⁴.

Уполномоченные четырех волостей Хотинского уезда передали представителям стран Антанты в Одессе докладную записку, в которой подробно характеризовалась система управления румынской администрации, указывались причины восстания и жестокие методы его подавления¹⁵. Был вручен также акт о насилиях, творимых румынскими карателями на севере Бессарабии¹⁶. Заслушав доклад А.К. Шмидта «О положении населения Бессарабии под румынской властью», собрание Объединенного еврейского политического комитета¹⁷ отметило в резолюции, что «захват Бессарабии является актом грубой силы, лишенным каких-либо правовых признаков», и признало «необходимым установление — впредь до разрешения политических судеб Бессарабии путем свободного волеизъявления — контроля международной комиссии для ограждения бессарабского населения от неправомерных действий румынских властей»¹⁸.

С «Меморандумом по бессарабскому вопросу» обратился к Антанте «Совет кооперативных съездов южной Бессарабии», часть руководителей которого бежала в Одессу¹⁹. Расписывая богатства Бессарабии, авторы этого документа старались заинтересовать западных

предпринимателей в получении выгод от торговых связей с деловыми кругами края. «Для экономического развития, — говорилось в меморандуме, — Румыния ничего не может дать Бессарабии, отсюда опасность, что румынские акционерные общества, находящиеся в руках немцев, захватят богатства Бессарабии в свои цепкие руки...». И далее: «Вся надежда Бессарабии... обращается на культурные страны Запада, на союзников великой России — французов, англичан, американцев». Поскольку Франция, писали авторы меморандума, «должна потратить громадные усилия на восстановление разрушенных северных провинций и вряд ли будет в состоянии уделять свои материальные и интеллектуальные силы далекой Бессарабии», то «надежды Бессарабии» должны быть обращены на Англию и Америку, которые могут не только избавить ее от румынской оккупации, но и «снабдить средствами и знающими людьми для рационального использования многих, лежащих еще в тени, богатств при свободном товарообмене, не посягая ни на свободу Бессарабии, ни на ее территорию»²⁰.

Уповая на доброжелательность Антанты, эти круги, представляя интересы деловых кругов юга Бессарабии, добивались участия своих представителей на правах «организованной группы» в работе подготовляемой Антантой конференции на Принцевых островах (в Мраморном море). Как известно, 9 (22) января 1919 г. на заседании «Совета десяти» был оглашен составленный В. Вильсоном текст обращения ко всем «воюющим группировкам» в России с предложением ко 2 (15) февраля прислать своих представителей на указанные острова при условии, что на время конференции будет объявлено перемирие между приглашенными сторонами и военные действия будут прекращены. Советское правительство в ноте, переданной по радио правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии, выразило готовность «вести переговоры с державами Антанты и даже с белогвардейскими властями» и «добиться... соглашения даже ценой серьезных уступок, поскольку они (противники совет-

ской власти. — И. Л.) не будут угрожать дальнейшему развитию Советской Республики»²¹.

Деятели «Комитета освобождения Бессарабии» ухватились за эту антантовскую идею, надеясь участием в конференции заполучить международное признание в качестве органа, имеющего право выступать от имени Бессарабии. 17 (30) января 1919 г. Бюро совета земств и городов юга России, заслушав сообщение А.К. Шмидта, объявило, что только Бессарабское губернское земство и городские думы области отражают волю населения края и могут говорить от его имени, а Сфатул Цэрий и другие такого права не имеют, а по-сему следует «считать присоединение Бессарабии к Румынии насильственным, а связь с Россией нерасторгнутой» и за земскими деятелями Бессарабии должно быть признано право участия как в совещании на Принцевых островах, так и на Парижской конференции²². Эту резолюцию было решено довести до сведения представителей союзных держав в Одессе и «русского посла» в Париже. Подобную резолюцию об участии бессарабских земских деятелей «в предстоящих совещаниях на Принцевых островах и в последующих совещаниях совместно с представительством частей России»²³ принял ЦК «Союза возрождения России».

Правители королевской Румынии по понятным причинам приложили все усилия, чтобы не допустить такого рода представителей Бессарабии на Принцевых острова. 14 (27) января на совещании, состоявшемся на Кэ д'Орсэ с участием Ж. Клемансо, С. Пишона, В. Вильсона, Д. Ллойд Джорджа, В. Орландо и С. Макино, французский премьер доложил, что от И.И.К. Брэтиану получена депеша, в которой он утверждает, будто «Бессарабия добровольно присоединилась к Румынии», и настаивает, чтобы никакие ее представители не приглашались в составе различных «правительств» России для участия в конференции на Принцевых островах. Французский министр иностранных дел С. Пишон в связи с этим вы-

сказал мнение, что «бессарабцы должны сами решать, хотят они или нет участвовать (в конференции. — И. Л.) на Принцевых островах», и тут же заверил, что «они туда не поедут». Было решено подождать, пока в повестке дня будет специально стоять вопрос о совещании на Принцевых островах²⁴. Но, как известно, встреча на Принцевых островах не состоялась, и определять свое отношение к приглашению на нее «представителей» Бессарабии союзным дипломатам не пришлось. Белогвардейские правительства, надеясь на успех начавшегося наступления войск А.В. Колчака и, следуя советам своих покровителей в правящих кругах союзных держав, отказались сесть за стол переговоров с советским правительством.

Правительства Антанты и США еще не пришли к определенному мнению по бессарабскому вопросу, что нашло отражение в поведении их представителей в Одессе. На очередном митинге, устроенном «Одесским комитетом освобождения Бессарабии», представитель союзных держав поторопился подчеркнуть, что его присутствие не носит официального характера²⁵. Двойственная позиция союзников проявилась и в отношении еженедельной газеты «В защиту Бессарабии», издаваемой в Одессе «Обществом бессарабских эмигрантов» во главе с эсером А. Александровым. В редколлегию газеты вошел и И.Н. Криворуков, бывший член Сфатул Цэрий, представитель от профсоюзов бессарабских рабочих. Перед выпуском газеты, первый номер которой был напечатан 3 (18) марта 1919 г., были наведены справки о том, как отнесется деникинская цензура к новому печатному органу. Там заверили: «Дело бессарабцев — наше родное дело, близкое нам». Это не помешало, однако, «испестрить гранки первого номера красным карандашом», а когда тираж был напечатан, задержать его. Так попытка выпуска газеты провалилась. В этом первом номере газеты, кстати, выдвигалось требование провести референдум в Бессарабии под международным контролем при «временном хотя бы выводе румынских войск» из края. Упоная на «демократические

массы Европы, которым, — по словам газеты, — принадлежит последнее слово в решении международных судеб», издатели еженедельника подчеркивали: «Только этот путь подготовит истинное и безболезненное освобождение Бессарабии и создание истинного народовластия». Другое решение вопроса, считали они, толкнет «массы на ложный и гибельный путь». «Вот чего мы опасаемся, вот, что страшит нас», — откровенно признавала газета, ратовавшая за «создание свободной демократической Бессарабии как составной части великой Российской демократической республики»²⁶. И в периодических изданиях Одессы деникинская цензура по требованию французского командования зачеркивала «сколько-нибудь острые сообщения и суждения, касающиеся Бессарабии»²⁷.

Осенью 1919 г., при вторичной оккупации Одессы Добровольческой армией, цензура действовала таким же образом. «Сначала, — говорится в обзоре о деятельности редакции «В защиту Бессарабии», — было допущено некоторое освещение в газетах бессарабского вопроса, а затем стало систематически зачеркиваться все, касающееся Бессарабии, и, наконец, редакциям было разослано циркулярное предложение о Бессарабии ничего не пропускать». Инициатива «зажимания рта» исходила от командования Антанты.

Неуверенность в желательном исходе решения бессарабского вопроса сохранялась и у правящих кругов Румынии. Для прибывшего в Париж 31 декабря (13 января) 1919 г. И.И.К. Брэтиану, по словам И. Дуки, обстановка оказалась «плачевной». И дело было не только в глубоком пренебрежении великих держав к малым странам. В то время, как для Бельгии, Сербии и Греции численность официальной делегации была утверждена в количестве трех представителей, для Румынии — только двух. Румыния не получила права иметь своего представителя не только в Верховном совете, но и в целом ряде комиссий конференции (по установлению виновности в возникновении войны, финансовой, экономической, по репарациям и

даже по обсуждению территориальных вопросов)²⁸. Все это свидетельствовало, что «грехи», связанные с подписанием Бухарестского договора, не были забыты. Не потому ли по прибытии в Париж И.И.К. Брэтиану в интервью прессе поспешил подчеркнуть, что Румыния воевала за общее дело Антанты, сражалась до конца против большевиков и немцев и была вынуждена заключить Бухарестский мир, поскольку оказалась брошенной всеми «на произвол судьбы»²⁹?

Положение румынской делегации усугубилось трениями между двумя влиятельными лидерами правящих кругов Румынии — И.И.К. Брэтиану и Take Ионеску, которые «преподнесли Парижу жалкий спектакль румынских раздоров». Сторонники Take Ионеску, за редким исключением, «начали везде критиковать Брэтиану и его политику». И. Дука отметил, что поведение Take Ионеску нельзя простить, «мирная конференция остается черным пятном» в его жизни.

В столице Франции И.И.К. Брэтиану имел ряд неофициальных встреч с делегатами и экспертами других стран, в первую очередь великих держав. Цель этих встреч состояла в том, чтобы попытаться выяснить намерения стран-победительниц в отношении румынских требований, подготовить благоприятную атмосферу для их принятия Советом десяти. Беседа с экспертом по балканским делам английской делегации Г. Николсоном не дала положительных результатов. Последний заявил И.И.К. Брэтиану, что со стороны румын было бы ошибкой настаивать на сохранении в силе договора 1916 г., потому что Бухарестский мир по сути аннулировал его³¹. С сочувствием отнесся к румынским требованиям американский делегат полковник Э.М. Хауз, встреча с которым состоялась 14 (27) января. И.И.К. Брэтиану сказал полковнику, что с момента приезда в Париж он только от него услышал одобряющие слова³². На следующий день румынский премьер изложил свои позиции еще одному американскому дипломату — Г. Джонсону. С ним, а также

с другими делегатами и экспертами великих держав встречался и вел беседы также Таке Ионеску³³. В отправленном в Бухарест донесении И.И.К. Брэтиану жаловался, что его бывший заместитель по коалиционному правительству компрометирует румынские интересы в вопросе о Банате, а американцы проявляют «невежество» в европейских делах³⁴. И.И.К. Брэтиану имел встречи также с Ж. Клемансо и А. Бальфуром³⁵.

К обоснованию румынских требований перед правительствами западных стран подключилась и королевская семья. 11 января 1918 г. королева Мария, урожденная британская принцесса, обратилась по этому поводу к королю Великобритании Георгу V. В ответном письме английский король писал, что Румыния «имеет все права надеяться, что мирная конференция ратифицирует объединение территорий, которые не были ей предназначены при подписании Договора 1916 г., но на которые она имела этнические стремления». Это могло касаться и Бессарабии, хотя последняя прямо и не названа. Вместе с тем Георг V подчеркнул, что в силу известных причин договор 1916 г. формально утратил силу и признание за Румынией статуса союзника вытекает не из него, а из того факта, что Румыния «сражалась плечом к плечу против общего врага». «Благодаря этому, — продолжал король, — мы признали за вами право аннексировать территории, которые, вероятно, не считались румынскими»³⁶.

Через некоторое время королева Мария отправилась в вояж по западным столицам. Она посетила Лондон, Париж. Английский король обещал ей содействие, «дружественное расположение» проявили также У. Черчилль, лорд Дж. Керзон, Э. Бонар Лоу и др.³⁷ В марте-апреле королевская чета имела встречи в Париже с Р. Пуанкаре, Ж. Клемансо, Ф. Фошем, президентом США В. Вильсоном и др.³⁸

С самого начала наиболее благоприятный отклик румынские требования нашли у французов. В речи при открытии Парижской мирной

конференции президент Р. Пуанкаре, стараясь подчеркнуть покровительственную роль его страны по отношению к Румынии, сказал, что последняя вступила в войну на стороне Антанты, чтобы «добиться национального единства», против которого выступали Центральные державы, и «покинутая, преданная, задущенная, она (Румыния. — И. Л.) должна была заключить этот одиозный договор» (имелся в виду Бухарестский мир. — И. Л.). Французский официоз «Le Temps» обратил внимание на заслуги королевской Румынии в «умиротворении» Бессарабии. «Полнейшее спокойствие, — отмечалось в газете в январе 1919 г., — установилось в Бессарабии после присоединения этой области к Румынии. Большевистские волнения, которые имели место в различных частях края в течение последнего лета, полностью исчезли благодаря суровым мерам, которые были тотчас же приняты». Вопреки фактам утверждалось, что и продовольственное положение в крае улучшилось⁴⁰. Когда же вспыхнуло Хотинское восстание и слухи о жестокой расправе с повстанцами стали известны широкой общественности, газета в корреспонденции «Большевики в Бессарабии» представила это выступление как набег из-за Днестра большевиков, которыми «руководили украинские офицеры»⁴¹.

1 февраля (по новому стилю) румынские официальные делегаты И.И.К. Брэтиану и Н. Мишу, сопровождаемые А. Лапедату и К. Брэтиану (племянник румынского премьер-министра), предстали перед Советом десяти с изложением требований Румынии. Накануне состоялись неофициальные встречи И.И.К. Брэтиану с американскими, Н. Мишу — с английскими экспертами⁴². Пространно изложив на Совете десяти историю участия Румынии в Первой мировой войне, румынский премьер всю вину за развал Румфронта и заключение перемирия с Центральными державами возложил на большевиков⁴³. Чтобы оправдать интервенцию в Бессарабии, И.И.К. Брэтиану сказал: «По предложению представителей Антанты, в письменной форме заявивших, что эта операция будет по-

следним военным сотрудничеством, которое они вправе ожидать от Румынии, румынская армия открыла враждебные действия против большевистских войск, которые в то время оккупировали всю территорию Молдовы (речь идет о Запрутской Молдове. — И. Л.) и Бессарабии. Предполагалось, что это последнее усилие обеспечит во всяком случае существование дружественной по отношению к союзникам Украины»⁴⁴. И.И.К. Брэтиану подчеркнул, что, хотя данная операция была сопряжена с большим риском для Румынии, она выступила, не колеблясь, доказав этим преданность делу союзников. По словам румынского делегата, на просьбу Сфатул Цэрий, перед лицом «большевистских волнений» обратившегося в Яссы «за помощью в целях сохранения порядка», его страна якобы ответила отказом, и лишь просьбы подобного же рода со стороны украинского правительства, то есть Центральной рады, и представителей союзников в Яссах склонили Румынию к интервенции⁴⁵. Румынский премьер объявил Сфатул Цэрий «выборной ассамблеей», провозгласившей «объединение с Румынией». На вопрос Ллойд Джорджа, не выдвигали ли «ассамблеи» в Трансильвании, Буковине и Бессарабии каких-либо условий, И.И.К. Брэтиану заверил, что оговорка Сфатул Цэрий была связана лишь с желанием этого органа подготовить «специальный аграрный закон»⁴⁶. Изложив претензии своей страны на Трансильванию, Буковину и Бессарабию, румынский премьер просил руководителей западных держав признать за ней эти территории и оказывать поддержку, «если ей (Румынии. — И. Л.) суждено остаться тем, чем она была до этого — точкой объединения Европы против большевиков», с тем чтобы она была «в состоянии справиться» с «большевистской опасностью», «исходя не только из своих интересов, но и в интересах всей Европы и даже без преувеличений в интересах мировой цивилизации»⁴⁷. И.И.К. Брэтиану попытался убедить делегатов конференции, что выставляемые им территориальные претензии, превзошедшие зафиксированные в

договоре с Антантой от 4 (17) августа 1916 г., весьма скромны. В его докладе, а также в представленном им меморандуме говорилось, что если строго придерживаться «лингвистического и этнического принципа», то Румыния должна была бы предъявить требование о присоединении «сотни тысяч румын», проживающих по ту сторону Дуная, в Сербии, между долинами Тимока и Моравы, на болгарском берегу Дуная, в селах, разбросанных в венгерской степи до Тисы, во многих областях империи царей и до самой далекой Сибири, но он не требует их включения в состав своей страны⁴⁸.

На заседании Совета десяти 1 февраля 1919 г. вопрос о территориальных требованиях Румынии не был решен. Совет по предложению США передал его на предварительное рассмотрение комиссии по румынским и югославским делам Парижской конференции, составленной в тот же день из представителей США, Великобритании, Франции и Италии, всего 8 экспертов, по два от каждого из перечисленных государств.

Заявление И.И.К. Брэтиану о готовности королевской Румынии и впредь служить форпостом Запада против, как он сказал, «большевистской угрозы» не осталось, конечно, без внимания. В атмосфере страха перед распространением большевизма, страха, подогреваемого раздававшимися в советской России и среди коммунистов многих стран призывами к мировой революции, в момент, когда правительства западных стран перебирали различные варианты подавления советской власти, открыто высказанная антисоветская позиция тогдашнего премьера явилась доводом в пользу целесообразности создания великой и сильной Румынии, включавшей требуемые ее олигархией территории (за исключением Западного Баната), в том числе Бессарабию.

«Le Temps» сопровождала информацию о докладе И.И.К. Брэтиану на заседании Совета десяти и его территориальных требованиях обширным комментарием под заглавием «Проблема Великой

Румынии»⁴⁹. Газета объявила установление будущих границ этой страны в конгломерате «перемещавшихся народов» сложной локальной проблемой и требовала от созданной комиссии по румынским и югославским делам (ее возглавил французский политик А. Тардьё) самого тщательного изучения вопроса.

Проявив определенную осторожность по части будущей румыно-венгерской границы, газета писала, что «румыны могут аннексировать Буковину» и «русскую часть Бессарабии» без значительного ущерба для «океана славянских земель». Увеличенная территориально и внутренне консолидированная «Великая Румыния, — говорилось в статье, — могла бы стать в завтрашнем мире стабилизирующим элементом», «эффективно способствовать поддержанию международного порядка» перед лицом «большевистской угрозы»⁵⁰.

Узнав о постановке на Парижской конференции вопроса о Бессарабии и Северной Буковине, Временное рабоче-крестьянское правительство Украины 7 февраля направило радиogramму председателю конференции Ж. Клемансо (копию — президенту США В. Вильсону), в которой выражался «энергичный протест против захватнической империалистической политики румынского помещичьего правительства»⁵¹. В радиogramме указывалось на нарушение правительством Румынии советско-румынского Соглашения от 5—9 марта 1918 г., согласно которому оно обязалось в двухмесячный срок очистить Бессарабию от своих войск, выражалось возмущение по поводу заявлений представителей Франции и США на митингах в Кишиневе по случаю годовщины оккупации Бессарабии о том, что «Бессарабия составляет отныне неотъемлемую часть Румынского королевства».

Энергично протестуя против такой политики, Временное правительство Украины предлагало мирной конференции отвергнуть притязания королевского правительства. «В нашем протесте, — отмечалось в радиogramме, — мы ссылаемся не только на международные договоры, обеспечивающие за Украинской и Российской республи-

ками суверенные права на территорию Бессарабии и вменяющие им в обязанность защиту интересов бессарабских рабочих и крестьян, но еще и на то, что все население Бессарабии, ее городов и деревень, без различия национальностей самым решительным образом протестует против румынского владычества... Испытавшие преимущества собственной власти бессарабские рабочие и крестьяне никогда не помирятся с властью румынских помещиков и капиталистов, против которых подымались сами румынские крестьяне во время кровавого и поголовного восстания, охватившего всю Румынию в 1907 г.»⁵².

В заключение радиogramмы говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство Украины, доводя это до сведения мирной конференции, заявляет, что оно не остановится ни перед какими средствами, чтобы освободить от ига румынской олигархии рабочую и крестьянскую Бессарабию, что оно не допустит, чтобы на истрадавшейся и разоренной войной Буковине установилась власть, ненавистная самому румынскому народу»⁵³.

Устроители Парижской конференции не ответили на советский демарш, но с официальным признанием требований Румынии, в том числе относительно Бессарабии и Северной Буковины, не спешили.

8 февраля (по новому стилю) на Кэ д'Орсэ состоялось первое заседание комиссии по делам Югославии и Румынии, на которое представители последней не были приглашены. Председательствовал в отсутствие А. Тардые делегат Италии Мартино. Он начал с того, что поставил на обсуждение вопрос о сохранении в силе договора с Румынией от августа 1916 г. Поскольку сама Италия добивалась признания за ней всех условий договора, заключенного ею с Антантой в 1915 г., то, естественно, что делегат выступал за признание договора с Румынией, желая тем самым создать прецедент для подкрепления итальянских требований. Французский делегат поддержал предложение итальянца, но американцы и англичане выступили против⁵⁴. Американцы мотивировали отказ тем, что они раньше не

знали содержания секретного договора с Румынией, в подписании которого США не участвовали. Англичане же заметили, что если признать действующими прежние договоры, то не было бы надобности и в создании комиссии. Заседания (8, 11, 17 февраля) происходили без присутствия румынских представителей. Только 22 февраля на комиссию был приглашен И.И.К. Брэтиану для изложения точки зрения румынской делегации. Дебаты продолжались до 28 марта, когда предложения комиссий были переданы Верховному Совету конференции⁵⁵, но и этим, как будет показано далее, не был подведен итог дискуссиям о будущих границах Румынии, в том числе по вопросу о Бессарабии. А.В. Колчак и А.И. Деникин, выступавшие «за единую и неделимую Россию», готовили наступления против Красной армии в Сибири и на Северном Кавказе, и союзники, надеясь на их успех, не желали из-за Бессарабии осложнять отношения с возможными хозяевами будущей Российской империи.

В правящих кругах Румынии царили недоумение и раздражение. Получив неутешительные сообщения из Парижа, М. Ферикиде, замещавший И.И.К. Брэтиану на посту премьера во время пребывания последнего в Париже, констатировал в ответной телеграмме: «Перемирие положило конец войне, но не для нас... Мы — сторонники порядка, полезного для всех, но вместо того, чтобы помочь нам, проявляется терпимость к нарушению перемирия нашими врагами в пользу большевиков. Какое недопонимание того, что мы защищаем дело всего цивилизованного мира! Проявляется особая доброжелательность к другим, которые ничего не сделали для общего дела, в то время как нам были навязаны огромные жертвы»⁵⁶.

Издаваемый Д. Чугуриану «Бессарабский вестник» с возмущением писал 1 (13) февраля 1919 г. (№ 27): «На конференции (в Париже — И. Л.) могут быть рассматриваемы лишь международные последствия воссоединения Бессарабии, но не самый факт воссоединения». Газета считала, что коль Румыния выполняет для Запада

роль «стража порядка» на Востоке, то она заслуживает большего почета на международной арене. «На долю Румынии выпадает почетная, но вместе с тем ответственная роль быть охранителем мира на Востоке, — читаем в «Бессарабском вестнике» от 2 (15) марта 1919 г. (№ 42), — поколебать Румынию, и рухнет мировое здание мира. Но если так, то Великая Румыния должна быть официально признана полнокровным членом семьи великих держав и заменить здесь собою исчезнувшую Австрию».

М. Ферикиде сетовал по поводу привлечения румынской армии к операциям французских интервенционистских войск на левобережье Днестра. Правящие круги Румынии еще не оправились от шока, вызванного Хотинским восстанием, как в Бухарест стали поступать новые тревожные известия о положении на Днестре. На левобережье, как и в целом на юге Украины и в Крыму, партизанское движение с каждым днем разрасталось. Интенсивный характер приняло это движение в районе железной дороги из Одессы в Бессарабию⁵⁷.

Для активизации революционной борьбы в Приднестровье Одесская областная партийная конференция, прошедшая подпольно 3—5 февраля 1919 г., в работе которой приняли также участие и делегаты от большевистских организаций Кишинева, Бендер, Тирасполя, рекомендовала шире развернуть партизанское движение на занятой противником территории, усилить агитацию среди войск интервентов, захватывать власть в тех местах, где соотношение сил складывается в пользу революционных масс.

30 января 1919 г. по заданию Одесского подпольного ревкома приднестровские партизанские отряды выбили иностранные войска из Тирасполя. Через мост, связывающий город с Бендерами, против партизан был направлен французско-румынский отряд. Высланный ему навстречу парламентар предложил интервентам отступить и воздержаться от военных действий. Предложение было отклонено. В

развернувшейся вооруженной схватке интервенты, понеся потери, отступили. Пленные (32 человека) были освобождены «после того, как на состоявшемся общегородском митинге им было разъяснено, что русские рабочие и крестьяне не питают никаких агрессивных намерений против румынских и французских рабочих и крестьян»⁵⁸. Переправившись на правый берег Днестра, партизаны при поддержке местных крестьян изгнали жандармов из сел Кицкань, Слобозия и Талмаз⁵⁹. Г. Брэтиану признавал: «Положение на Днестре казалось не совсем ясным, моральное состояние союзных войск, посланных в Одессу, становилось все более ненадежным. Большевики продвигались через Украину к Черному морю, только что было подавлено восстание украинских банд на севере Бессарабии»⁶⁰.

Переполох в стане командования интервенционистских войск и петлюровцев особенно усилился после того, как 4 февраля солдаты 58-го французского полка 30-й дивизии, дислоцированного в Бендерах, вторично посланные отвоевать Тирасполь и восстановить железнодорожное движение с Одессой, отказались вступить в бой с красными партизанами.⁶¹ Это была первая воинская часть стран Антанты, открыто отказавшаяся участвовать в ликвидации советской власти в России.

Вскоре против советских партизан были брошены направленные из Одессы значительные силы французских войск, польских легионеров и белогвардейцев, вынудившие партизан 9 февраля оставить Тирасполь. По словам газеты «Le Temps», «два французских батальона атаковали ... большевистские войска в Тирасполе... Французское командование попросило помощи у румынского командования, которое сразу же ответило на этот призыв. Румынские войска заняли позицию и дали бой совместно с французами. Большевики вынуждены были отступить»⁶². «Бессарабский вестник» Д. Чугуриану с восторгом писал о «заднестровском походе», в котором «румынские полки идут не по чужой земле, а проходят через молдавские селения

Тираспольского, Херсонского и Ананьевского уездов», как о «почетном боевом и дипломатическом экзамене» перед союзниками⁶³.

Получив из Тирасполя от штаба Южной армии⁶⁴ сведения об участии румынских солдат и офицеров в боях под этим городом, председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и народный комиссар по иностранным делам Х. Раковский направил румынскому правительству протест, в котором, в частности, указывалось: «...Украинское социалистическое советское правительство считает нужным напомнить вам, что за все действия румынских военных властей против украинской Советской власти, против рабочих и крестьян Бессарабии оно будет считать коллективно ответственными румынское правительство, румынскую буржуазию и румынских офицеров. Рабоче-крестьянская власть Украина располагает достаточными средствами, чтобы не допустить повторения прошлогоднего разбойничьего нападения на Бессарабию, тем более, что в борьбе за торжество советской власти украинские рабочие и крестьяне имеют все основания рассчитывать на братскую поддержку румынских рабочих и крестьян»⁶⁵. Кабинет И.И.К. Брэтиану не отреагировал на эту ноту.

13 марта 1919 г. правительство Советской Украины за подписью Х. Раковского направило в МИД Румынии очередную ноту (копию — Парижской мирной конференции), в которой разоблачалась политика террора, проводимая под покровительством Франции румынской олигархией⁶⁶.

В борьбе с большевистским движением Антанты добивалась объединения всех антисоветских сил. Во второй половине февраля 1919 г. между Директорией⁶⁷, белогвардейцами и Антантой было достигнуто соглашение, в котором отмечалось, что «все оперативные действия против большевиков ведутся под единым командованием, назначенным Антантой»⁶⁸. Сообщая о встрече делегатов Директории с прибывшим в Одессу из Констанцы французским генералом А.М. Бертело, «Le Temps» указывала, что последний, настаивая на проведении «энер-

гичной борьбы с большевизмом», потребовал также от петлюровских делегатов «точных объяснений по вопросу о новой границе между Украиной и Румынией в Хотинском округе»⁶⁹. Добиваясь создания единого антисоветского фронта, французский генерал стремился уладить территориальный конфликт между УНР и Румынией.

Положение последней в связи с наступлением советских войск на Украине и установлением советской власти в Венгрии резко осложнилось. Обращая внимание своего руководства на тяжелые последствия в случае одновременного наступления венгров в сторону Трансильвании и советских войск в направлении Днестра, на Бессарабию, А.М. Бертело требовал принятия срочных мер по оказанию помощи Румынии, «если не желают исчезновения нашего последнего барьера против большевизма»⁷⁰. Французский официоз бил тревогу по поводу того, что войска С.В. Петлюры отступают под натиском подошедших к Жмеринке частей Красной армии, что перепуганные «фермеры» охваченной восстаниями Бессарабии покидают свои земли, что Румыния находится перед лицом тройной угрозы: с востока и севера — со стороны большевиков, в Трансильвании — со стороны Советской Венгрии, с юга — со стороны болгар⁷¹. «Вывод ясен, — заключала газета. — Если союзники не примут немедленные меры для разоружения болгар и венгров, если они не воспользуются своими возможностями на Черном море, чтобы накормить и снарядить румынскую армию, то новая катастрофа, третья по счету, которую пережила Румыния с 1916 г., надвигается на нее»⁷².

Забеспокоились в связи с наступлением Красной армии в Украине и установлением советской власти в Венгрии также правящие круги Великобритании. На основе полученных из Бухареста сведений о положении Румынии в создавшейся ситуации, английский посол во Франции лорд Дерби сообщал государственному секретарю по иностранным делам лорду Дж. Керзону: «Чтобы выстоять в этих весьма сложных условиях, обязывающих Румынию...

находиться еще в состоянии войны, нельзя рассчитывать на армию с уменьшенным численным составом, ослабленным моральным состоянием, плохо накормленную и плохо экипированную. Несмотря на это, существуют высшие интересы, чтобы Румыния могла оказать сопротивление. Как и предвидели, она — единственный барьер против растущего прилива большевизма; в случае ее поражения и заражения (большевизмом. — И. Л.) будет покончено с порядком и миром на Востоке. Дело, защищаемое в настоящее время этой страной, является не румынским, а европейским делом. Вот почему кажется справедливым и своевременным предоставить ей энергичную и скорейшую помощь»⁷³.

12 (25) марта английский премьер пригласил на обед И.И.К. Брэтиану, который в ответ на вопрос Д. Ллойд Джорджа, как «поступил бы он в отношении большевиков», выдвинул программу из трех пунктов:

«1. Немедленная помощь полякам и румынам. Укрепление с моральной точки зрения авторитета короля и правительства, а с материальной — снабжение армии и населения продовольствием.

2. Решительная, угрожающая позиция в отношении Пешты и обязательство всех соседних с Венгрией государств объединиться для совместной акции.

3. Демонстрация солидарности союзников с нами (румынами. — И. Л.) на большевистском фронте путем отправки туда значительных военных контингентов»⁷⁴.

Начался торг. Румынский премьер просил выделить 260 тыс. полных комплектов обмундирования для армии. Д. Ллойд Джордж предложил первоначально 60 тыс., согласившись в конечном счете на 150 тыс. комплектов. И.И.К. Брэтиану, естественно, не преминул использовать эту встречу, чтобы напомнить о требованиях румынского правительства. «Можно надеяться, — докладывал он в Бухарест, — что в связи с большевистской опасностью общее по-

ложение Румынии приобретает именно такое значение, какое оно должно иметь»⁷⁵.

Чтобы преградить путь наступающим частям Красной армии, французское командование потребовало от Румынии продолжать военные действия на левом берегу Днестра, в районе Тирасполя и Раздельной, что и было сделано⁷⁶. «На Украине, — с удовлетворением писала газета «Буковина», — союзные войска, среди которых находятся и румынские, предприняли наступление против большевиков в районе Раздельной»⁷⁷. Д. Чутурияну заверял в очередном интервью, что «Румыния получила мандат преградить дорогу анархии на Днестре и сумеет выполнить свои обязательства». С аналогичным заявлением выступил другой министр от Бессарабии — И. Инкулец⁷⁸. Преисполнились оптимизма также некоторые круги на Западе, полагая, что, будучи обеспеченными со стороны союзников продовольствием и одеждой, румынские солдаты не воспримут «большевизм», и «охваченная высоким моральным духом» 200-тысячная румынская армия «сумеет защитить от большевиков линию Днестра»⁷⁹.

Но вскоре оптимизм улетучился: советские войска продвигались на Запад. В первых числах апреля (по новому стилю) «Le Temps» признавала: «Большевистская армия... с каждым днем увеличивает нажим на Одессу, и войска союзников, видимо, отступят за Днестр, чтобы защитить Бессарабию, Румынию»⁸⁰. Румынским дипломатам за рубежом приходилось опровергать распространявшиеся слухи, что армия их страны покинет Бессарабию⁸¹.

Развязка наступила быстро. Части Красной армии в тесном взаимодействии с партизанскими отрядами Приднестровья разгромили войска Директории в районе Слободка—Рыбница и Дубэсарь—Тирасполь. Остатки петлюровских частей бежали в Румынию и Польшу. 3 (17) апреля Красная армия вошла в Тирасполь. Занимавшие его в это время румынские и французские войска отступили за Днестр. Вскоре войскам Антанты пришлось покинуть также Одессу.

В стане интервентов и местных антисоветских сил начался переполюх. В Бухарест срочно была направлена делегация украинской Директории для переговоров с румынским правительством⁸². Военный министр Румынии генерал А. Вэйтояну созвал представителей от Бессарабии, Буковины и Трансильвании для обсуждения ситуации в связи «с большевистской агрессией на границе с Буковиной и Бессарабией». После этого он встретился с союзными посланниками в Бухаресте. Ссылаясь на угрозу со стороны венгров, русских и болгар, якобы готовивших «наступательные действия против Румынии — последнего оплота, противостоящего большевизму», румынское правительство обратилось с очередным призывом к союзникам о немедленной присылке крупной партии обмундирования для армии и военных материалов⁸³.

В состоянии страха пребывал королевский двор. Королю казалось, что в Лондоне и Париже недооценивали опасность распространения большевизма. Специальный корреспондент влиятельной английской газеты «The Times», имевший встречу с Фердинандом, писал, что последний сетовал по поводу того, что «творцы мира не придают достаточного внимания росту большевизма», недооценивают роль Румынии. «Мы, — заявил монарх, — маленький островок на краю Европы, окруженный со всех сторон смертельными врагами, и пока наше сопротивление не станет эффективным, сама жизнь Европы будет в опасности». Он обратил внимание и на угрозу для Румынии со стороны советской Венгрии⁸⁴.

Бурную деятельность в эти дни развернул в Париже И.И.К. Брэтиану. Г. Брэтиану писал, что критическое положение Румынии «приоткрыло глаза руководителям Верховного совета» (Антанты. — И. Л.). Румынский премьер часто встречался с Ж. Клемансо и маршалом Ф. Фошем. Последний, по словам Г. Брэтиану, поддерживал и отстаивал румынские требования, настаивал на интервенции против Советской Венгрии и занятии ее столицы. 10 апреля

(по новому стилю) И.И.К. Брэтиану телеграфировал в Бухарест: «Французы, наконец, поняли положение и роль Румынии»⁸⁵.

Опасаясь внутренних осложнений в связи с выходом Красной армии к Днестру, румынские правящие круги скрывали от общественности истинную ситуацию на фронте и причины неудачи интервенции. Генштаб румынской армии в официальной сводке от 13 апреля сообщал: «Союзники, не будучи в состоянии снабжать население Одессы, отступили на территорию юга Бессарабии. Отступление осуществлено организовано. Румынские войска, которые участвовали в операциях вместе с французскими в секторе Раздельная—Тирасполь, отступили без боя на румынскую (имеется в виду бессарабскую. — И. Л.) территорию. На остальном фронте спокойно».

По словам «Le Temps», в эти дни петлюровцы и деникинцы во имя сплочения всех антибольшевистских сил якобы отказались от своих притязаний на Бессарабию. Консул УНР в Кишиневе, писала газета, заявил: «У украинцев (то есть у Директории. — И. Л.) нет никаких притязаний на Бессарабию. Для них бессарабский вопрос окончательно решен и их единственное желание — поддержать доброе отношение с Румынией, от которой они ожидают помощи и поддержки». Аналогичное заявление будто бы сделал от имени Добровольческой армии представитель генерала А.И. Деникина полковник Бахайский, который даже выразил признательность «героическим румынам», в настоящее время ведущим борьбу, чтобы «покончить с большевизмом»⁸⁶. Так ли это было на самом деле? У. Черчилль по данному поводу писал в своих мемуарах: «Деникин стоял за целостность России. В силу этого в войне против Советской России он являлся врагом своих собственных союзников»⁸⁷.

Не собиравшись отказываться от Бессарабии и правительство В.И. Ленина. В связи с успешным наступлением Красной армии на юге Украины Советами были предприняты шаги по укрепле-

нию коммунистического подполья в Бессарабии. В феврале 1919 г. состоялась первая Бессарабская областная конференция РКП(б), на которой завершилось формирование единой коммунистической организации края. Непосредственное руководство подпольной партийной работой осуществлял по поручению ЦК РКП(б) Центральный комитет КП(б) Украины. В директивном письме ЦК КП(б)У руководству коммунистического подполья Бессарабии от 28 марта 1919 г. указывалось на необходимость ввиду «приближения фронта к бессарабским границам» «перевести партийную революционную работу на военное положение, приступить к усилению и умножению партийных и революционных боевых отрядов»⁸⁸. Одновременно рекомендовалось «воздержаться от партизанских выступлений до окончательного сконцентрирования бессарабских отрядов за Днестром»⁸⁹ и уделять внимание работе по разложению противника.

4 апреля ЦК КП(б)У обратился в ЦК РКП(б) с просьбой откомандировать в его распоряжение «в самом экстренном порядке... максимальное количество коммунистов румын и бессарабцев, способных вести агитационную партийную работу...»⁹⁰.

По предложениям бессарабских коммунистов ЦК КП(б)У неоднократно обращался в ЦК РКП(б) с просьбами откомандировать бессарабцев, находившихся на территории РСФСР, в район левобережья Днестра для непосредственного участия в мероприятиях по освобождению области. Соответствующий приказ Реввоенсовета республики был издан 13 апреля 1919 г.⁹¹ Одним из важных в подготовке к наступлению в Бессарабии было формирование бессарабских воинских частей. В их состав влилась значительная часть хотинских повстанцев, отступивших на левый берег Днестра.

16 апреля 1919 г. В.И. Ленин, выступая на конференции железнодорожников московского узла, заявил: «...Украина, которую на короткое время захватили петлюровцы, от петлюровцев очищена вся, и красные войска идут на Бессарабию»⁹².

18 апреля В.И. Ленин направил Х. Раковскому телеграмму, в которой в качестве одной из важнейших выдвигалась также задача прорыва Красной армии на Буковину. Решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине стало актуальным и в связи с победой венгерских коммунистов и провозглашением 21 марта 1919 г. Венгерской Советской Республики. В поздравительной радиотелеграмме, адресованной правительству этой республики от имени проходившего в эти дни VII съезда РКП(б), говорилось: «Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь»⁹³.

Американский исследователь Ш.Д. Спектор справедливо отметил, что «появление большевизма в Центральной Европе сыграло решающую роль для многих решений Совета Парижской конференции»⁹⁴. В создавшейся сложной ситуации, связанной с распространением «большевизма», было принято решение свести число членов Верховного Совета конференции до четырех глав правительств стран-победительниц. Для решения менее важных проблем был создан Совет министров иностранных дел стран-победительниц, начавший свою работу 27 марта 1919 г.

Политики западных стран не могли смириться с появлением в центре Европы коммунистического государства. Вновь завоновались и правители Румынии во главе с королем. На заседании бухарестского кабинета под председательством короля Фердинанда было решено двинуть румынские войска на Венгрию под предлогом спасения населения от «зверств» коммунистов и «защиты страны и Европы от большевистской пропаганды». Узнав об этих планах правительства, находившийся в Париже И.И.К. Брэтиану рекомендовал выставить в качестве повода для начала наступления «не какие-либо мотивы общего порядка»⁹⁵, а сугубо местные. Их, конечно, нетрудно было найти. Сославшись на то, что в ночь с 15 на 16 апреля венгерские части напали на румынские пограничные посты, войска королевской Румынии перешли в наступление.

Согласно планам Антанты на Румынию возлагалась еще одна важная задача: вместе с Польшей не допустить выхода Красной армии в Центральную Европу. Представители Верховного совета Антанты, находившиеся в Восточной Галиции еще с февраля 1919 г., в своем отчете сообщили, что «Польша и Румыния, соприкасающиеся на востоке с большевистской Россией... являются барьером, охраняя Европу от большевизма», что они должны быть готовы к войне с Россией, а пока им необходимо мобилизовать все свои вооруженные силы и содержать их в боевой готовности до окончательного разрешения «русского вопроса»⁹⁶.

1 апреля 1919 г. заместитель министра иностранных дел Польши писал Польскому национальному комитету в Париже: «В наших интересах как можно скорее прийти к соглашению с Румынией в вопросе о совместных военных действиях с целью изоляции Венгрии от большевистской Украины и России»⁹⁷.

Как оценивали польские правящие круги в тот момент ситуацию в регионе и какое значение старались придать совместным действиям с Румынией, красноречиво иллюстрирует «совершенно секретное» письмо советника польской миссии в Париже Ч. Прушиньского от 20 апреля 1919 г., адресованное Польскому национальному комитету. Приведем некоторые выдержки из него. «Последние события, — писал советник, — отчетливо свидетельствуют о том, что большевизм в России завоевывает все более прочные основы развития, черпая силы в нерешительном отношении к нему мирной конференции. Капитуляция Одессы⁹⁸ и победа большевизма в Баварии и Венгрии вызывают серьезную опасность, которая может уничтожить плоды победы Антанты. Преградой, сдерживающей наступление большевизма на запад, являются Польша на севере и Румыния на юге. Оба эти государства составляют защитный вал, о который до сих пор разбиваются волны большевизма»⁹⁹. Указав далее, что «сложное положение внутри Румынии при сильном на-

тиске извне или же в случае внутренних волнений может вызвать катастрофу», Ч. Прушиньский рекомендует воспользоваться этой ситуацией в интересах Польши. Он мыслит следующим образом: «Следует заметить, что Румыния, оккупируя территорию большую, чем само государство, с трудом удерживает спокойствие и порядок у себя, не говоря уже об оккупированных территориях — Бессарабии, Трансильвании, Буковине и Банате. Следовательно, Польше необходимо использовать эти трудности Румынии с тем, чтобы ими не воспользовались чехи, вступающие с ней в союз ценой интервенции в Венгрии»¹⁰⁰. Отметив, что «упомянутые выше обстоятельства... вынуждают Румынию искать непосредственной помощи у Польши», Ч. Прушиньский подчеркивал: «Румынское правительство... решительно придерживается политики сближения с Польшей, создания как можно более широкой общей границы и выступления против украинско-русского, а также венгерского клина, который может быть вбит между Румынией и Польшей»¹⁰¹.

Польский дипломат считал, что поскольку между Польшей и Румынией нет «противоречивых интересов», то заключенное военное соглашение «в будущем послужило бы основой длительного союза между обоими государствами». Ввиду опасности положения как Румынии, так и Польши Ч. Прушиньский настаивал на «быстрых действиях».

Ратуя за военный союз с королевской Румынией, правительство Польши старалось с самого начала придать ему сугубо антисоветскую направленность, что отражено и в цитируемом документе. Польский советник писал: «Формы нашего соглашения с Румынией могут быть разнообразны, однако по причине неясности положения на Балканах и юго-востоке, а также наших будущих отношений с Венгрией мы не должны быть стеснены этим соглашением, которое в будущем втянуло бы нас в венгерско-румынские и румыно-болгарские конфликты и распри. Поэтому острие нашего союза должно

быть прежде всего обращено на восток, а соглашение пока должно носить характер временной военной конвенции». И далее: «Выгоды этого союза выразились бы прежде всего в изменении ситуации в восточной Галиции. Украинские силы, атакованные с юга и юго-востока польско-румынскими войсками, должны были бы отступить из-под Львова и очистить всю Восточную Галицию. Тогда железнодорожная линия Варшава—Бухарест, имеющая первостепенное стратегическое значение, послужила бы для дальнейших оперативных действий на востоке, препятствующих соединению России с Германией или Венгрией»¹⁰².

Ч. Прушинский, чьи рекомендации, как показали дальнейшие события, были учтены, предлагал предпринять в Париже практические шаги к заключению военного союза с Румынией, «войдя в переговоры с находившимися там представителями румынского правительства», а сам союз или его «самые общие принципы», по его мнению, должны были быть «сформулированы и подписаны специально уполномоченными на это польскими и румынскими представителями, без участия других государств». «Такой союз, — заключил советник, — явился бы в конце концов в нашей внешней политике первым самостоятельным шагом, который позволил бы удержать в наших руках инициативу в решении восточного вопроса»¹⁰³. Ч. Прушинский не забыл напомнить и об экономических выгодах для Польши союза с Румынией, в частности, об использовании румынских портов на Черном море в целях экспорта польских товаров в Малую Азию.

После заключения предварительного военного соглашения, полагал Ч. Прушинский, следовало направить в Бухарест «для установления союзных отношений» специальную военно-политическую миссию и подобную же румынскую миссию принять в Варшаве, а также развернуть в печати двух стран, «особенно румынской», кампанию в пользу предлагаемого альянса¹⁰⁴.

26 апреля 1919 г. главное командование польской армии направило руководителю военной миссии Польши в Париже генералу Т. Развадовскому инструкцию, в которой говорилось: «В связи с тем, что Германия и Австрия всегда будут стремиться прервать наши связи с Антантой, мы должны стараться установить прочную связь с Румынией и через нее с Антантой. Для Польши это вопрос жизни и смерти. Только общий польско-румынский фронт сможет сдерживать большевизм».

Т. Развадовскому рекомендовалось обсудить с польскими дипломатическими представителями во Франции «вопрос актуальности военного соглашения с Антантой», а также «о военном союзе с Румынией и стремиться по возможности к заключению сепаратной конвенции с этой страной против большевиков». «Там следует предусмотреть, — читаем далее в инструкции, — оказание нам помощи Румынией против украинцев¹⁰⁵, хотя есть надежда, что мы сможем их разбить и без помощи румын». Подполковнику Ф. Респальдизу, назначенному военным атташе в Бухаресте, предлагалось «как можно скорее» выехать к месту назначения»¹⁰⁶.

27 апреля состоялась встреча в Париже И.И.К. Брэтиану с польским премьером И.Я. Падеревским. Стороны договорились «как можно быстрее занять Рутению и южную Галицию», чтобы установить контакт между армиями двух стран «и оборвать всякую возможность прямых связей между украинскими и русскими большевиками с теми из Венгрии»¹⁰⁷.

Коммунисты Польши и Румынии, как и следовало ожидать, выступили против политики правящих кругов своих стран по сколачиванию антисоветского альянса. Выступая на заседании Варшавского Совета рабочих депутатов, один из лидеров компартии А.Е. Варский сказал: «Революционное движение охватило всю Европу. Государства Антанты не считают себя достаточно сильными, чтобы бороться с международной революцией. Впрочем, как нам

известно, французский, английский, американский солдат не хочет быть жандармом Европы. Эту роль должны взять на себя народы, освобожденные союзниками (от немецко-австрийской оккупации. — И. Л.), — в первую очередь Польша и Румыния. Поэтому Антанта стремится к тому, чтобы буржуазная Польша заключила союз с Румынией, наиболее реакционным государством сегодняшней Европы, и чтобы вместе с государством Гогенцоллернов (то есть с Румынией. — И. Л.) боролась против международной революции». Была принята резолюция, в которой осуждалась политика репрессий правительства И.Я. Падеревского и указывалось на необходимость дать отпор его проискам¹⁰⁸.

Румынские коммунисты в ряде резолюций и воззваний выражали солидарность с советской властью в России и Венгрии, осуждали политику правительства, призывали солдат повернуть оружие против своих помещиков и буржуазии, не участвовать в подавлении революционных выступлений трудящихся, требовать демобилизации¹⁰⁹.

После занятия Красной армией юга Украины Одесса вновь становится одним из главных центров деятельности румынских интернационалистов на территории советского государства. В мае здесь состоялась конференция румынских коммунистических групп Одессы, Москвы, Тирасполя, Херсона, Киева. В составе 1-й интернациональной советской дивизии, а также в рядах румыно-венгерского интернационального полка румынские интернационалисты участвовали в боях против антибольшевистских сил на юге страны¹¹⁰.

В румынском рабочем движении, в руководстве которого шла борьба между различными течениями, не было единой линии и по отношению к внешнеполитическому курсу правящих кругов страны, к проблеме советско-румынских отношений. Левые социалисты и коммунистические группы резко выступили против заявления Временного исполкома социалистической партии Румынии и Временной всеобщей комиссии профсоюзов от 13 февраля 1919 г., в котором

фактически одобрялось включение Бессарабии в состав Румынии¹¹¹. Социалисты г. Плоешти назвали упоминавшееся заявление от 13 февраля националистическим и оппортунистическим¹¹².

В Венгрии в конце апреля румынская армия была вынуждена, к удивлению находившегося в Париже И.И.К. Брэтиану, прекратить наступление и остановиться на р. Тисе, несмотря на совет французского генерала Ф. д'Эспере немедленно занять Будапешт. Иного мнения придерживался начальник штаба румынской армии генерал К. Презан. Как отмечает в своей книге Г. Брэтиану, он «предпочитал предпринять совместную с союзниками акцию (против Советской Венгрии. — И. Л.), так как был озабочен положением в Бессарабии, где после эвакуации (Одессы и левобережья. — И. Л.) боеспособность французско-греческих войск казалась ослабленной»¹¹³. К. Презан считал, что главным фронтом должен считаться восточный, против Красной армии, и что надеяться на французские и греческие части в случае перехода советских войск через Днестр нельзя.

На Днестре положение было действительно напряженным. Командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко еще 13 апреля 1919 г. издал директиву о подготовке войск к походу на помощь Венгрии. 21 апреля в телеграмме на имя главкома И.И. Вацетиса и члена Реввоенсовета Украинской республики С.И. Аралова В.И. Ленин вновь указал на необходимость скорейшего освобождения Донбасса и установления связи с Венгрией через Галицию и Буковину¹¹⁴.

В связи с задачей оказания помощи Венгерской Советской Республике снова остро встал вопрос о Бессарабии и Северной Буковине. В первых числах мая 1919 г. королевскому правительству Румынии были направлены по этому поводу две ноты.

В ноте от 1 мая, посвященной главным образом бессарабскому вопросу, правительства РСФСР и УССР вновь указали на «вероломный характер» вторжения королевских войск в Бессарабию, на

роль держав Антанты, прикрывавших данную акцию заявлением о «временном характере оккупаций»¹¹⁵. Подчеркивалось, что советско-румынское Соглашение от 5–9 марта 1918 г., согласно которому правительство Румынии обязано в двухмесячный срок эвакуировать свои войска из Бессарабии, было попрано румынской стороной. Это выразилось не только в том, что она не вывела свои войска из Бессарабии, но и в том, что «Румыния стала одним из очагов российской контрреволюции», а ее правительство «не прекращало ни на минуту свою враждебную политику по отношению к советской власти»¹¹⁶.

Господствующий в Бессарабии режим характеризовался в ноте как произвол военной и полицейской бюрократии, которая возвела в систему «террор, расстрелы, аресты, порку, конфискацию имущества, организацию еврейских погромов, грубую, насильственную румынизацию и ограбление населения»¹¹⁷. Правительства РСФСР и УССР осудили кровавое подавление Хотинского восстания¹¹⁸ и враждебные действия Румынии против Венгерской Советской Республики¹¹⁹.

Заключительная часть ноты звучала как ультиматум: «Оба советские правительства (РСФСР и УССР. — И. Л.) обращаются к румынскому правительству с нижеследующими предложениями:

1) немедленная эвакуация румынских войск, чиновников и агентов из всей Бессарабии и предоставление бессарабским рабочим и крестьянам свободы установить свою собственную власть;

2) предание народному суду всех виновников преступлений, совершенных над бессарабскими рабочими и крестьянами и над всем населением Бессарабии;

3) возвращение всего военного имущества, принадлежавшего России и Украине, захваченного Румынией;

4) возвращение жителям Бессарабии всего отнятого и конфискованного у них имущества»¹²⁰. От королевского правительства требовался ясный ответ на эти предложения. «В противном

случае, — говорилось в ноте, — они (правительства РСФСР и УССР. — И. Л.) будут считать себя обладающими в отношении Румынии полной свободой действий»¹²¹.

2 мая правительство Украины обратилось к королевскому правительству с нотой по поводу Северной Буковины, которая, как подчеркивалось в документе, стала добычей румынской олигархии в момент, когда перед краем «открывались перспективы освобождения от всякого классового и национального гнета».

«Украинская Социалистическая Советская Республика, — говорилось в ноте, — связанная с Буковиной не только узами солидарности, объединяющей трудящиеся массы всех стран, но и общностью этнографического родства значительной части населения Буковины, протестует самым энергичным образом против акта насилия румынского правительства над волей Буковины и доводит до сведения румынского правительства, что рабоче-крестьянское правительство Украины твердо решило защищать всеми средствами право рабочих и крестьян Буковины на свободное национальное самоопределение»¹²².

Королевскому правительству предлагалось в течение 48 часов заявить о согласии вывести свои войска с указанных территорий.

Поскольку ответа на ультимативные советские ноты от 1-го и 2-го мая не последовало, нарком по военным делам УССР Н.И. Подвойский 7 мая издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «По решению Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета наши армии переходят в наступление против румынских белогвардейцев — палачей наших братьев в Бессарабии — и против деникинских банд в Донецком бассейне»¹²³. На следующий день Н.И. Подвойский докладывал Реввоенсовету республики и В.И. Ленину о ходе формирования воинских частей на Украине: «Спешно формируются 4-я, 6-я Украинские дивизии и две дивизии — Интернациональная и Бессарабская¹²⁴ — с особой задачей оказания помощи Венгрии и освобождения Бессарабии»¹²⁵.

Распоряжение штаба Наркомвоенна УССР о формировании 1-й Бессарабской дивизии было издано 2 мая 1919 г. В нем указывалось: «Для использования большого количества бессарабцев-беженцев, повстанцев и существующих уже кадров четырех полков Наркомвоен в согласии с представителями бессарабских коммунистов приказал сформировать [в] Одесском округе 1-ю Бессарабскую дивизию трехбригадного состава». 10 мая в частях был оглашен приказ Н.И. Подвойского о переходе в наступление¹²⁶. Накануне был опубликован манифест Временного рабоче-крестьянского правительства о провозглашении Бессарабии советской социалистической республикой. В нем содержался призыв к трудовому населению края «стать как один в ряды социалистической бессарабской армии»¹²⁷. С призывами к трудящимся бороться за освобождение края обратились Бессарабское бюро при ЦК РКП(б)¹²⁸ и политотдел Реввоенсовета 3-й Украинской советской армии¹²⁹.

11 мая 1919 г. советские войска перешли Днестр в районе с. Чобручи. Спустя два дня В.И. Ленин телеграфировал наркому иностранных дел Венгерской Советской Республики Беле Куну: «Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр»¹³⁰. Однако развить успех, вытеснить румынские войска из Бессарабии и Северной Буковины, а затем прорваться на помощь венгерской республике не удалось. Войска пришлось вернуть на исходные позиции. Сказывались неверная оценка развития международного революционного процесса, чрезмерное упование на мировую революцию и победу в ближайшее время коммунизма в мировом масштабе. В упоминавшейся приветственной телеграмме VIII съезда РКП(б) Венгерской советской республике, в частности, говорилось: «Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм»¹³¹.

Заблуждения проявлялись и в оценке ситуации в Румынии. В воззвании Одесского комитета румынских коммунистов «К румын-

ским рабочим и солдатам», опубликованном 19 апреля 1919 г., утверждалось, что в связи с приближением Красной армии «к границам Бессарабии и возникновением конфликтов между рабочим правительством Венгрии и румынским господствующим классом возникновение революции рабочих и крестьян Румынии — дело дней, а возможно, и часов...»¹³².

В таком же оптимистическом духе оценивались перспективы революции в Румынии и в Москве. 12 апреля 1919 г. «Известия» писали: «Войска Советской Украины продвигаются к границам Бессарабии, а огонь социальной революции уже прорывается к самой Румынии. Сокрушив самодержавие и власть буржуазии, румынские рабочие и крестьяне дружно возьмутся за дело строительства новой жизни».

Чрезмерно оптимистические настроения в связи с отступлением иностранных войск из Одессы и Левобережного Приднестровья царили и среди частей Красной армии, готовившихся к наступлению на Бессарабию. «Революционные рабочие и крестьяне Украины... решили прийти на помощь своей измученной сестре — Бессарабии, — говорилось в воззвании политотдела Реввоенсовета 3-й Украинской армии. — Нами начато наступление на Бессарабию, вам на помощь. Тирасполь в наших руках... Троны палачей-королей пошатнулись, и близок час, когда в черном Кишиневе, Яссах и Бухаресте — взвывают красные флаги — знамена свободы трудящихся всего мира»¹³³.

Главной же причиной, повлиявшей на отказ от задуманной операции в Бессарабии и Северной Буковине, явилось резкое ухудшение в начале мая положения на фронтах Гражданской войны, в первую очередь на Украине. С наступлением весны Донецкий бассейн стал ареной ожесточенных боев. С Северного Кавказа на Донбасс двинулась Добровольческая армия генерала А.И. Деникина. Доведя в апреле 1919 г. численность своих войск в Донбассе до 38 тыс. человек, А.И. Деникин усилил натиск в направлении Луганск—Дебальцево.

В многочисленных телеграммах Совнаркому Украины и командующему Украинским фронтом В.И. Ленин подчеркивал важность овладения Донбассом и требовал оказывать немедленную и эффективную помощь Южному фронту в разгроме Добровольческой армии. Еще 22 апреля он телеграфировал В.А. Антонову-Овсенко (копии — Н.И. Подвойскому и Х.Г. Раковскому): «Украина обязана признать Донбассфронт безусловно важнейшим украинским фронтом и во что бы то ни стало немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбасс—Мариуполь... Во что бы то ни стало надо быстро и значительно увеличить силы против Деникина»¹³⁴. Спустя два дня в телеграмме, адресованной Х.Г. Раковскому, В.А. Антонову-Овсенко, Н.И. Подвойскому, Л.Б. Каменеву, В.И. Ленин вновь указывал: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель»¹³⁵.

Однако некоторые руководящие работники Украины недооценивали нависшую над Донбассом опасность и не спешили с посылкой подкрепления Южному фронту, надеясь, что тот своими силами сумеет разгромить деникинцев, а войска Украинского фронта имеют реальную возможность выступить на помощь Венгрии для содействия развитию социалистической революции на Западе. Впоследствии В.А. Антонов-Овсенко признал, что им «мерещились радужные перспективы содействия мировой революции»¹³⁶.

5 мая В.И. Ленин отправил В.А. Антонову-Овсенко и Н.И. Подвойскому (копию — Х.Г. Раковскому) телеграмму следующего содержания: «Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу»¹³⁷.

Положение советских войск, отбивавших в тот момент ожесточенные атаки белогвардейских войск А.И. Деникина в Донбассе, усугуби-

лось тем, что в их тылу 9 мая поднял антисоветский мятеж командир 6-й стрелковой дивизии М.А. Григорьев. Опираясь на зажиточное крестьянство и поддержку украинских эсеров, мятежники заняли Николаев, Херсон, Елисаветград, Екатеринослав, Кременчуг, Черкассы.

Совет Рабоче-крестьянской обороны Украины поставил перед командованием Украинского фронта задачу в кратчайший срок ликвидировать мятеж М.А. Григорьева, используя и силы 3-й Украинской армии, готовившейся к наступлению на Бессарабию. Предпринятая в этих условиях 11 мая акция по форсированию Днестра в районе с. Чобручи не увенчалась успехом. И хотя в конце мая мятеж М.А. Григорьева был ликвидирован¹³⁸, тем не менее дальнейшее развитие событий на фронтах Гражданской войны заставило советское командование отказаться в тот момент от наступления на Бессарабию и Северную Буковину.

Ультимативные ноты РСФСР и УССР, направленные Румынии в начале мая, концентрация советских войск вдоль Днестра, главным образом, решительное требование Антанты приостановить наступление своих войск в глубь Венгрии, заставили И.И.К. Брэттиану, ранее поддерживавшего план захвата венгерской столицы, 22 мая телеграфировать в Бухарест, что «не считает больше своевременным продвижение румынской армии к Будапешту»¹³⁹. Но приказ войскам о приостановлении наступления не последовал.

Вынужденные в связи с тяжелым положением на фронтах Гражданской войны отказаться от наступления на Бессарабию и Северную Буковину, правительства РСФСР и УССР в ноте, переданной по радио «правительству Румынии, всем, всем» 25 мая 1919 г., еще раз обратили внимание официального Бухареста на нерешенность советского конфликта и наличие серьезных претензий со стороны Советского государства. Напомнив о присвоенном румынскими властями имуществе русских армий Румынского фронта и выразив протест «против усилившегося ограбления населения Бессарабии»,

правительства РСФСР и СССР предупредили виновников такой политики о неизбежной расплате за свои деяния и заявили, что «снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезенных во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, румынскому национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским помещикам и капиталистам»¹⁴⁰.

Официальный Бухарест оставил без ответа советский демарш. Отказываясь от диалога с советскими республиками, правительства Румынии и Польши усиленно добивались создания единого фронта против Красной армии, дабы не дать ей возможность двинуться на помощь Венгерской Советской Республике. Польские войска активизировали свои действия на востоке. Для соединения с действовавшими в Галиции польскими легионами румынские части, дислоцированные на Буковине, двинулись на север, форсировали Черемыш и проникли в Покутье. Газета «*Glasul Bucovinei*» в связи с этим вспоминала о войнах молдавских господарей в средние века за овладение Покутьем и славila дружбу Польши и Румынии, вместе составлявших «надежный щит против угрозы с Востока»¹⁴¹.

Происшедшие в конце мая в г. Бендеры события лишний раз подтвердили взрывоопасность царившей в Бессарабии атмосферы. Едва услышав перестрелку, связанную с переправой на правый берег Днестра небольшого красноармейского отряда, состоявшего из бессарабцев, жители взялись за оружие. В течение дня город находился в руках повстанцев. Успешным действиям восставших способствовало сочувственное к ним отношение дислоцированных в Бендерах солдат французских воинских частей. В восстании приняла участие группа румынских солдат-интернационалистов, переправившихся в составе красноармейского отряда с левого берега Днестра. Лишь сосредоточив значительные силы, румынские власти смогли подавить выступление горожан.

28 мая в телеграмме, адресованной В.И. Ленину (копия — Г.В. Чичерину), Х.Г. Раковский, сославшись на сведения, полученные от председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии И.Н. Криворукова, сообщал, что «двадцать седьмого в семь часов двадцать минут вечера бессарабскими частями... взят город Бендеры», что «чернокожие (имеются в виду сенегальцы в составе французских частей. — И. Л.) отступают, преследуемые нашими войсками, французы сдаются»¹⁴².

В принципе советское правительство не исключало возможности возобновления наступления советских войск на Бессарабию. Так, 2 июня 1919 г. на проходившем объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) среди других обсуждался вопрос «о направлении интернациональных формирований, имеющих на Украине, в 12-ю армию для действия в Галиции и Бессарабии»¹⁴³.

А тем временем в Париже на мирной конференции шли дебаты вокруг вопроса о послевоенных границах Румынии. 5, 11 и 28 марта на заседаниях комиссии по Югославии и Румынии среди прочих территориальных вопросов (Баната, Марамуреша, Буковины, Южной Добруджи) рассматривался и бессарабский вопрос. 6 апреля комиссия свой доклад с рекомендацией признать Бессарабию за Румынией передала Центральной территориальной комиссии, последняя без изменений отправила документ на заключение Совета министров иностранных дел четырех великих держав. В качестве аргументов для обоснования своей рекомендации эксперты по территориальным вопросам сослались на «волеизъявление населения» Бессарабии, на «молдавский характер», историю и демографию области. От Румынии требовались гарантии равноправия национальных меньшинств¹⁴⁴.

В связи с предстоящим обсуждением вопроса о территориальных требованиях Румынии на заседании Совета министров иностранных дел четырех держав 23 апреля 1919 г. И.И.К. Брэтиану отправил

из Бухареста в Париж министру без портфеля М. Ферикиде, временно замещавшему премьера на мирной конференции, телеграмму, в которой, подчеркивая, что главной задачей является борьба против русских и венгерских большевиков, заключал: «От результатов этой борьбы (то есть от участия в ней и вклада Румынии — И. Л.) зависят также и наши будущие границы»¹⁴⁵. Давалось недвусмысленное указание, что упор в переговорах М. Ферикиде следует делать на заслуги Румынии в подавлении большевизма.

8 мая 1919 г. на совещании министров иностранных дел союзников был заслушан доклад комиссии экспертов по румынским делам, с которым выступил его председатель А. Тардье. Рассматривался вопрос о территориях бывшей австро-венгерской монархии, которые должны были войти в состав Румынии. О Бессарабии специально не говорилось, поскольку государственный секретарь США Р. Лансинг посчитал, что поднимать эту проблему в отсутствии делегата от России неуместно. «Мирная конференция — заявил он, — не может выносить решение о территории, принадлежавшей государству, с которым представленные державы не были в состоянии войны»¹⁴⁵. Американский дипломат, естественно, имел в виду присутствие представителя не РСФСР, а русской Белой гвардии (в это время среди союзников дебатировался вопрос о признании правительства А.В. Колчака в Омске).¹⁴⁶

К недовольству румынской стороны затягивалось и решение вопроса о будущей границе между Венгрией, Румынией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. Спор шел, в частности, относительно Западного Баната, на который одновременно претендовали две последние страны, а также по вопросу о Буковине. Напомним, что еще в 1914—1916 гг. между царским правительством и правительством И.И.К. Брэтиану велись интенсивные переговоры относительно раздела Буковины¹⁴⁷, а 3 ноября 1918 г. украинское вече в Черновцах приняло решение о присоединении этой территории к

Украине. И.И.К. Брэтиану в состоявшейся 14 мая беседе с французским министром иностранных дел С. Пишоном заявил, что если граница Буковины не будет установлена на Днестре, а Баната — на Тисе, то он не подпишет договор с Австрией¹⁴⁸.

Что касается Буковины, то при рассмотрении мирного договора с Австрией на пленарном заседании конференции 31 мая 1919 г. румынская делегация, обосновывая необходимость определить границу этой области на Днестре, сочла нужным заверить, что она «обеспечит ей безопасность и остановит... экспансию анархии, которая угрожает значительной части Европы»¹⁴⁹.

Ссылаясь на разговор с М. Ферикиде и сообщения бухарестской прессы, французский посланник в Бухаресте Б. Сент-Олер докладывал С. Пишону, что в случае, если территориальные требования Румынии не будут удовлетворены в Париже, И.И.К. Брэтиану, желающий войти «в историю как великий патриот», покинет свой пост. Ратуя за удовлетворение румынских претензий и стараясь убедить свое правительство в том, чтобы не допустить отставки И.И.К. Брэтиану, он писал: «Среди прочего в нынешнем состоянии крайней бедности и общей дезорганизации, вызванном немецкой оккупацией, только нахождение Брэтиану во главе правительства может избавить страну от окружающей ее анархии и позволит сплотиться в такой степени, чтобы стать самой солидной основой против русского и венгерского большевизма», не говоря уже о том, что это усилит в стране дружественные чувства к Франции¹⁵⁰.

В эти дни между румынской делегацией в Париже и руководителями Антанты и США возник конфликт. Одобря действия бухарестского правительства по подавлению советской власти в Венгрии, последние вместе с тем требовали, чтобы румынская армия не переходила установленную ей Антантой демаркационную линию между Трансильванией и чисто венгерскими областями. И.И.К. Брэтиану же, жаждавший закрепить за Румынией границу на Тисе, включив в

состав своей страны и венгерские территории, так и не отдал приказа о приостановке продвижения своих войск, надеясь поставить конференцию перед свершившимся фактом. Как обычно, он ссылался на наличие коммунистической угрозы со стороны правительства Белы Куна¹⁵¹.

10 июня на заседании Совета четырех (Англия, Франция, США, Италия) В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж констатировали, что «все бедствия в Венгрии и трудности этого часа» происходят от Румынии. Они обвинили румынского премьера в том, что он якобы «своими претензиями вызвал отставку Каройи (главы буржуазно-либерального правительства, пришедшего к власти в конце октября 1918 г. — И. Л.) и установление большевизма в Венгрии». В. Вильсон, Д. Ллойд Джордж и присоединившийся к ним Ж. Клемансо пригрозили И.И.К. Брэтиану, что если Румыния не отведет свои войска на указанную ей демаркационную линию и не будет подчиняться решениям Антанты относительно румыно-венгерской границы, то ей будет «отказано в снабжении и всякой помощи». И.И.К. Брэтиану ответил, что ему неизвестно, где пролегает эта демаркационная линия¹⁵².

Несколько иной точки зрения относительно отвода румынских войск от Тисы придерживался маршал Ф. Фош. В принципе не возражая против решения Совета четырех, он вместе с тем считал, что в данный момент нецелесообразно отводить войска, так как река позволяет Румынии сравнительно небольшими силами «эффективнее защищать Трансильванию» от венгров. Он просил Ж. Клемансо учитывать, что Румыния обязана «держать на Днестре и на Буковине значительную часть своих войск для того, чтобы сохранить контроль над русским большевизмом», а также иметь в виду «события в Галиции, где большевистский натиск угрожает разрыву связи, установившейся между поляками и румынами»¹⁵³.

Влиятельные органы Румынии выражали открытое недовольство ходом Парижской конференции. Газета Н. Йорги «Neamul

gomânesc», касаясь вопроса о Банате, объявила демаркационную линию между западной и восточной частями этой области «абсурдной»¹⁵⁴. «Dacia» писала о «кромсании румынских прав» и обвиняла союзников, которые в августе 1914 г. провозгласили себя сторонниками соблюдения договоров, в том, что они «стали на извилистый и опасный путь произвольных решений»¹⁵⁵. С протестом против хода обсуждения вопроса о Банате в Париже выступил правительственный официоз газета «L'indépendance Roumaine»¹⁵⁶. Центральный орган правящей национал-либеральной партии газета «Viitorul» жаловалась, что, «хотя война закончилась, румыны гибнут в Галиции, на Днестре и на Тисе, где от имени союзников и во имя охраны порядка и защиты мировой цивилизации своей грудью воздвигают гранитную плотину против большевистского безумия». «Несправедливо, следовательно, — писала газета, — отдавать нам приказы и трактовать нас наравне с побежденными в том, что касается нашей этнической защиты или нашего государственного суверенитета»¹⁵⁷. «Viitorul» сетовала по поводу того, что на конференции за Румынией не признаются территории, которые «по праву» должны принадлежать стране в соответствии с заключенным с Антантой договором от августа 1916 г.¹⁵⁸

11 июня 1919 г. под председательством короля состоялось заседание правительства, на котором было заслушано сообщение румынского посланника во Франции В. Антонеску о ситуации на Парижской мирной конференции. Дипломат доложил, что от Румынии требуют гарантии прав нацменьшинств и свободы транзита товаров соседних государств, не имеющих выхода к морю, против чего категорически возражает И.И.К. Брэтиану, усматривая во включении таких статей в договор с Австрией ущемление суверенитета Румынии. Но и великие державы стояли на своем.

В ходе обсуждения создавшегося положения члены правительства пришли к выводу, что положение Румынии исключительно

сложное, и высказались за отклонение требований руководителей конференции.

Затронуты были и территориальные вопросы. Ю. Маниу, представитель от Трансильвании, заявил, что «опасно подписывать такой мирный договор», в результате которого область окажется «с отрезанными границами». Министр от Буковины И. Нистор сказал, что для последней «такой мир означал бы катастрофу». И. Инкулец сетовал по поводу того, что Румынии не только не дают положенных ей территорий, но и даже «не позволяют быть хозяевами у себя в стране». В. Антонеску спросили, как решается в Париже вопрос о Бессарабии, верно ли, что перед адмиралом А.В. Колчаком выдвинули в качестве условия признания его правительства отказ от Бессарабии. В. Антонеску ответил, что «в связи с агитацией русских в Париже, главным образом г-на Сазонова (бывшего министра иностранных дел России. — И. Л.), г-н Брэтиану поручил ему прозондировать у Пишона, как обстоит дело с этим вопросом». Выяснилось, что для французов вопрос о Бессарабии окончательно решен в пользу Румынии. «До отъезда (в Бухарест. — И. Л.) вопрос вновь был поставлен перед Филиппом Бертело (Генеральный секретарь МИДа Франции. — И. Л.), который заверил, что союзники подняли вопрос перед Колчаком, и, хотя его ответ еще не совсем известен, они уверены, что он не будет противиться»¹⁵⁹.

В ходе дискуссии возник еще один вопрос: не последует ли за отказом Румынии подписать договор с Австрией отказ союзников от своих обязательств в отношении Бессарабии. Министры договорились не принимать никаких решений по обсуждаемым проблемам, пока не будет заслушан ответ самого И.И.К. Брэтиану.

19 июня 1919 г. В. Антонеску отправился в Париж с новыми инструкциями для И.И.К. Брэтиану. Как сообщал своему МИДУ Б. Сент-Олер, румынское правительство изъявило готовность отвести войска в Венгрии на установленную Антантой демаркаци-

онную линию. Что касается подписания договора с Австрией, то правительство оставило все на усмотрение И.И.К. Брэттиану. Сам кабинет министров был против принятия статей, касающихся национальностей, в первую очередь относительно предоставления гражданства евреям, и транзита товаров¹⁶⁰. Согласно переписи населения в 1912 г., только 4668 евреев из 241 тысячи считались румынскими гражданами.

Пока же обсуждение бессарабского вопроса на конференции в Париже не сулило румынской делегации ничего хорошего, хотя упоминавшаяся уже комиссия под председательством А. Тардые в своем заключении, составленном еще в апреле, высказалась «в пользу присоединения Бессарабии к Румынии». К докладу комиссии был приложен проект статей, которые должны были вноситься в будущий договор с Россией. Статья 2 предусматривала создание после вступления договора в силу специальной комиссии (из семи членов, из них пять — представители союзных держав, один — от Румынии и один — от России) для уточнения русско-румынской границы. Это означало, что представители Антанты и в будущем намеревались выступать в роли арбитров при решении вопроса о русско-румынской границе, иными словами, сохранить возможность играть на противоречиях между двумя соседними странами¹⁶¹.

Все это время противники присоединения Бессарабии к Румынии далеко не пассивно взирали на развитие событий. В адрес Парижской конференции поступали меморандумы, отвергавшие претензии Румынии на Бессарабию. Так, 22 марта такой документ представили князь Львов, бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, эсер Н.В. Чайковский и М.А. Маклаков от имени «русской политической комиссии», состоявшей из 22 эсеров, пяти кадетов и одного октябриста — бывших делегатов Всероссийского учредительного собрания. В этом меморандуме в духе русской дореволюционной историографии излагалась история русско-турецких

отношений и делался вывод, что никакого агрессивного акта в отношении Румынии Россия не совершала, поскольку в начале XIX в. Румынии как государства не существовало, а следовательно, и «нет исторических прав Румынии» на Бессарабию. Этих прав, говорилось в меморандуме, нет и потому, что молдаване составляют только 47,58% населения края, то есть менее половины¹⁶².

В апреле меморандум с протестом против присоединения Бессарабии к Румынии представила конференции «делегация Бессарабии» в лице А.Н. Крупенского, А.К. Шмидта и др.¹⁶³

В Париже находился член Учредительного собрания от Бессарабии, представлявший эсеровскую организацию, М. Слоним, который на страницах газеты французских социалистов опубликовал статью под названием «Румынские зверства в Бессарабии». Он укорял Антанту за поддержку режима румынской военщины в Бессарабии и требовал проведения плебисцита в крае под контролем Лиги наций¹⁶⁴.

27 мая Совет пяти обсуждал послание к адмиралу А.В. Колчаку. Союзники разъясняли адмиралу цели их политики в отношении России. В качестве условия оказания помощи от А.В. Колчака среди прочего требовалось (пункт 6-й послания) признать «право мирной конференции определить будущее румынской части Бессарабии»¹⁶⁵. Это была попытка найти компромиссное решение путем раздела Бессарабии на «румынскую» и «русскую» и на этой основе примирить румынскую олигархию и русских монархистов.

А.В. Колчак не стал медлить с ответом. 4 июня он сообщил французскому поверенному в делах в Омске: «Принцип ратификации соглашений Учредительным собранием должен быть применен и к бессарабскому вопросу»¹⁶⁶. Этот вопрос стал объектом длительной дискуссии на заседаниях мирной конференции в первых числах июля 1919 г. 1 июля Ж. Клемансо предложил включить в повестку дня вопрос о Бессарабии. Английский министр иностранных дел

А. Бальфур высказался против, мотивируя свое мнение тем, что пока не готовится мирный договор ни с Россией, ни с Румынией. Т. Титтони, новый премьер-министр и министр иностранных дел Италии, наоборот, считал, что вопрос следует обсудить, так как Бессарабия — «район беспокойный» и Совет пяти «должен попытаться ликвидировать элементы нарушения порядка». Ж. Клемансо согласился с ним. «Совет должен попытаться, насколько возможно, преодолеть беспорядок», — заявил он. В итоге было решено заслушать не только А. Тардье, но и отдельно румынского и русского делегатов, не принимая при этом «никаких решений».

Доклад А. Тардье был заслушан на следующий день на совещании министров иностранных дел Великобритании, Франции, США, Италии и Японии. А. Тардье зачитал упоминавшееся уже заключение комиссии от 6 апреля, в котором предлагалось присоединить Бессарабию к Румынии. Председатель «временного русского правительства» в Архангельске (он же член «русской политической комиссии» в Париже) Н.В. Чайковский высказался против этого решения и предложил провести в Бессарабии свободный плебисцит¹⁶⁷.

Американский госсекретарь Р. Лансинг предупредил, что данные ему полномочия ограничиваются «лишь переговорами о мире» и это не позволяет ему «заниматься конфликтом между двумя дружественными державами»¹⁶⁸. А. Тардье продолжал настаивать на обсуждении вопроса, ибо, как он выразился, «трудно составить договор с Румынией, если одна из ее границ остается открытой».

Затем взял слово М.А. Маклаков — правый кадет, бывший посол Временного правительства А.Ф. Керенского в Париже. Он выступал от имени «правительства Колчака» и сказал, что «никакая третья сторона не может распоряжаться владениями русского государства без его согласия», подразумевая, естественно, не советскую «красную» Россию, а будущую, как он полагал, «белую» Россию. М.А. Маклаков объявил требование Румынии о признании за ней

Бессарабии неправомерным, так как условия договора Антанты с Румынией от августа 1916 г. не затрагивали вопроса о Бессарабии, да и не будучи среди победителей, эта страна не имеет права на выдвижение такого требования¹⁶⁹. Аргументация М.А. Маклакова в основном была построена на тезисах, содержащихся в упоминавшемся нами меморандуме Одесского комитета освобождения Бессарабии. Представитель А.В. Колчака изложил историю края начиная с 1812 г., подчеркнув при этом, что если в период присоединения к России здесь насчитывалось 300 тыс. человек, то в настоящее время численность населения возросла до 3 млн. Он утверждал, будто только в четырех уездах Бессарабии согласно последней переписи молдавское население преобладает, и настаивал на том, чтобы вопрос о референдуме касался только этих четырех уездов.

Далее М.А. Маклаков сказал, что единственными органами, правомочными решать бессарабский вопрос, являются земства и управы, то есть учреждения якобы выражавшие «волю народа». Что же касается Сфатул Цэрий, то представитель А.В. Колчака объявил его «революционным» органом, отражавшим якобы мнение рабочих и солдатских Советов, и выразил удивление по поводу того, как мог такой «революционный» орган проголосовать за присоединение к монархии¹⁷⁰. Он не преминул указать, что из 160 членов Сфатул Цэрий за присоединение проголосовало только 46. М.А. Маклаков заявил, что если бы молдаване действительно захотели «объединиться под одним флагом» с Румынией, то Россия «могла бы пойти на эту жертву», но, сказал он, такого желания у них не было. М.А. Маклаков предложил провести плебисцит в районах с преимущественно молдавским населением. Он явно рассчитывал на то, что Совет пяти министров иностранных дел не согласится утвердить решение «революционного» Сфатул Цэрий, — и угодил в точку. Когда румынская делегация в составе И.И.К. Брэтиану, Н. Мишу, К. Диаманди и И. Пеливана вошла в зал заседания, в ее

адрес тотчас же поступили вопросы: как происходило голосование в Сфатул Цэрий и как можно выявить «волю народа» в будущем?¹⁷¹

Взяв слово, И.И.К. Брэтиану пытался представить Сфатул Цэрий как выразителя «действительной воли народа», и утверждал, что голосование за присоединение к Румынии якобы было проведено при «полной свободе», умолчав, что вокруг здания, где заседали члены Сфатул Цэрий, наготове стояли офицеры и солдаты румынской армии. Он заметил также, что подобные же собрания выразили «волю народа» в Польше, Чехословакии и других местах. Румынский премьер ругал большевиков и хвалил «порядок», установленный его администрацией в Бессарабии. На вопрос американского госсекретаря Р. Лансинга, согласен ли он провести сейчас, или через два года, или в любое другое время плебисцит в Бессарабии, И.И.К. Брэтиану категорически ответил «нет». На границе с Россией, заявил он, эта мера весьма опасна, она приведет только к «революционной агитации»¹⁷².

Комментируя отказ румынского премьера от проведения плебисцита, Г. Брэтиану откровенно писал, что такой акт при условии предварительного вывода румынских войск из Бессарабии «возродил бы анархию», нарушил бы с «таким трудом установленный в этой области порядок» и вызвал бы «социальную революцию и разложение».

При обосновании претензий Румынии на Бессарабию И.И.К. Брэтиану апеллировал к истории. Указав, что эта область «была румынской землей», захваченной русской монархией, румынский премьер заметил, что с падением последней «дальнейшее владение России Бессарабией было бы анахронизмом», ибо последняя больше не служит «пограничной полосой на пути к Константинополю». Отдав же Бессарабию Румынии, Россия расплатилась бы за «огромный долг» ей¹⁷³.

На этом заседание закончилось. Информирова французского поверенного в делах в Бухаресте о результатах обсуждения на конференции бессарабского вопроса, С. Пишон отмечал: «Конференция

не приняла никаких решений по этому вопросу. Рассмотрение проблемы находится на следующей стадии:

А. Компетентная комиссия предложила присоединить Бессарабию к Румынии.

В. Главные союзные и присоединившиеся державы в письме адмиралу Колчаку оговорили право конференции решить судьбу румынских частей Бессарабии.

С. Проблема состоит в том, чтобы узнать, какие это румынские части»¹⁷⁴.

Относительно позиции французского МИДа в письме сказано, что последний считает Бессарабию румынской и полагает, что «на ее территории выгодную границу можно провести только по Днестру». С. Пишон высказывал мнение, что эта линия «по-видимому будет поддержана английской делегацией»¹⁷⁵.

Французская печать широко комментировала итоги заседания Совета пяти, отмечала, что «Совет не принял никакого решения», «бессарабский вопрос остался висеть в воздухе»¹⁷⁶. Сообщалось, что допущение М.А. Маклакова на обсуждение вопроса о Бессарабии свидетельствовало о признании «правительства Колчака»¹⁷⁷. Газета «L'Information», подчеркивая с удовлетворением, что Антанта не признает правительство В.И. Ленина, рекомендовала заслушать по этому вопросу и мнение А.И. Деникина¹⁷⁸. Указывалось и на нежелание И.И.К. Брэтиану вступать в контакт с М.А. Маклаковым и А.Н. Крупенским под предлогом того, что он не склонен вести переговоры с «персонами без полномочий»¹⁷⁹. Часть французской печати отстаивала точку зрения И.И.К. Брэтиану, выпячивая «заслуги» Румынии перед Антантой¹⁸⁰.

После состоявшейся на мирной конференции дискуссии 4 июля И.И.К. Брэтиану покинул Париж. Перед этим он вручил Верховному Совету союзников меморандум, специальный раздел которого был озаглавлен: «Вопрос о Бессарабии». Румынский премьер обви-

нил союзные державы в том, что они своим отношением «затрудняли выполнение задачи по умиротворению Бессарабии» — «румынской с точки зрения исторической, этнической и политической области», которая тотчас же после «падения царской и империалистической России» должна была отойти к Румынии. Присоединение этого края к своей стране И.И.К. Брэтиану представлял как результат просьбы «автономного правительства» Бессарабии, желавшего «избавиться от бедствия и по собственной воле провозгласившего объединение с королевством». В меморандуме сказано также о том, что «для восстановления порядка, не силой, а путем установления социального мира», в Бессарабии якобы осуществлены «широкие политические и аграрные реформы», которые, естественно, вызвали недовольство как «у ранее привилегированных при авторитарическом режиме, так и у большевиков». Однако, как бы то ни было, заключал румынский премьер, «внутренний мир возрожден на Днестре».

В меморандуме бросается упрек союзным державам, что в такой момент они внесли формулировку «о румынских частях» Бессарабии, из которой вытекает, что «существуют нерумынские районы, которые могут быть возвращены России, несмотря на наличие акта о полном объединении этой провинции целиком румынской». Такая постановка вопроса, писал И.И.К. Брэтиану, возродила надежды у противников присоединения Бессарабии к Румынии.

Далее в меморандуме сказано: «Союзные державы не должны забывать, что в интересах общего великого дела румыны непрерывно оказывали им содействие в том, чтобы держать в узде элементы беспорядка великой России, и румынские войска не только остановили на Днестре большевистскую опасность, но и неоднократно переходили эту реку, чтобы взаимодействовать с французскими войсками. Также нельзя забыть, что по просьбе французского командования и по ходатайству Министерства иностранных дел Франции тысячи трансильванских солдат оказывали в Сибири помощь войскам адми-

рала А.В. Колчака и несмотря на это вынуждены довольствоваться относительно Бессарабии неопределенным ответом Колчака»¹⁸¹.

После заседания 2 июля зарубежная пресса заговорила о предстоящей отставке И.И.К. Брэтиану. В интервью газете «Le Temps» посланник Румынии во Франции В. Антонеску объяснил отъезд И.И.К. Брэтиану необходимостью доложить королю и правительству результаты его миссии. Газета подробно изложила все «обиды» румынского премьера, отмечала его нежелание брать на себя ответственность за навязанные стране новые границы и статус национальных меньшинств¹⁸². И хотя И. Дука всячески восхваляет и оправдывает позицию своего патрона на конференции в Париже, в действительности тактика И.И.К. Брэтиану оказалась несостоятельной и послужила поводом для его резкой критики со стороны политических противников, в том числе с трибуны парламента¹⁸³.

Определенная сдержанность правителей Антанты и США в решении бессарабского вопроса в пользу Румынии была вызвана отчасти и открытым возмущением широкой общественности на Западе жестокостью режима, установленного в Бессарабии румынской олигархией. В связи с тем, что в адрес Парижской мирной конференции поступали многочисленные жалобы на этот счет, посланник Великобритании в Бухаресте Ф. Раттиган в состоявшейся 6 июля беседе с королем Фердинандом, напомнив о недавних событиях в Бессарабии (по-видимому, он имел в виду кровавые расправы с участниками Хотинского и Бендерского восстаний) и указав королю, что «Париж полон недовольных бессарабцев», предупредил, что «это может только нанести вред интересам Румынии». Сообщая об этой беседе в Foreign office, Ф. Раттиган писал: «В отношении Бессарабии Его Величество допускает, что администрация этой провинции была очень плоха, но теперь принимаются все усилия, чтобы выправить положение»¹⁸⁴. Король не уточнил, каким образом он мыслил исправить положение, зато проявил большой интерес к вопросу о том, как будет

решаться в Париже проблема восточной Галиции. Фердинанд высказался за создание барьера между Германией и Россией, который служил бы «преградой против распространения большевизма», а для этого необходимо, чтобы Польша и Румыния имели общую границу. Ф. Раттиган выразил мнение, что мирная конференция «будет иметь это в виду, принимая решение в отношении границ в данном регионе». В Лондоне положительно оценили ответ посланника¹⁸⁵.

Идея румыно-польского антисоветского союза как главного звена «санитарного кордона» была пущена в ход. На следующий день Ф. Раттиган имел беседу с посланником Польши в Бухаресте А. Скшинским. Последний горячо одобрил предложение об общей польско-румынской границе «для создания сильного блока в Центральной Европе и буфера между Германией и Россией. Этот блок, — заявил А. Скшинский, — должен быть как можно сильнее»¹⁸⁶.

Спустя некоторое время Ф. Раттиган имел беседу с И.И.К. Брэтиану. Запугивая английского дипломата перспективой конфликта между Англией и Россией не только из-за Константинополя, но и в Азии, румынский премьер усиленно убеждал его в том, что Лондон заинтересован в создании сильного европейского блока в составе Румынии, Польши и Венгрии в качестве «противовеса панславизму». Подобный пакт при всем антисоветизме правящих кругов Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев вряд ли был бы воспринят ими положительно. Ф. Раттиган посоветовал И.И.К. Брэтиану «не придавать такому блоку антиславянский характер», а «лучше включить в него... Чехословакию и Сербию»¹⁸⁷. Английские политики стремились придать сотрудничеству государств Центральной Европы в первую очередь антисоветский характер. В то же время английская комбинация должна была расстроить французский план создания Дунайской конференции¹⁸⁸.

Из-за противоречий между союзными державами, каждая из которых преследовала свои корыстные интересы, переговоры на

мирной конференции в Париже, в том числе по вопросам о румынских границах, затянулись на долгие месяцы. Проблема Бессарабии, в частности, была превращена дипломатами западных держав в объект политических манипуляций и закулисных торгов.

Сам И.И.К. Брэтиану по возвращению из Парижа созвал правительство, добиваясь поддержки со стороны его членов занятой им на конференции позиции. На нем присутствовали министры от Бессарабии И. Инкулец и Д. Чугуряну, которые сочли, что мирный договор с Австрией нельзя подписывать, «так как вопрос о Бессарабии не решен еще окончательно»¹⁸⁹.

Хотя И.И.К. Брэтиану грозился тотчас же по приезде в Бухарест подать в отставку с поста премьер-министра, тем не менее ни он, ни правительство в целом от власти пока не отказались. По этому поводу И. Дука заметил: «Мы признали его правоту (то есть правоту позиции И.И.К. Брэтиану на конференции в Париже. — И. Л.), и отставка правительства последовала бы тотчас же, если бы в тот момент не начались наши бои на Тисе и не открылась бы перспектива оккупации Будапешта. Поскольку события приняли такой оборот, мы по крайней мере желали возглавить осуществление этого славного акта, мы это заслужили за все наши страдания в годы нейтралитета и войны, за нашу мудро проводимую политику»¹⁹⁰.

Как известно, при активном участии румынской королевской армии и других интервенционистских сил советская власть в Венгрии была подавлена. Что касается восточного фронта против Красной армии, то здесь положение складывалось не столь благополучно для румынской стороны. Политически разложившиеся французские войска были эвакуированы из Бессарабии, на Днестре продолжались перестрелки. В одной из официальных сводок румынского командования отмечалось, что «удалось путем открытия огня предотвратить попытки братания»¹⁹¹ между румынскими и советскими солдатами.

Из Парижа также приходили далеко не утешительные известия. Ажиотаж вокруг бессарабского вопроса нарастал с каждым днем. Как выразился Г. Брэтиану, поскольку вопрос о Бессарабии оставался открытым, «против нас продолжалась со стороны определенных русских кругов ожесточенная пропаганда»¹⁹².

На страницах «L'Humanité» выступил бывший председатель крестьянской фракции в Сфатул Цэрий В. Цыганко, который от имени бессарабского крестьянства высказался за проведение плебисцита в Бессарабии¹⁹³. Напомнив о существовании Временного бессарабского советского правительства, газета подчеркивала, что население Бессарабии настроено против румынской олигархии и предпочитает большевиков. Она также утверждала, что Молдавская национальная партия, набравшая на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 г. всего 6 тыс. голосов (по другим данным, около 9 тыс. — И. Л.), не вправе говорить от имени народа Бессарабии. Газета подвергала резкой критике политику С. Пишона, направленную на создание антисоветского «санитарного кордона» против России с участием Румынии и Польши¹⁹⁴.

Серию статей (начиная с 15 июня и по 7 июля 1919 г.), посвященных Бессарабии и бессарабскому вопросу, опубликовала за подписью «Бессарабский патриот» газета «La voix nationale». Автор отвергал претензии Румынии на Бессарабию и требовал разрешить бессарабский вопрос в духе «принципов Вильсона».

Бурную деятельность развернули в эти летние месяцы в Париже А.К. Шмидт, А.Н. Крупенский и другие «представители Бессарабии», которые, по словам Г. Брэтиану, и забрасывали секретариат конференции своими протестами и меморандумами¹⁹⁵. Очередной протест от «русской делегации» поступил 22 июля. В нем выражалось возмущение по поводу роспуска губернского земства, Кишиневской думы, ввода румынского законодательства, расстрела членов Сфатул Цэрий (И. Панцыря, В. Прахницкого, П. Чумачен-

ко, Н. Гринфельда и др.), выдвигалось требование об учреждении временного управления в Бессарабии до создания комиссии по наблюдению за проведением плебисцита в четырех уездах с преимущественно молдавским населением¹⁹⁶.

Подавали свой голос на конференции и представители петлюровской Директории. Председатель ее делегации Г. Сидоренко протестовал против допущения на заседание по обсуждению бессарабского вопроса М.А. Маклакова, представлявшего «незначительную русскую группировку». Г. Сидоренко настаивал на том, чтобы упомянутый вопрос решался между УНР и Румынией¹⁹⁷.

В словесной дуэли вокруг судеб Бессарабии был задействован весь пропагандистский аппарат королевской Румынии. Вовсю старалась газета «*La Roumanie*», доказывая правомерность актов от 27 марта и 27 ноября 1918 г.¹⁹⁸ Сопровождавший в качестве эксперта румынскую делегацию в Париже И. Пеливан стремился убедить общественность Запада, что Сфатул Цэрий представлял в общем «демократические интересы всей Бессарабии», был «правомочен решать вопрос о Бессарабии», а его решения отражали «волю большинства бессарабского населения»¹⁹⁹. Пребывание Бессарабии в составе России И. Пеливан рисовал в самых черных красках²⁰⁰ и подчеркивал исторические и этнические права Румынии на данную область²⁰¹, где молдавское население составляло якобы 70% от всех жителей²⁰². В. Антонеску на страницах «*Le Temps*» продолжал в духе И.И.К. Брэтиану доказывать опасность плебисцита, который-де только вызовет ненужное «бурление»²⁰³. Газета выражала опасение, что если не будет изменена политика в отношении Румынии, то она может быть потеряна как «защитница порядка на Востоке»²⁰⁴.

Свою лепту в создание «Великой Румынии» от Тисы до Днестра и далее пытался внести штабной подполковник, будущий диктатор Румынии Ион Антонеску. По военной линии, как сам он об этом рассказывал, дважды вместе с французскими войсками в конце 1918 г.

он переправлялся через Днестр в Тирасполь, участвовал также в ликвидации очага большевизма в соседней Венгрии. Но это еще не все. Для доказательств прав Румынии на новые территории, включенные в 1918 г. в состав страны, он приурочил к работе Парижской мирной конференции издание своей небольшой брошюры под названием «Румыны. Их происхождение, прошлое, жертвы и права». На титульном ее листе имеется такая надпись: «При составлении этого исследования я пользовался советами и трудами профессоров Н. Йорги, Д. Ончула и Э. Панайтеску, которым приношу свою благодарность и выражаю признательность». Никаких открытий новоиспеченный «историк», конечно, не делал, скорее всего задача автора состояла в том, чтобы отвести от Румынии обвинения в предательстве дела «союзников» по Антанте в результате подписания Бухарестского мира с австро-германским блоком и «доказать», что Румыния должна сполна получить свои «исконно румынские земли», все, что предусмотрено тайным договором с Антантой от 4 (17) 1916 г., и даже больше. Учитывая политическую конъюнктуру, он придал своему произведению анти-русский и антиславянский характер, обвинил Россию во всех бедах румынского народа, отметил заслуги Румынии как «плотины» на пути России, а с конца XIX в. — и против славянской Болгарии, о народе которой он отзывался с пренебрежением. И. Антонеску признает, что в западной части Баната преобладают сербы, в Северной Буковине — украинцы, Южной Добрудже — болгары, но это, по его мнению, не может служить препятствием для включения указанных территорий в состав Румынии. Северная Буковина и Северная Бессарабия, населенные преимущественно украинцами, должны стать румынскими, ибо г. Черновцы, названный им румынским городом, будет на самой границе, и в случае военного конфликта с восточным соседом «будет совсем не защищен от противника».

Воинственный подполковник уже тогда угрожал: «Спор между нами и украинцами в скором времени будет ликвидирован при по-

мощи штыков... Все те, кто непрошенные нами, пришли на Буковину или же были посланы сюда другими, пусть собирают багаж и уходят, пока мы их не попросили это сделать». Сербский Банат, по логике И. Антонеску, должен был стать румынским, ибо он является «житницей других двух уездов» области, а также потому, что в случае раздела Баната «граница станет искусственной». И. Антонеску грозился, что «румынский народ не сложит оружия, пока весь Банат не станет его». От Южной Добруджи, продолжал подполковник, «мы не можем отказаться», ибо Румынии нужна «более обширная база на Черном море», «имеется возможность построить в Мангалии военный порт и создать флот»²⁰⁵.

Но правителей великих держав — победительниц в войне и творцов послевоенного мира меньше всего интересовало, что пишут и чего добиваются младшие партнеры. Они руководствовались своими интересами.

Особую тревогу официального Бухареста вызывала позиция американских делегатов по бессарабскому вопросу. «Министр иностранных дел США Р. Лансинг, — писал Г. Брэтиану, — оставался на прежней точке зрения и продолжал невозмутимо требовать проведения плебисцита на территории между Прутом и Днестром». Другой американский делегат, Уайт, прямо заявил 19 июля румынскому дипломату В. Антонеску: «Румыны Бессарабии и знать не хотят о Румынии. Бессарабия входила в состав Молдовы до создания Румынии, Румыния образовалась без Бессарабии...». «Они, — заключал Г. Брэтиану, — полностью освоили все элементы тезисов, выдвинутых русскими, начиная от реакции и кончая большевизмом»²⁰⁶.

Конференция в Париже, полагали американские эксперты, вправе «корректировать довоенные несправедливые договора». 26 июля 1919 г. на совещании американских экспертов один из них — д-р Дуглас Джонсон — выдвинул идею обусловить признание Бессарабии за Румынией отказом последней от южных уездов Добруджи,

отторгнутой от Болгарии в 1913 г. по Бухарестскому миру, подводящему итог Второй Балканской войны.

1 августа 1919 г. на встрече глав делегаций США, Великобритании, Франции, Италии и Японии вопрос о Бессарабии и Буковине стал предметом обсуждения без участия представителя Румынии. Накануне комиссия по делам Румынии представила Верховному союзному совету свой доклад по вопросу о Буковине, в котором после изложения истории решения его в апреле 1919 г. выдвигалось предложение (с учетом изменившейся за последние месяцы ситуации) присоединить к Румынии всю Буковину за исключением территории, пересекаемой железной дорогой Залежики—Коломыя, которая необходима для обеспечения коммуникаций в Галиции.

Английский министр иностранных дел А. Бальфур напомнил, что после первого обсуждения вопроса комиссия решила, что «по этнографическим причинам» небольшая часть Буковины, население которой «скорее рутенцы, чем румыны», не может быть отдана Румынии, и предложил вообще воздержаться от передачи этой области Румынии, «пока не станет ясным ее отношение к союзникам», учитывая, что пожелания и инструкции конференции ею «совершенно игнорировались». Американский делегат Ф. Полк в принципе не возражал против предложения комиссии, но высказался против предлагаемой линии границы. Итальянский премьер Т. Титтони заметил, что следует строго придерживаться границы, установленной по договору 1916 г., но при этом предупредить Румынию, что она получит эту территорию только в случае выполнения пожеланий союзников и подписания договора с Австрией. В конечном счете в отношении границы было принято предложение комиссии Тардье за исключением района прохождения железнодорожной линии Залежики—Коломыя и при условии выполнения Румынией требований союзников²⁰⁷. Затем делегаты великих держав перешли к обсуждению вопроса о Бессарабии.

Итальянский премьер Т. Титтони предложил вместо Южной Бессарабии (обещанной А.В. Колчаку) закрепить за Румынией южные уезды Добруджи²⁰⁸, отторгнутые в 1913 г. от Болгарии. Снова, как и при подготовке Бухарестского договора между Центральными державами и Румынией, вопрос о Бессарабии увязывался с проблемой Добруджи, но и тут согласия не было. Англия склонялась к тому, чтобы вернуть часть Южной Добруджи Болгарии. Американский представитель Ф. Полк, ссылаясь на упоминавшуюся уже нами ранее ответную телеграмму А.В. Колчака от 4 июня, высказался против решения вопроса о Бессарабии до «возвращения законного правления в России», то есть до свержения советской власти и реставрации старого строя²⁰⁹. А. Бальфур жаловался, что с И.И.К. Брэтиану трудно иметь дело, и предложил отложить решение касающихся Румынии территориальных вопросов до создания в этой стране нового правительства. Все согласились с этим.

13 августа на заседании глав правительств пяти великих держав было констатирувано, что румынское правительство отказывается выполнить указания Верховного Совета Антанты о выводе войск с тех территорий Венгрии, которые не были предусмотрены для передачи Румынии. На это обвинение И.И.К. Брэтиану публично заявил, что акцию против Венгрии румынская армия предприняла по просьбе мирной конференции, которая еще три месяца назад обратилась к Румынии по данному поводу²¹⁰. Ж. Клемансо, раздраженный поведением И.И.К. Брэтиану, подчеркнул, что Румыния и без того вдвое увеличила свою территорию, чего не позволяли себе даже Франция и Италия²¹¹. Американский представитель Ф. Полк заявил от имени президента, что, если Румыния будет и далее продолжать такой курс, США перестанут благосклонно относиться к ее требованиям. Он заметил, что официальный Бухарест предпринимает шаги по проведению в Бессарабии выборов в румынский парламент, хотя вопрос о крае еще не решен²¹². По предложению А. Бальфура

было принято решение предупредить румынское правительство, что, если оно хочет остаться в союзе с Антантой, ему не следует отдавать своим генералам приказы, противоречащие решениям конференции.

Г. Брэттиану писал, что «самые тревожные известия» были получены 4 сентября 1919 г.: «Первый американский делегат в Париже решительно заявил, что его страна покинет конференцию, если не будут приняты самые суровые меры против Румынии, которая восстает против Верховного Совета союзников...». Американец предложил даже исключить Румынию из числа союзных и присоединившихся государств, разорвать дипломатические, экономические и финансовые отношения с ней²¹³.

Как уже отмечалось, правители Антанты использовали вопрос о Бессарабии в качестве одного из рычагов воздействия на официальный Бухарест. 5 сентября при обсуждении на конференции вопроса о Добрудже Т. Титтони вновь предложил рекомендовать Румынии сделать здесь уступку (имелось в виду вернуть Южную Добруджу Болгарии), обещав ей взамен претворить в жизнь рекомендации комиссии Тардые в отношении Бессарабии²¹⁴. Но и на сей раз никакого решения принято не было.

На заседании Совета 8 сентября в связи с обсуждением договора с Австрией и официального письма Румынии об ее отказе признать 60-ю статью договора относительно предоставления гражданских прав нацменьшинствам, в том числе евреям, вновь был затронут вопрос о Бессарабии. Выискивались способы давления на правительство И.И.К. Брэттиану. Т. Титтони заметил, что Румыния, фактически владея Буковиной и Трансильванией, не нуждается в признании за ней этих территорий *de jure* со стороны союзников, так как ни Австрия, ни Венгрия не смогут в течение длительного времени оспаривать их у нее. Итальянский премьер предложил использовать «бессарабский аргумент». Логика его рассуждений была такова: «Если Румыния не оформит договором с союзниками своих прав на Бессарабию, то Рос-

сия, когда она восстановится, безусловно, будет добиваться возвращения края. В этот момент Румыния будет нуждаться в помощи Антанты и Лиги наций». Американский делегат возражал против такого способа давления. Было решено в ответном письме указать Румынии, что Польша и другие государства приняли статьи о меньшинствах, а о Бессарабии, Буковине и Трансильвании в нем не упоминать²¹⁵.

9 сентября румынская делегация от имени И.И.К. Брэтиану вручила секретариату мирной конференции еще один меморандум, в котором затрагивался и бессарабский вопрос. Отмечалось, что при подписании союзного договора с Антантой в августе 1916 г. (то есть и с Россией) «в тот момент исключалась возможность признания за Румынией прав на границу по Днестру и на Бессарабию». Но сейчас, с досадой констатировали авторы меморандума, союзные державы-победительницы не учитывают «жертвы Румынии» в войне, ее вклад в борьбу с «большевистской опасностью» и не только не решают бессарабский вопрос, но и включили в переписку с А.В. Колчаком формулировку о «румынских частях Бессарабии». Это «позволило злоумышленникам полагать, что существуют нерумынские части в этой области». Затягивание решения бессарабского вопроса, говорилось в меморандуме, «может возродить у большевистских агитаторов и у других надежды на подрыв порядка и мира, столь удачно установленных Румынией в Бессарабии, в то время как весь регион по ту сторону Днестра находится во власти полной анархии». В заключение в документе утверждалось, что Румыния не может подписать договор с Антантой, содержащий положения, которые «затрагивают достоинство и интересы страны»²¹⁶.

Опытный политик, лидер национал-либеральной партии, И.И.К. Брэтиану не шел на уступки требованиям союзников в вопросе о границах и нацменьшинствах, которые не соответствовали его взглядам и в дальнейшем могли быть использованы оппонентами для обвинения его в антипатриотизме. 10 сентября он подал в от-

ставку, но до назначения нового правительства временно еще оставался на своем посту.

В Бухаресте узнали о закулисной возне вокруг вопроса о Добрудже. Виктор Антонеску узнал об этом из депеши от 12 сентября, в которой, в частности, говорилось: «Бертело (генеральный секретарь МИДа Франции. — *И. Л.*) сообщил мне, что, если Румыния пожелала бы по своей инициативе передать часть Кадрилатера (южные уезды Добруджи. — *И. Л.*) Болгарии, конференция могла бы признать Бессарабию за Румынией, но при этом Румыния не должна своим отказом подписать договор с Австрией ставить себя вне политики Антанты»²¹⁷. Такой же вывод сделал В. Антонеску из беседы с А. Тардые.

И.И.К. Брэтиану, пока еще выполнявший обязанности премьера, ответил на это сообщение 17 сентября следующее: «Беседа с Бертело и Тардые меня не удивляет, уже давно невооруженным глазом я усмотрел шантаж. Самой лучшей гарантией (от большевизма. — *И. Л.*), в том числе для общих интересов, является эффективная оккупация Бессарабии и Кадрилатера... Сам Клемансо в конечном итоге убедится, что Румынию следует поддерживать, а не разрушать»²¹⁸.

Подавление советской власти в Венгрии позволило королевской Румынии нарастить свои силы на Днестре, где до второй половины августа продолжались стычки с красногвардейцами²¹⁹. В конце августа положение советских войск в Приднестровье резко ухудшилось. Одессу и южную часть левобережных районов заняли деникинцы, северную часть левобережья Днестра — петлюровцы. Части Южной группы войск 12-й советской армии отступали с тяжелыми боями.

Борясь против советской власти, деникинцы, петлюровцы и румынское правительство преследовали разные цели, этим объяснялись и раздоры между ними.

Соседство с деникинцами, ратовавшими за восстановление «единой и неделимой России», было вовсе не по вкусу румынской

олигархии. Не желала этого и Директория. Поэтому петлюровцы добивались поддержки королевской Румынии в своей борьбе как против Красной армии, так и против А.И. Деникина. Официальный Бухарест также не жаловал белогвардейского генерала, который не собирался отказываться от Бессарабии в пользу Румынии. В «Бюллетене бессарабского бюро печати» от 14 августа 1919 г. воспроизводилась корреспонденция газеты «Одесский листок». «Из Бухареста сообщают, — говорилось в ней, — что соглашение между Румынией и Украиной подписано». Далее отмечалось, будто Румыния обязалась оказать УНР помощь оружием и амуницией, а на мирной конференции — самую широкую поддержку «украинских национальных стремлений», а также «в деле борьбы с большевиками»²²⁰.

Будучи проездом в г. Черновцы, председатель делегации петлюровской Директории на Парижской мирной конференции Г. Сидоренко заявил в интервью прессе, что УНР «давно отказалась от своих претензий на Хотинский округ и небольшие участки на Буковине», что «дружба с румынским королевством означает для украинцев (читай: петлюровцев. — И. Л.) нечто большее, чем незначительные земельные лоскуты». Она, продолжал петлюровский эмиссар, основывается на совместной борьбе против России, независимо от того, является ли она большевистской или монархической. «Вот почему, — сказал Г. Сидоренко, — Украина ведет ожесточенную борьбу как против Деникина, так и против большевиков». «В этой борьбе, — продолжал он, — Румыния должна нам помогать, ибо она имеет большие возможности поддержать нас в предпринятых усилиях». Представитель петлюровской Директории высоко отозвался о внешней политике Румынии и румынской армии и высказал недовольство ходом Парижской конференции²²¹.

В октябре 1919 г. генерал И. Рэшкану, военный министр нового румынского правительства, возглавляемого генералом А. Вэйтояну

(27 сентября оно сменило кабинет И.И.К. Брэтиану), встретился с С.В. Петлюрой. Румынский министр, как сообщила пресса, «посетил весь фронт украинской армии, выразил ей чувство признательности румынского правительства», «разрешил румынским офицерам служить в армии Петлюры», одним словом, была установлена прямая связь между румынами и украинцами²²². По поводу сотрудничества Директории с королевской Румынией Х.Г. Раковский в статье «Мы еще вернемся» писал: «...Теперь взоры Петлюры и его правительства обращены к Румынии и Польше. Если Румынии неудобно иметь соседом Украинскую советскую республику, то она также не очень рада и Деникину, который затребует Бессарабию и Буковину»²²³.

Правительство А. Вэйтояну, состоявшее почти целиком из генералов, сохранило в неприкосновенности административный аппарат, укомплектованный из сторонников национал-либеральной партии, и продолжало политику И.И.К. Брэтиану. На кабинет А. Вэйтояну была возложена задача провести в ноябре 1919 г. выборы в румынский парламент. Самостоятельных внешнеполитических акций это правительство не предпринимало. И в Париже все пока оставалось по-прежнему.

11 октября главы делегаций пяти великих держав рассматривали «действия Румынии в Бессарабии» в связи с поступившими в адрес конференции письмами «делегатов Бессарабии» А.Н. Крупенского и А.К. Шмидта. Последние вторично (первый раз — в апреле 1919 г.) жаловались, что крупных земельных собственников под угрозой экспроприации имений заставляют присягнуть румынскому королю, что, по их мнению, есть «акт совершенно несправедливый и нарушающий их достоинство граждан края, не являющегося частью румынского королевства». «Это, — писали А.Н. Крупенский и А.К. Шмидт, — нарушение международного права, а также уважения к решениям мирной конференции, которая не предоставила Румынии право владения русской областью»²²⁴.

Бессарабские «представители» жаловались на «режим, установленный румынским правительством», при котором «кровавые восстания бессарабского населения будут неизбежны», снова напоминали, что под угрозой штрафов население хотят заставить участвовать в выборах в парламент и т. д.²²⁵

Дипломатов пяти великих держав меньше всего интересовало существо обвинений, выдвигаемых против румынского правительства в письме А.Н. Крупенского и А.К. Шмидта. Они свели обсуждение к тому, как использовать бессарабский вопрос для нажима на Румынию с целью заставить ее выполнить требования союзников о выводе войск из Будапешта²²⁶ и согласиться с положением о нацменьшинствах, содержащемся в договоре с Австрией (статья 60). Присутствовавший на заседании секретарь МИД Франции Ф. Бертело предложил следующую формулу: «Румынии можно сказать, что ее претензии на Трансильванию не будут признаны и что вопрос о Бессарабии не будет рассматриваться, пока в его обсуждении не примет участия реконструированная Россия»²²⁷.

Прошел месяц. На заседании делегатов пяти великих держав 13 ноября 1919 г. обсуждался текст очередной ноты союзников Румынии по поводу действий ее администрации в Венгрии. В проекте ноты имелась такая фраза: «Что касается границ, находящихся на рассмотрении, то мирная конференция не поддержит требования Румынии». Американский делегат Ф. Полк осведомился, не означает ли это, что в случае согласия Бухареста с требованиями Совета пяти они будут обязаны передать Бессарабию Румынии²²⁸. На это Ф. Бертело ответил: «Комиссия (Тардые. — И. Л.) единогласно приняла решение передать Бессарабию Румынии, но Совет не принял никаких решений в этом отношении и сохранил за собой свободу действий»²²⁹.

Таким образом, устроители Парижской мирной конференции, превратив проблему Бессарабии и Буковины в объект дипломатического торга, до конца 1919 г. окончательно так и не решили ее.

Глава III

РОЖДЕННЫЙ В МУКАХ: БЕССАРАБСКИЙ (ПАРИЖСКИЙ) ПРОТОКОЛ 28 ОКТЯБРЯ 1920 г.

1919 год уже подходил к концу, а целый ряд вопросов, стоящих на повестке дня Парижской мирной конференции, так и остался нерешенным. Среди них — окончательное определение и признание великими державами-победительницами послевоенных границ Румынии.

Причин тому было много. Творцы Версальского мира были крайне недовольны преднамеренной оттяжкой румынской стороной вывода своих войск с оккупированных венгерских территорий, в том числе из Будапешта, отвода их за пределы демаркационной линии, установленной союзниками. Подготовленный мирный договор с Венгрией остался не подписанным. Продолжался торг с сербами вокруг Баната.

В подвешенном состоянии находился мирный договор с Австрией, спор шел, в частности, о том, как делить Буковину и определить границы между Румынией и петлюровской Украинской Народной Республикой. За счет раздела «лоскутной империи» оставалось уточнить румыно-чехословацкую и румыно-польскую границы. Застопорилось и окончательное решение бессарабского вопроса, в том

числе из-за позиции американской делегации на конференции, считавшей, что, поскольку Россия была союзницей в войне, нельзя решать вопрос о Бессарабии, входившей в ее состав до войны, без согласия признанного российского правительства. Американцы еще увязывали признание Бессарабии за Румынией с возвращением последней Болгарии Южной Добруджи, отнятой у нее по Бухарестскому мирному договору в 1913 г.

Была еще одна причина затягивания решения территориальных проблем с Румынией. Ее правители упорно противились требованиям держав-победительниц о предоставлении гражданских прав евреям, особенно на присоединенных в 1918 г. территориях. Они настойчиво добивались исключения из проектов договоров с Австрией, Венгрией и Болгарией статей о «защите национальных меньшинств», формально провозглашавших равенство граждан «без различия происхождения, национальности, языка, расы, религии». Устроители Парижской конференции столь же упорно отстаивали эти положения. По этой причине, в частности, отсутствовала подпись румынского представителя под мирным договором с Болгарией, заключенным 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нейи-сюр-Сене.

Лидер национал-либеральной партии И.И.К. Брэтиану, возглавлявший румынскую делегацию на Парижской мирной конференции, опасался, что уступки, сделанные по требованию союзников в вопросе о границах с западными соседями, а также «о защите национальных меньшинств», могут быть в дальнейшем использованы оппозицией для обвинения его, И.И.К. Брэтиану, в антипатриотизме. Уйдя в оппозицию, национал-либералы рассчитывали сами использовать это оружие против тех, кто, в конечном итоге, вынужден будет по требованию Антанты подписывать мирные договора.

Однако маневр национал-либералов не удался. С трибуны парламента и на страницах оппозиционной прессы позиция И.И.К. Брэтиану была подвергнута резкой критике. Его обвиняли в ухудшении

отношений с «великими союзниками», отягощении международного положения Румынии¹.

В конце 1919 г. стало очевидным, что планы великих держав свергнуть власть большевиков в России не сбываются. Интервенция союзнических войск в Россию не принесла ожидаемых результатов, потерпели крах походы на Москву белогвардейских армий А.В. Колчака и А.И. Деникина. Несмотря на большие материальные и людские потери, советская власть устояла, ее успехи в Гражданской войне подогревали революционные настроения, особенно среди населения соседних с Россией государств, в том числе Румынии.

Страх румынских властей, вызванные восстаниями в Хотине и Бендерах в первой половине 1919 г., не улетучились, продолжали держать их в напряжении, заставили внимательно следить за настроениями не только бессарабского населения, но и за развитием событий в прилегающих районах Украины, где продолжалась Гражданская война, в которой были задействованы большевики, деникинцы, петлюровцы и сотрудничающие с последними польские легионы.

В приднестровских городах и местечках Бессарабии румынские власти создали Центры сигуранцы (органов государственной безопасности), которые засылали своих лазутчиков в Украину. Они регулярно докладывали в Бухарест не только о моральном состоянии населения Бессарабии, но и о положении в соседних районах левобережья Днестра, а также следили за морально-политическим состоянием солдат и офицеров воюющих сторон.

Непосредственно примыкающую к Днестру территорию в конце 1919 — начале 1920 г. занимали войска С.В. Петлюры (севернее Тирасполя) и остатки армии А.И. Деникина (южнее Тирасполя). Соседство последних, не отказавшихся от мечты о возрождении «единой и неделимой России», совсем не привлекало правителей Румынии. По румынским данным, в деникинских частях «было 800—1000 бессарабцев»².

В условиях наступления Красной армии румынские власти и деникинцы при всей взаимной неприязни временами сотрудничали на почве борьбы с большевиками. При штабе Добровольческой армии А.И. Деникина для связи находился румынский офицер по фамилии Джорджеску. Сообщая об этом в Бухарест, органы сигуранцы в Бессарабии в донесении от 30 января 1920 г. также отмечали, что шпионы, направленные в Овидиополь для сбора информации военного характера, возвратились, и деникинцы «помогали им в выполнении задания»³.

В политической борьбе на Украине румынские власти, как и польские, поддерживали петлюровскую Директорию, полагая, что, поскольку она остро нуждалась в помощи, то легче пойдет на отказ от притязаний на Бессарабию и часть Буковины. Румынский генерал М. Ионеску, командир дивизионной группы, дислоцированной в м. Атаки Сорокского уезда, 9 октября 1919 г. докладывал: «8 октября в Атакский гарнизон явился комендант Могилевского гарнизона (петлюровского. — *И. Л.*), чтобы поблагодарить за хороший прием, устроенный батальону украинцев, прибывшему из Бухареста и переправленному на Украину»⁴.

21 октября 1919 г. Центр сигуранцы в Атаках доносил своему начальству: «Вчера, 20 октября с. г. (1919. — *И. Л.*), по случаю передачи украинцам вагона вооружения присутствовал при приеме на берегу (Днестра. — *И. Л.*) у Могилева (Подольского. — *И. Л.*) Петлюра, который затем отправил к нам делегацию в составе двух штабных офицеров, чтобы через местный гарнизон поблагодарить румынское правительство за доброжелательность по отношению к украинской республике»⁵.

Но посылать свои войска для участия в боях против большевистских сил на Украине вместе с поляками и петлюровцами правители Румынии не решались. По-видимому, не были забыты неудачи похода вместе с французскими войсками в начале 1919 г. в

междуречье Днестра и Буга, когда под ударами Красной армии и партизан пришлось срочно отступать в Бессарабию, чтобы уберечь свои части от большевизации. Сдерживали также от повторения отправки своих войск в Заднестровье весьма тревожные донесения органов сигуранцы о событиях в прилегающих к Днестру районах Украины.

17 января 1920 г. они докладывали: «Польский фронт из Старой Константиновки отступает в Проскуров. Большевики продвигаются вперед... Их пропаганда проникла и среди польских войск, вызвав у них резкое падение морального состояния, нашедшего выражение в утверждениях, что насытились войной и желают возвратиться к себе домой»⁶.

В сводке от 18 января читаем: «Впереди и в тылу фронта (группы генерала Кражевского) возникли крупные восстания населения, они проявляются в действиях разных банд большевистского толка и простираются до Днестра». 23 января: «Во всем занятом ими (поляками. — И. Л.) секторе среди офицеров царит атмосфера раздражения, все абсолютно дезориентированы, так как не знают, что принесет им завтрашний день... Русское население Подолии братается с большевиками»⁷.

Больше всего опасались румынские власти, как бы с приближением Красной армии к Днестру не усилились большевистские настроения в Бессарабии. 24 января 1920 г. начальник сигуранцы г. Хотина с тревогой телеграфировал Центрам сигуранцы в г. Сороки и м. Атаки: «Имеем информацию, что в нескольких селах Сорокского уезда, расположенных напротив города Могилева, воодушевленные приближением к Днестру большевиков, организуются большевистские банды с целью вызвать восстания»⁸.

30 января Хотинская сигуранца докладывала, что направила на Украину своих агентов для сбора сведений о боях «между поляками и большевиками», и в самом «городе Хотине и Хотинском уезде в

связи с приближением большевиков имеет место сильное возбуждение умов»⁹.

В отчете Хотинской сигуранцы от 4 февраля 1920 г. снова читаем: «Из-за враждебной по отношению к нашей армии и государству пропаганды имеет место сильное возбуждение умов...». И далее идет разъяснение: «Крупные собственники очень сожалеют о поражении Деникина, ибо надеялись, что в случае его победы и оккупации им Бессарабии возвратят имения, которые в настоящее время находятся в руках крестьян. Поскольку приближаются большевики, они боятся, ибо, если они выйдут к Днестру и им удастся перебраться в Бессарабию, ограбят их имущество... Но имеются лица, которые с нетерпением ждут прихода большевиков...»¹⁰. Характеризуя настроения масс, бессарабский субинспекторат сигуранцы в ответ на запрос Генеральной дирекции полиции и сигуранцы писал 31 января 1920 г.: «Действительно, значительная часть бессарабского населения питает чувства симпатии к большевикам и расположена помочь установлению большевистского строя, если бы имела возможность это сделать»¹¹. Для такого вывода имелись основания. Так, в донесении префектуры полиции 12 января 1920 г. генеральному субинспекторату сообщалось: «Настроение как городского, так и сельского населения в общем и целом не в пользу румынской администрации»¹². Органы сигуранцы южных уездов Бессарабии доносили, что в связи с наступлением Красной армии «большевистская пропаганда приняла большие размеры»¹³. Молодые люди, подлежащие мобилизации, «ни под каким видом не хотят идти в румынскую армию», грозятся, что, если им будет дано оружие, «они присоединятся к большевикам» и обратят это оружие «против румынских властей»¹⁴. Участники состоявшейся в Кишиневе нелегальной рабочей конференции приветствовали победоносную Красную армию и заявили, что создаваемые ими нелегальные профсоюзы приступают к работе под лозунгом «За Советскую республику»¹⁵.

С каждым днем все более тревожные сведения поступали к румынским властям о положении в стане деникинцев, властвовавших в районах левобережья Днестра, южнее Тирасполя, и в Одессе. Они терпели поражения в боях, и Красная армия стремительно двигалась к Днестру. В тылу деникинских войск местное население относилось к ним враждебно. 24 января 1920 г. сигуранца г. Бендеры докладывала своему начальству: «Население Тираспольского уезда против деникинцев». В другом донесении сообщалось, что «восстания большевистского характера» охватили «весь Тираспольский уезд и сам город в опасности»¹⁶.

В информационном бюллетене сигуранцы № 178 от 1 февраля 1920 г. рассказывается о мобилизации местного населения в деникинскую армию, о бесчинствах и расстрелах мирных жителей в селах Терновка и Парканы, о сопротивлении, оказанном крестьянами белогвардейским властям. В очередном информационном бюллетене (№ 179) сказано: «Мобилизации, объявленные в последнее время деникинцами, проводятся с большими трудностями... Жители продолжают не подчиняться призывам Деникина. Так, например, жителям села Терновка трижды были установлены сроки явки на призывные пункты, но никто не подчинился этим приказам, а в четвертый раз отряды полковника Пукалова, которые обеспечивают порядок во время мобилизации в вышеуказанном населенном пункте, силой привели всех мужчин села, подлежащих мобилизации, выстроили их в ряд и подвергли избиению каждого десятого, а 18 человек расстреляли по мотиву, что являлись пропагандистами и призывали жителей не подчиняться. А в населенном пункте Парканы в результате больших усилий мобилизовали около 250—300 человек, погрузили их в поезд, но в пути они выпрыгнули из вагонов, в результате до Одессы осталось 90 человек. На всех фронтах дезертирство среди деникинцев продолжается. В случае приближения большевиков деникинцы надеются отступить в Бессарабию». В другом донесении

читаем: «в высших кругах Одессы даже вентилируется такая идея: если Румыния окажет содействие в приостановке большевизма, сами русские окончательно откажутся от Бессарабии»¹⁷.

Западные державы старались спасти остатки Добровольческой армии и оказывали давление на Румынию. 6 января 1920 г. У. Черчилль направил в Бухарест подполковника Г. Вуда, одного из своих ближайших сотрудников, с поручением добиваться поддержки румынской армией разгромленных деникинских и других антибольшевистских войск, которые отступили к Днестру¹⁸.

22 января 1920 г. (ст. стиль) газета «Одесские новости» поместила на своих страницах призыв английской военной миссии, возглавляемой полковником Уолшем, к прекращению междоусобицы среди антибольшевистских сил с целью «объединиться на платформе борьбы против большевиков и решительно воспротивиться им». Полковник обещал, что «Великобритания будет поддерживать всех, которые готовы защищать цивилизацию и культуру от большевизма».

Но румынские власти не торопились ввязаться в конфликт с большевиками ради спасения остатков разгромленной армии А.И. Деникина. Вопрос о пропуске и предоставлении деникинцам убежища в Бессарабии и Румынии дебатировался в румынских правительственных кругах, в парламенте¹⁹. Особенно волновала судьба остатков деникинской армии многих крупных собственников Бессарабии. Известный бессарабский помещик и домовладелец П. Синадино (в Кишиневе одна из улиц в центре города носила его имя) в беседе с французским военным атташе в Бухаресте генералом А.Ф. Петеном во время банкета, устроенного в честь последнего в январе 1920 г. в Кишиневе, говорил об общности социальных интересов деникинцев и королевской Румынии. Он высказал сожаление по поводу того, что «особенно в данный момент, когда большевики вновь угрожают», в Румынии не все это понимают и не готовы оказывать белогвардейцам помощь²⁰.

У правительства Румынии были, конечно, свои проблемы. Генерал А.Ф. Петен доносил в Париж, что «среди (румынских. — И. Л.) солдат во многих районах проявились серьезные признаки недисциплинированности... Румынское правительство и командование знают это...».

19 января 1920 г. А.Ф. Петен писал военному министру Франции А. Лефевру о необходимости оказать решительное давление на Румынию, чтобы «побудить ее участвовать в восстановлении порядка в Южной России, которую румыны подчеркнуто называют Украиной...». По мнению А.Ф. Петена, «первый важный результат был бы достигнут, если бы румыны и поляки объединились бы с целью восстановления Южной России: пусть она называется Украиной или иначе, она по-прежнему остается частью России». В качестве платы за участие Румынии в этой акции А.Ф. Петен рекомендовал «гарантировать ей обладание Бессарабией». Направляя маршалу Ф. Фошу копию этого документа, А. Лефевр писал, что предложение А.Ф. Петена «заслуживает внимания»²¹.

Возможно, на позицию правителей Румынии повлияла полученная 12 января 1920 г. от сигуранцы информация о том, что генерал А.И. Деникин, обращаясь к группе бессарабских богачей из белогвардейских кругов, вручившей ему крупную сумму денег в фонд Добровольческой армии, сказал: «Дайте мне время, чтобы восстановить Россию и очистить ее от большевиков, а затем будут очищены и восстановлены все бывшие русские провинции, в том числе и Бессарабия, тем более что у меня есть согласие Франции, Англии и Америки на восстановление России такой, какой она была в 1914 г., с некоторыми оговорками относительно Польши». В Бухаресте помнили и о демаршах деникинцев на Парижской мирной конференции по вопросу о Бессарабии и в принципе решили не пропускать отступающие части белогвардейцев через Днестр.

Изредка румыны лишь соглашались пропустить через свою территорию деникинцев, искавших спасения в других странах. Так, 24 января 1920 г. 8-я румынская пехотная дивизия разрешила проезд транзитом по контролируемой ею территории эшелона деникинских войск, бежавших в Польшу. Но не больше. На запросы воинских частей и органов безопасности, расквартированных вдоль правобережья Днестра, как поступать с деникинцами и другими антибольшевистскими силами, искавшими убежище в Бессарабии, официальный Бухарест отвечал: не пускать²².

Западные союзники, наоборот, старались вывести из-под удара как можно больше деникинцев и других антисоветских сил для последующего использования их против большевиков. В рапорте от 10 февраля 1920 г. бригада сигуранцы «Сорока» сообщала: «8-го февраля переправились через Днестр и представились местному пограничному посту офицер и 6 солдат из 6-й бригады 3-го корпуса галицийской армии. Офицер представил французский документ и просил разрешить всей бригаде, преследуемой большевиками, отступить на территорию Бессарабии. Весь 3-й корпус галицийской армии желает отступить на территорию Бессарабии. Запросили Бухарест. Ответили: нет. То же относительно 1-го армейского корпуса. У них на этот счет имеется приказ от английской дипломатической миссии, которая находится в Рыбнице, об установлении связи с румынским командованием. 6-я бригада состоит из украинцев и чехословаков и желает переправиться в Вад-Рашков (бессарабское местечко. — И. Л.), всего их 2000 человек, включая больных. Румыны принимают военные меры, ломают лед на Днестре, чтобы воспрепятствовать вынужденной переправе».

Бывали случаи, когда румынские пограничники встречали переправлявшихся через Днестр деникинцев огнем. В донесении сигуранцы от 22 февраля 1920 г., направленном штабу армейской группы под командованием генерала Поповича, говорится, что «имеются ра-

ненные. Переходить (Днестр. — И. Л.) разрешено только раненым (военным и гражданским)». В другом донесении сигуранцы отмечают, что потоки беженцев, пытавшихся переправиться в Раскайцы и Пуркарь, растут, многим это удается, среди них — 51 курсант Одесского кадетского училища, их отвезли в Аккерман, куда 21 февраля явились «американский полковник и лейтенант из антуража канадского полковника Бойла (в 1918 г. Д. Бойль участвовал в урегулировании советско-румынского военного конфликта. — И. Л.), снабженные приказом Верховного румынского командования, они интересовались судьбой этих учащих и искали остальных». Спустя пять дней, 26 февраля, докладывала сигуранца г. Аккермана, в порту Бугаз пришвартовалась канонерка под английским флагом, явился русский полковник-деникинец, прикомандированный к адмиралтейству Великобритании, и английский капитан Шмидт, они просили у местного румынского военного командования сведения о беженцах, главным образом о курсантах Одесского кадетского училища. Им ответили, что эти сведения «они могут получить только у Верховного командования армии»²³.

Тем временем к Днестру и в направлении Одессы успешно продвигались 45-я (начдив — уроженец Кишинева И.Э. Якир) и 41-я (начдив А.М. Осадчий) стрелковые дивизии 14-й советской армии (командарм И.П. Уборевич). 7 февраля 1920 г. входившая в состав 45-й дивизии кавалерийская бригада под командованием бессарабца Г.И. Котовского совместно с частями 41-й дивизии изгнали деникинцев из Одессы. Продвигаясь вдоль Днестра на север, кавалерийская бригада Г.И. Котовского 12 февраля заняла г. Тирасполь. В течение 13—15 февраля части 45-й дивизии очистили от противника Дубоссары и Григориополь, а 16—18 февраля — г. Рыбницу и прилегающий район. В плену оказались тысячи солдат и офицеров Добровольческой армии А.И. Деникина, не допущенных румынским правительством в Бессарабию.

Румынские власти в Бессарабии внимательно следили за развитием ситуации на левобережье Днестра и регулярно информировали об этом вышестоящее начальство в Бухаресте. 15 февраля 1920 г. Инспекторат полиции и сигуранцы Бессарабии докладывал: «Тирасполь занят бригадой Котовского. Чтобы обеспечить спокойствие в селах и чтобы выбить из рук большевистских пропагандистов лучший их козырь для агитации, следует принять аграрный закон и его содержание срочно довести до сведения крестьян»²⁴. В донесениях отмечалось: «в связи с достигнутыми успехами моральный дух большевистской армии очень высок», «повсеместно большевистская армия хорошо встречена населением, поскольку она к нему очень хорошо относится». Начальник полиции Резины И. Предеску известив, что «в ночь с 19 на 20 февраля 1920 г. в Рыбницу прибыл кавалерийский полк», добавил: «население водрузило красные флаги»²⁵.

Конечно, имелось опасение, что окрыленные военными успехами большевистские войска, как уже бывало весной 1919 г., предпримут вылазки на правый берег Днестра, а может, и наступление на территории Бессарабии. Но этого не случилось. Наоборот, к удивлению румынских властей произошло нечто противоположное. 20 февраля полиция г. Бендеры (Тигина), сообщив, что в Тирасполе находится бригада Г.И. Котовского, далее отмечала: «Вчера три представителя большевиков явились для переговоров, предлагая возобновить торговые отношения с нами... До настоящего момента не проявляли враждебности по отношению к нам»²⁶.

За несколько дней до этого Генеральная сигуранца проинформировала министра от Бессарабии в составе румынского правительства И. Инкульда, который во время пребывания в Бухаресте проживал в гостинице «Splendid» («Великолепная»), о следующем: «Командование войск (советских. — И. Л.) в Парканах восхищено отношением румын, не разрешивших деникинцам отступить на нашу территорию, и проявляет к нам большую благожелательность. Что-

бы не спровоцировать инциденты, они сообщили, что отдали приказ солдатам не открывать огонь против румын, даже в случае, если с румынского берега будут стрелять, как бывает иногда при преследовании контрабандистов. Еще они добавили, что этот приказ получен ими от Ленина и Троцкого. Войска в Тирасполе входят в состав 14-ой большевистской армии, состоящей почти целиком из бессарабцев... Мы приняли меры для узнавания замыслов большевиков, направив много информаторов в разные части Украины».

9 февраля 1920 г. командование Юго-Западного фронта получило приказ Главнокомандующего Красной армии С.С. Каменева следующего содержания: «В видах общегосударственной политики приказываю: наступление войск Юго-Западного фронта должно продолжаться только до реки Днестр, отнюдь не переходя его ни передовыми, ни разведывательными частями, даже если бы преследуемые нашими войсками отходящие части Добровольческой армии и галичан, перейдя Днестр, отступили в Бессарабию»²⁷.

В правительственных кругах Бухареста, по-видимому, понимали, с чем связано «миролюбие» советской власти по отношению к королевской Румынии. Поражение А.В. Колчака и А.И. Деникина не сняло с повестки дня «русский вопрос», он продолжал тревожить правителей держав Запада. Особенно воинственную позицию занимала Франция, ее генералитет. В своих донесениях в Бухарест подполковник Ион Антонеску, который в конце сентября 1919 г. в составе военной делегации вел секретные переговоры в Париже, добиваясь у французского генералитета поддержки в территориальных требованиях Румынии и помощи в вооружении румынской армии, с восторгом сообщал, что генерал Франше д'Эспере очень хвалил румынскую армию за то, как «были проведены ею последние операции» (то есть интервенция в Бессарабии в 1918 г. и Венгрии весной 1919 г. — И. Л.), признал, что она своими «акциями служила общему делу», а маршал Ф. Фош с восхищением заявил, что

считает ее «жандармом Европы на Востоке»²⁸. От имени своего правительства и румынских военных кругов И. Антонеску заверил французских военных руководителей, что, если мирная конференция обратится к Румынии, правительство его страны предоставит войска «для поддержания порядка» в Венгрии. Но к этому времени коммунистическое правительство Белы Куна уже было свергнуто и, как уже отмечалось, от премьера И.И.К. Брэтиану правители держав Запада требовали отвода румынской армии из оккупированных венгерских территорий.

Несмотря на достигнутые успехи в борьбе с белогвардейскими армиями и отражение интервенции Антанты, Советы остро нуждались в мирной передышке. Правительство В.И. Ленина всячески старалось помешать созданию коалиции лимитрофных государств и организации очередного антибольшевистского похода. По радио на весь мир была оглашена резолюция VII Всероссийского съезда Советов от 5 декабря 1919 г., вменявшая в обязанность высших государственных органов страны «систематически продолжать политику мира»²⁹. Находившийся в Копенгагене член коллегии народного комиссариата иностранных дел России М.М. Литвинов разослал эту резолюцию местным представителям держав Антанты³⁰.

Правящие круги западных держав не отреагировали на «мирную оффенсиву» большевиков, как они называли советскую акцию. На состоявшемся 12 декабря 1919 г. в Лондоне заседании руководителей Антанты французский премьер Ж. Клемансо, признав, что в отношении России «до сих пор политика Антанты не имела успеха», и отказываясь от прямой интервенции в Советскую Россию войск Антанты, высказался за то, чтобы для защиты от большевистской угрозы «создать вокруг Советской России», так сказать, «проволочное заграждение»³¹. В одном из своих выступлений Ж. Клемансо прямо заявил: «Союзникам не только не следует заключать мир с

Россией, но они не должны даже вступать с ней в какие-либо взаимоотношения»³².

В середине января 1920 г. на заседаниях Верховного Совета Антанты (в ряде документов и в литературе он именуется также Советом премьер-министров Антанты), на которых присутствовали Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, Ф. Нитти, маршалы Ф. Фош, Г. Вильсон, адмирал Д. Битти, вновь обсуждалась политика относительно Советской России. Хотя 16 января и было принято решение о снятии с нее экономической блокады, большое внимание уделялось военным вопросам, в частности дискутировался вопрос о возможных союзниках Польши, которая, вынашивая планы присоединения «восточных земель» вплоть до Днепра и Западной Двины, почти год уже вела необъявленную войну против большевиков на территории Украины и Белоруссии. От имени военных экспертов французский маршал Ф. Фош предложил, чтобы между Польшей, Румынией и прибалтийскими государствами был заключен военный союз, а их вооруженные силы перешли под контроль Антанты, которая вооружит и технически оснастит армии лимитрофов. Совет Антанты одобрил предложения военных экспертов³³.

В правящих кругах лимитрофных государств не было единодушия в отношении планов западных держав. В некоторых из них под впечатлением успехов Красной армии и в силу сложности внутриполитического положения усиливались тенденции к нормализации отношений с советским государством. 2 февраля 1920 г. был подписан мирный договор между Советской Россией и Эстонией, велись переговоры с Латвией, Литвой, Финляндией. 22 декабря 1919 г. и повторно 28 января 1920 г. Совет Народных Комиссаров России предложил Польше начать мирные переговоры. Одновременно, чтобы воспрепятствовать созданию антисоветской коалиции лимитрофных государств, были предприняты шаги по нормализации отношений с Румынией.

В ноябре 1919 г., после многочисленных переносов, в Румынии состоялись парламентские выборы, на которых ни одна из партий не получила необходимого большинства для образования однопартийного правительства. Несмотря на поддержку короля, национал-либеральная партия семейства Брэтиану получила в палате депутатов всего 103 мандата из 568, национальная партия — 199, царанисты (крестьянская) и близкие к ним группы — 130, национал-демократы — 27, прогрессивные консерваторы — 16. Поскольку лидер национальной партии трансильванец Ю. Маниу отказался возглавить новое правительство, в начале декабря 1919 г. его сформировал другой лидер этой партии А. Вайда-Воевод (в 30-е гг. он стал «крестным отцом» фашистской «Железной гвардии»). В новое коалиционное правительство «парламентского блока» вошли представители различных партий: национальной, царанистской, национал-демократической и др.

В программном заявлении А. Вайда-Воевод объявил, что он «решил взять на себя обязанность подписать спорные договоры» во имя того, «чтобы спасти страну от страшных последствий разрыва с союзниками». Румынский дипломат В.В. Тиля, касаясь внешнеполитических планов нового правительства, писал, что А. Вайда «намеревался начать под эгидой великих держав переговоры с Чехословакией и Югославией, чтобы установить более благоприятную для нас границу с ними в Марамуреше и Банате», а «главнейшей задачей его политики» было добиться от великих держав признания за Румынией Бессарабии³⁴. В обход парламента 9 декабря 1919 г. генерал Н. Коанда от имени правительства А. Вайды подписал Сен-Жерменский мирный договор с Австрией, идя на уступки в вопросе о правах национальных меньшинств и обещая вывести свои войска из венгерских территорий. Но с выводом войск из Венгрии правительство А. Вайды не спешило, стремясь обусловить это согласием союзников на признание присоединения Бессарабии к Румынии.

29 декабря румынский парламент с большой помпой утвердил законы о присоединении к Румынии Бессарабии и Буковины.

В январе 1920 г. А. Вайда-Воевод совершил поездку в Париж, главной целью которой было получить до закрытия мирной конференции признание союзниками по войне присоединения Бессарабии к Румынии. Ж. Клемансо обещал ему поддержать требование Румынии в вопросе о Бессарабии на заседании Верховного Совета Антанты. А. Вайда настаивал на срочном признании, мотивируя просьбу быстрым продвижением Красной армии к Днестру. Верховный Совет Антанты на заседании 20 января 1920 г. заявил о готовности признать за Румынией Бессарабию, но решительно потребовал предварительного вывода румынских войск из венгерских территорий. Согласно американской записи заседания произошел такой разговор:

«Вайда-Воевод: Я благодарю Вас от всего сердца. Я заключаю, что конференция хочет признать наши притязания на Бессарабию с того дня, когда будет осуществлена эвакуация [румынских войск с венгерской территории]. Могу ли я так понимать?»

Клемансо: Да. Я охотно готов пойти дальше, чем Ллойд Джордж: от моего имени и, я надеюсь, от имени Франции я могу заявить, что мы готовы признать румынские права на Бессарабию.

Ллойд Джордж: Как указал г. Бертело (генеральный секретарь МИД Франции. — И. Л.), комиссия по румынским делам, в которой представлены все державы, единогласно решила передать Бессарабию Румынии. Таково положение сегодня.

Клемансо: Мы все искренни в этом вопросе.

Вайда-Воевод: Я благодарю Вас за большую уступку, которую Вы сделали мне: я сделаю все для того, чтобы как можно скорее обеспечить эвакуацию с венгерской территории, а следовательно, решение вопроса о Бессарабии»³⁵.

Из Парижа румынский премьер направился в Лондон, где состоялись его встречи и беседы с Д. Ллойд Джорджем и другими

представителями правящих кругов Великобритании. Многие ведущие органы печати расточали комплименты в адрес А. Вайды. В своих дневниковых записях председатель палаты депутатов румынского парламента, известный историк Н. Йорга отмечал: «Вайда пишет мне из Лондона, что его хорошо приняли»³⁶. Отмечая, что среди западных соседей Советского государства Румыния занимает второе место после Польши «с точки зрения численности населения, географической и стратегической роли», в силу чего представляет «особую важность для будущего новой Европы», газета Д. Ллойд Джорджа «Daily cronicle» поместила статью: «Мы должны заботиться о сильной Польше и сильной Румынии»³⁷. И У. Черчилль, и Д. Ллойд Джордж обещали румынскому премьеру военную и финансовую помощь. Чтобы добиться признания руководителями Антанты акта вхождения Бессарабии в состав Румынии, А. Вайда в интервью прессе заверил, что принимаются решительные «меры против большевизма» внутри страны и что Румыния готова выполнить «европейскую миссию» защиты остальной Европы от «новых бедствий»³⁸.

В рамках Антанты «мирная оффенсива» Советов была по-разному воспринята. Пришедший на смену Ж. Клемансо новый премьер-министр А. Мильеран в основном продолжал жесткий антисоветский курс своего предшественника, особенно воинственно был настроен французский генералитет. У коалиционного правительства Великобритании проявлялись различные подходы в «русском вопросе». В то время как консерваторы, в первую очередь военный министр У. Черчилль, так же, как и Ж. Клемансо, ратовали за продолжение вооруженной борьбы против Советов, позиция Д. Ллойд Джорджа была неоднозначной. Обещая финансовую и военную помощь Польше и Румынии на случай их войны с большевиками, он в то же время все меньше верил в успех попыток свергнуть советскую власть силой оружия. Поэтому он склонялся на сторону тех английских деловых кругов, которым было выгодно восстановление торговых отношений

с Россией, полагая к тому же, что экономическое сотрудничество приведет к «мирному подрыву» устоев большевистской диктатуры. Именно по инициативе Д. Ллойд Джорджа Совет Антанты в январе принял упомянутое решение о снятии экономической блокады России. Еще во время встреч 20 и 30 января английский премьер дал понять А. Вайде-Воеводу, что он был бы не против установления советско-румынских контактов³⁹. Стремясь в то же время не допустить усиления французского влияния в Румынии и склонить ее следовать в фарватере английской политики, на завтраке, данном в честь румынского премьера, Д. Ллойд Джордж сказал: «Я считаю, что в будущем мы сможем надеяться на более тесные связи, которые намного облегчат нашу задачу, касающуюся Венгрии и России»⁴⁰.

Премьер-министр Италии Ф.С. Нитти, который сам в поисках выхода из тяжелейшего экономического положения своей страны вступил на путь контактов с советским правительством, не желая быть «белой вороной» среди союзников, по словам румынского дипломата В.В. Тили, дважды советовал А. Вайде последовать его примеру⁴¹.

Финансово-экономическое положение самой Румынии, усугубленное войной и австро-германской оккупацией большей части страны, продолжало ухудшаться в связи с падением курса лея на мировом рынке, в том числе в результате раздутой некоторыми зарубежными средствами массовой информации «угрозы» захвата Румынии войсками Красной армии, достигшей реки Днестр. Особенно усердствовала в этом польская пресса. Одна из газет опубликовала сообщение о том, что «большевики концентрируют большие силы в районе Могилева», «готовят большое наступление на Румынию», что Красная армия переправилась через Днестр⁴². Поскольку подобные сообщения отрицательно сказывались на финансово-экономическом положении страны, румынское правительство дало указание своим дипломатам в ряде стран сделать успокоительные заяв-

ления. Так, румынский посланник в Австрии Исопеску в интервью венской газете «Neue Freie Presse» сказал, что слухи «о большой опасности, грозящей Румынии, сильно преувеличены»⁴³. С опровержением сообщений о том, что Красная армия перешла Днестр и военные действия развернулись на территории Бессарабии, выступили румынское посольство в Варшаве и руководитель румынской военной миссии во Львове, занятом поляками. Посольство Румынии сочло нужным заявить, что румынский военный контингент на линии фронта (то есть на Днестре. — И. Л.) вполне достаточный, в связи с чем правительство Румынии объявило демобилизацию, желая вернуть страну «к нормальной хозяйственной жизни», а на «приобретенных» территориях якобы упразднена цензура и снято осадное положение⁴⁴. Все это должно было убедить кредиторов на Западе в прочности положения Румынии.

Чтобы удержать Румынию от союза с Польшей и участия в замышлявшейся очередной интервенции, а заодно опровергнуть сообщения о готовности России напасть на Польшу и Румынию, 18 февраля 1920 г. В.И. Ленин сказал берлинскому корреспонденту американского агентства «Universal service»: «Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК (Совета Народных Комиссаров. — И. Л.), и от имени ВЦИКа (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. — И. Л.) заявили о наших мирных намерениях. К сожалению, французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас (вероятно, и Румынию). Об этом говорит даже ряд американских радио из Лиона»⁴⁵.

24 февраля 1920 г. нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин от имени правительства РСФСР обратился по радио к правительству Румынии с предложением начать мирные переговоры. «Успешные военные действия армии обеих Советских Республик, Российской и Украинской, — отмечал Г.В. Чичерин, — создали не-

отложную необходимость для России и Румынии вступить в переговоры, чтобы урегулировать... отношения между двумя народами». В ноте было выражено убеждение, что «все спорные вопросы между обеими странами могут быть решены путем мирных переговоров, и все территориальные вопросы могут быть решены полюбовно». Через день аналогичное предложение Румынии было сделано правительством Украинской ССР. В ноте упоминалось о переговорах между советскими властями и румынским правительством в феврале 1918 г.⁴⁶, в результате которых 5—9 марта 1918 г. было подписано известное советско-румынское Соглашение, предусматривавшее среди прочего вывод в двухмесячный срок румынских войск из Бессарабии, что, как известно, сделано не было.

По настоянию Foreign office английский радиотелеграф задержал на несколько дней передачу советской ноты находящемуся в Лондоне румынскому премьеру. По-видимому, англичане, добиваясь ускорения вывода румынских войск из Венгрии в качестве условия для принятия письменного решения по вопросу о Бессарабии, полагали, что нота Г.В. Чичерина может укрепить позиции А. Вайды в торге о сроках вывода румынских войск из Венгрии. На заседании Совета Антанты 26 февраля 1920 г. А. Вайде было отказано в немедленном принятии письменного решения относительно признания Бессарабии за Румынией. «Пока румынские войска оставались в Венгрии, — говорил министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон, — Совет не желал признать права Румынии на Бессарабию»⁴⁷.

Тем временем в дни пребывания А. Вайды в Лондоне в целях зондирования позиции Советской России в вопросе о Бессарабии румынский дипломат Д.Н. Чиоторь имел неофициальные встречи в Копенгагене с советским дипломатом М.М. Литвиновым и в самом Лондоне — с Л.Б. Красиным и Н.К. Клышко.

Ссылаясь на письмо А. Вайды, полученное из Лондона, Н. Йорга отметил в своем дневнике: «Он направляет в Копенгаген Чиоторь

формально по поводу наших военнопленных в России, на деле, — чтобы начать переговоры с большевиками. Советует мне подключить и Лупу (член правительства А. Вайды от крестьянской партии, который среди румынских политиков считался «левым». — И. Л.) по его линии, не создавая, однако, впечатления, что нам это необходимо»⁴⁸.

Сотрудник Лондонской школы экономики и политических наук Д.Б. Лунгу в статье «Советско-румынские отношения и бессарабский вопрос в начале 20-х гг. прошлого века» со ссылкой на архив румынского МИД писал: «...несмотря на отрицательное отношение Франции, в конце февраля в Копенгагене все же состоялись предварительные переговоры между Литвиновым и одним из членов румынской дипломатической миссии в Лондоне. Румыны объявили о своем желании восстановить дипломатические отношения только в том случае, если Советская Россия предварительно публично объявит о своем решении отказаться от претензий на Бессарабию и возвратит румынские материальные ценности. Советское правительство отказалось выполнить эти требования из соображений престижа, но через Литвинова пообещало, что «в рамках советско-румынской конференции и в соответствии с принципом самоопределения признание союза Бессарабии с Румынией возможно» (кавычки Д.Б. Лунгу. — И. Л.). «Таким путем, — продолжает Д.Б. Лунгу, — Советская Россия стремилась втянуть Румынию в переговоры, которые бы предотвратили или по крайней мере отдалили то, что Москва рассматривала как опасность польско-румынского сговора». Д.Б. Лунгу подчеркнул, что донесение Д. Чиоторя не датировано. Относительно «самоопределения» и признания «союза Бессарабии с Румынией» Д.Б. Лунгу писал, что Советская Россия осудила акт 27 марта 1918 г. (решение Сфатул Цэрий. — И. Л.) и «категорически отказалась признать его правомерность... никогда не отклонялась от первоначальной позиции в отношении территориального спора с Румынией...»⁴⁹.

Румынский историк В.Ф. Добринеску в книге «Румыно-английские отношения (1914–1933)», изданной в 1986 г., то есть в годы правления Н. Чаушеску, также со ссылкой на архив румынского МИД, писал о советско-румынских контактах в феврале 1920 г. следующее: «Дискуссии Д.Н. Чиоторь с М.М. Литвиновым имели место между 9 и 14 февраля в Копенгагене. Румынский дипломат имел затем контакты в Лондоне с Красиным и Клышко, дискуссии носили сугубо частный характер, так как, утверждал он, “я не получил никаких инструкций”. Д.Н. Чиоторь подчеркнул, что Румыния заняла “строго нейтральную” позицию и что “наша страна” не считает себя вправе навязывать русскому народу иную форму правления и в свою очередь реагировала бы самым решительным образом, — с какой бы стороны ни было — на вмешательство в ее внутренние дела». Советские представители оценили, что наша страна сохранила «по отношению к Москве корректную позицию» и что их правительство *будет признавать завершение национального единения Румынии* (курсив и все кавычки в цитате из книги В.Ф. Добринеску. — И. Л.), другие подчиненные вопросы между двумя странами будут в дальнейшем обсуждены с Литвиновым»⁵⁰. Как принято было в те годы в Румынии, В.Ф. Добринеску не употребляет слово «Бессарабия», а понятие «завершение национального единения Румынии» каждый волен был трактовать по-своему, но очевидно, что имелась в виду и Бессарабия.

В книге «Дипломатическая борьба за Бессарабию», изданной в Яссах в 1991 г., после фактического распада СССР, В.Ф. Добринеску эпизод переговоров Д.Н. Чиоторь с М.М. Литвиновым преподносит несколько иначе. Согласно инструкции А. Вайды, переданной Д.Н. Чиоторь через румынского посланника в Копенгагене Т. Гречану, «мир (с Советской Россией. — И. Л.) должен означать взаимное признание существующей ситуации... По случаю этих секретных бесед М. Литвинов заявил, что Советский Союз

(очевидно, Советская Россия, ибо Советский Союз образовался в 1922 г. — И. Л.) признал бы присоединение Бессарабии к Румынии на будущей конференции и дал понять, что проблема сокровищ также была бы решена в пользу Румынии»⁵¹.

Вопрос о переговорах М.М. Литвинова и Д.Н. Чиоторь в Копенгагене затрагивался в книге бывшего румынского дипломата Ф.К. Нану «Внешняя политика Румынии 1918—1933». Микрофильм рукописи этой незавершенной работы автора был обнаружен в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне (самого автора уже не было в живых). Издана она в 1993 г. в Яссах под редакцией В.Ф. Добринеску и И. Пэтроу. В ней сказано: «Русский (то есть М.М. Литвинов. — И. Л.) был, казалось, нетерпелив достигнуть соглашения — он честно признал боязнь, как бы Румыния не возглавила коалицию западных антирусских армий и высказал свое личное согласие относительно права бессарабцев на самоопределение и обязанность советов вернуть сокровища (tezaurul) Национальному банку Румынии». Ссылка делается на... книгу В.Ф. Добринеску «Дипломатическая борьба за Бессарабию» (с. 84), изданную там же, в Яссах, в 1991 г.⁵²

А. Вайда-Воевод впоследствии утверждал с трибуны румынского парламента, будто в результате «неофициальных переговоров территориальный вопрос больше не дискутировался», ибо, как заявил он, «было признано, что Бессарабия принадлежит нам...»⁵³.

Ситуация, сложившаяся в результате побед Красной армии в конце 1919 — начале 1920 г., породила среди руководителей Антанты разногласия относительно дальнейшей политики в «русском вопросе», неуверенность в способности румынской армии одержать победу в войне с большевистскими вооруженными силами. Это обстоятельство ставило А. Вайду-Воевода в затруднительное положение. Он понимал необходимость переговоров с советскими властями, чтобы таким путем не только предотвратить возможное наступление

Красной армии на Бессарабию, но и попытаться воспользоваться стремлением большевистской России не допустить сколачивания коалиции лимитрофных государств для очередной антисоветской интервенции и добиться от нее признания присоединения Бессарабии к Румынии. При этом правителям Румынии следовало придерживаться политической линии Антанты в «русском вопросе». Когда в середине февраля 1920 г. стали распространяться слухи об установлении контактов между советскими и румынскими дипломатами, румынское бюро печати поторопилось заверить Запад, что в вопросе о переговорах с Россией «Румыния следует политике союзников»⁵⁴.

Однако у союзников, как уже отмечалось, в вопросе о политике в отношении «советской мирной инициативы» не было единой точки зрения. Это еще раз проявилось в Верховном Совете Антанты 1 марта 1920 г. при обсуждении «вопроса относительно мира между Россией и ее западными соседями: Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Румынией». На этом заседании французский представитель Ж. Камбон заявил, что согласно «инструкции Мильерана он должен воздержаться от обсуждения любых вопросов, касающихся мира с Россией»⁵⁵.

О ноте Г.В. Чичерина от 24 февраля А. Вайда-Воевод узнал из газет, а 1 марта получил письмо от замещавшего его в Бухаресте Шт. Чичио-Поп. В письме его уведомляли об официальном советском мирном предложении. Кроме того, ему сообщали, что вопрос уже обсуждался на заседании Совета министров и начальник штаба генерал К. Презан признал, что армия не в состоянии вести успешные боевые действия против большевистских войск. «Генерал, — отмечал в своем дневнике присутствовавший на заседании правительства Н. Йорга, — высказался за мир, ибо с таким моральным состоянием армии и населения... невозможно долго выстоять». Выразив убеждение, что у Красной армии нет намерения открыть военные действия против румынских войск, К. Презан вместе с тем

заявил, что, если Советская Россия потребует Бессарабию, румынская армия «будет сражаться, сколько сможет»⁵⁶. За нормализацию отношений с Россией высказались председатель Сената П. Бужор и лидер трансильванцев Ю. Маниу⁵⁷.

На вышеупомянутом заседании румынского правительства «большинство министров, — сообщала местная пресса, — было за то, чтобы запросить телеграфно мнение Вайды-Воевода... полагая, что его мнение будет по крайней мере согласовано со взглядами великих держав». Газета «Известия» воспроизвела это сообщение под заголовком «Подробность обсуждения мирного предложения Советской России».

Англичане только 3 марта вручили румынскому премьеру радиотелеграмму с текстом советской ноты от 24 февраля. А. Вайда тотчас попросил срочной аудиенции у Д. Ллойд Джорджа, во время которой, по словам последнего, румынский премьер заявил, что «признание конференцией прав Румынии на Бессарабию очень помогло бы ему в переговорах с Россией»⁵⁸.

На ходатайство румынского премьера Д. Ллойд Джордж отреагировал оперативно. В тот же день, 3 марта 1920 г., Совет Антанты принял декларацию, санкционирующую присоединение Бессарабии к Румынии. В американских дипломатических документах она еще фигурирует под названием «Проект договора о Бессарабии». В начале этого документа излагаются причины, с точки зрения Совета, оттягивания решения по бессарабскому вопросу: он, во-первых, являлся «частью общей проблемы, связанной с Румынией»; во-вторых, несговорчивость прежнего правительства, возглавляемого И.И.К. Брэтиану, препятствовавшего урегулированию вопроса; и, наконец, наличие надежды на то, что бессарабский вопрос разрешится заключением соглашения между Румынией и Россией.

Далее в декларации сказано, что «у главных союзных государств нет оснований для откладывания заключения этого согла-

шения», поскольку «румынское правительство продемонстрировало желание в интересах Румынии и Европы решать в целом нерешенные вопросы» и дало обещание, в частности, выполнить требование Совета Антанты и в кратчайший срок вывести румынские войска из Венгрии.

При вынесении решения по бессарабскому вопросу, сказано в документе, Совет «принял во внимание стремление населения Бессарабии и молдавский национальный характер этого региона, как с географической и этнографической точки зрения, так и исторической и экономической». В декларации выражается надежда, что «присоединение явится гарантией общих и частных интересов Бессарабии», а также «прав меньшинств, населяющих Бессарабию, на тех же условиях, что и в других регионах румынского королевства».

Понимая, что при отсутствии подписи России на документе Декларация встретит возражения США, а Россия вообще откажется признавать ее правовую силу, подписавшие сделали оговорку, что «главные союзные государства заручаются правом отнести любые могущие возникнуть трудности по бессарабскому вопросу ... к арбитражу Лиги Наций».

В тот же день, 3 марта, за подписью председателя заседания Совета Антанты Д. Ллойд Джорджа румынскому премьеру А. Вайде было передано письмо с уведомлением о решении Совета. В письме подчеркивалось, что признание Бессарабии за Румынией «не может быть оформлено в законной форме договора... до полного вывода румынских войск с территории Венгрии».

В письме Д. Ллойд Джорджа дан ответ на поднятый А. Вайдой вопрос об отношении Совета Антанты к завязавшимся румыно-советским мирным контактам. «...Верховный Совет, — сказано в письме, — пришел к единому мнению, что его члены не могут взять на себя ответственность давать рекомендации Румынии продолжать войну, продолжение которой может навредить ее интере-

сам. Еще в меньшей мере они могут нацеливать Румынию на избрание агрессивной политики в отношении России. В то же время, если советская Россия нападет на Румынию в рамках ее законных границ, союзники готовы оказать ей любую возможную поддержку. Страны — члены Конференции считают, что признание ими в настоящий момент присоединения Бессарабии к Румынии должно устранить главное препятствие для любых подобных переговоров между правительствами России и Румынии в той форме, в которой правительство Румынии сочтет целесообразным».

Заручившись поддержкой Антанты в бессарабском вопросе, А. Вайда-Воевод из Лондона направил Г.В. Чичерину ответную ноту. «В качестве председателя Совета министров и министра иностранных дел Румынии, — говорилось в ней, — я принимаю формальное предложение начать мирные переговоры... Что касается места встречи наших представителей, то я позволю себе сделать Вам это предложение как только получу ответ из Бухареста»⁶⁰.

В Москве начали серьезно готовиться к предстоящим официальным переговорам с Румынией. 8 марта Политбюро ЦК РКП(б) при участии В.И. Ленина обсудило вопрос о составе советской делегации на намечавшихся переговорах. В тот же день Г.В. Чичерин сообщил А. Вайде советское предложение о проведении переговоров в Харькове и необходимости участия в них Украинской Советской Республики, и одновременно, согласовав с В.И. Лениным текст телеграммы, направленной в Копенгаген М.М. Литвинову, информировал последнего о ходе подготовки советско-румынских переговоров с Румынией⁶¹.

В ответной ноте на имя Г.В. Чичерина румынский премьер выдвинул в качестве места переговоров Варшаву. 17 марта 1920 г. в ноте, отправленной по радио, правительство РСФСР отклонило Варшаву как место проведения советско-румынских переговоров, мотивируя тем, что Варшава является столицей государства, которое

в то время вело военные действия против советских республик, а также в связи с тем, что «одновременное ведение переговоров в этом городе с разными государствами создало бы возможность влияния одних переговоров на другие, что серьезно помешало бы полной свободе, необходимой для согласия между Россией и Румынией»⁶².

Проблема установления мира с Советской Россией занимала одно из центральных мест в общественно-политической жизни Румынии. Различные слои румынского общества по-разному отнеслись к вопросу об урегулировании румыно-советских отношений. Народные массы Румынии, изрядно уставшие от войны с ее огромными людскими и материальными потерями, бесчисленными мобилизациями, реквизициями, повинностями, искренне жаждали мира. Антивоенные призывы все больше находили отклик в народе. Когда распространились слухи о румыно-советских контактах, коммунистические группы и левые социалисты Румынии активизировали агитацию за мир с Россией. По их инициативе Генеральный Совет Социалистической партии и Генеральная комиссия профсоюзов Румынии выступили 16 февраля со специальным воззванием «За мир». В нем содержался призыв ко всем трудящимся организовать массовые выступления против военных приготовлений, за мир с Советской Россией⁶³.

29 февраля 1920 г., то есть когда уже было известно об официальном предложении Г.В. Чичерина румынскому правительству, в Бухаресте после митинга в зале «Dacia» состоялась многотысячная уличная демонстрация, проходившая под лозунгом «Хотим мира с Советской Россией». Аналогичные выступления имели место в городах Турну-Северин, Ботошань, Крайова, Бузэу, Яссы, Галац и др. На этих собраниях и митингах звучали требования: «Хотим мира! Хотим всеобщей амнистии, хотим демобилизации!». По поводу ноты Г.В. Чичерина от 24 февраля 1920 г. с предложением о переговорах для урегулирования отношений между двумя странами газета «Socialismul» 1 марта 1920 г. писала: «Перед лицом коренных интересов Румынии

и румынского народа, которые требуют, чтобы нынешняя ситуация была изменена, чтобы была осуществлена демобилизация, отменено военное положение, румынское правительство должно принять предложение о мире, начать переговоры, которые приведут к миру». С этим движением не могли не считаться правящие круги Румынии.

Среди последних проявились два подхода к взаимоотношениям с Советами. Часть политиков была не прочь признать советское государство и нормализовать с ним отношения. Об одном из главных мотивов, обусловивших такую позицию, писала, в частности, газета «Ероса» 2 февраля 1920 г.: «Чрезвычайно важный вывод, к которому мы приходим в начале этого года, заключается в необходимости признать, что правительство Ленина — единственное воплощение русской силы, что именно это правительство обладает огромной армией... которая в прошедших боях приобрела и опыт, и уверенность в себе. Этот факт, каким бы он ни был печальным, встал перед нами как политическая реальность, через которую нельзя перешагнуть». Однако А. Вайда и другие сторонники этой линии считали необходимым заручиться согласием западных держав на предполагаемую нормализацию. В отличие от них председатель палаты депутатов Н. Йорга считал возможным предпринять самостоятельные шаги в этом направлении.

В Москве внимательно следили за борьбой внутри румынской правящей верхушки относительно внешнеполитического курса страны, в центральной советской печати («Правде», «Известиях» и др.) воспроизводились выступления и высказывания румынских политиков по этому вопросу, приведенные в бухарестской прессе. На заседании правительства при обсуждении ноты Г.В. Чичерина от 24 февраля 1920 г. Н. Йорга говорил: «Если миролюбивыми действиями Румыния сможет обеспечить свои национальные и экономические права перед Россией (он, конечно, имел в виду Бессарабию. — И. Л.), то пусть правительство примет предложения

советского правительства». Он также «заявил себя решительным сторонником независимой от союзных держав политики по отношению к России»⁶⁴. Точку зрения Н. Йорги, изложенную на страницах его печатного органа «*Neamul românesc*» (статья «Европа и большевистская Россия»), французский официоз газета «*Le Temps*» воспроизвела без энтузиазма⁶⁵.

А. Вайда, Н. Йорга и разделяющие их точку зрения румынские политики надеялись, что можно будет воспользоваться заинтересованностью советского правительства в мире, чтобы добиться от него согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и выполнения ряда других требований в качестве условий мирного урегулирования. Именно это имел в виду А. Вайда-Воевод в ответной ноте от 3 марта 1920 г., заявляя, что «Румыния завершила свое национальное объединение» и «придерживалась и придерживается принципа воздержания от вмешательства во внутренние дела соседней страны»⁶⁶.

Одновременно в правящих кругах Румынии существовали могущественные силы, которые в надежде на скорое падение власти большевиков отказывались от каких бы то ни было контактов с правительством В.И. Ленина. Их представлял, в первую очередь, королевский двор. Не случайно А. Вайда-Воевод не поставил в известность короля о своем намерении начать переговоры с Советской Россией. Н. Йорга отметил в своих дневниковых записях, что король Фердинанд жаловался на то, что А. Вайда, «не посоветовавшись с ним», связался с Г.В. Чичериным⁶⁷. Точку зрения короля разделял влиятельный клан семейства Брэтиану и его Национал-либеральная партия. Впоследствии орган консерваторов газета «*Progresul*» напомнил: «Акция Вайды была парализована в Париже, а внутри страны — партией либералов»⁶⁸.

В самом правительстве Румынии проявились противоречия в вопросах о предстоящих переговорах с Советами. Хотя А. Вайда-Воевод впоследствии уверял в парламенте, что «он имел полномочия

правительства для полной свободы действий в мирных переговорах с Россией»⁶⁹, тем не менее даже при определении состава официальной румынской делегации на переговорах обнаружились различные подходы. В то время как А. Вайда в телеграмме из Лондона 3 марта 1920 г. предлагал включить в состав делегации двоих членов кабинета — Н. Лунгу и И. Инкульца — и двоих профессиональных дипломатов — Д.Н. Чиоторь и Н. Мишу (последнего в качестве главы делегации), румынское правительство без согласования с ним направило в Варшаву, где, как оно полагало, будут проводиться переговоры с Россией, в качестве делегатов депутатов румынского парламента⁷⁰. В. Тиля писал по этому поводу: «То обстоятельство, что делегатами были назначены непредставительные фигуры (*delegați fără greutate*. — И. Л.), свидетельствовало о том, что Бухарест неодобрительно относился к заключению мира с Россией»⁷¹.

Сказывался, конечно, все нарастающий по всем каналам нажим Франции, выступавшей против каких-либо мирных переговоров румынского правительства с Советами. Французский посланник в Бухаресте Габон был «против правительства» (Вайды. — И. Л.), отметил в своих дневниковых записях Н. Йорга⁷². 5 марта 1920 г. французский официоз газета «*Le Temps*» в передовой статье, посвященной ситуации, созданной согласием А. Вайды на проведение румыно-советских мирных переговоров, высказал сомнение относительно права румынского премьера принимать подобные решения. «Это, — утверждает в статье, — заставляет короля Румынии и парламент принять абсолютно самостоятельное решение». Напомнив, что Румыния находится «на юге польского фронта», французский официоз недвусмысленно писал: «Польша и Румыния, если они считают возможным вести переговоры о мире с Россией, должны иметь общую программу...»⁷³.

Задачей французской дипломатии являлось формирование анти-советского фронта. Вслед за официозом с аналогичными заявления-

ми выступили другие органы «большой» французской прессы. Так, «Le Parisienne» с уверенностью писала: «Румыния не будет вести самостоятельные переговоры с правительством Советов, а согласует свои действия с Польшей и балтийскими государствами». А спустя несколько дней «Le Temps» уже как о вопросе решенном утверждала: «Безусловно, Румыния не хочет ни мира любой ценой, ни сепаратного мира. Она намерена вести переговоры вместе с Польшей и прибалтийскими странами, и только в том случае, если она получит серьезные гарантии...»⁷⁵.

А. Вайда в принципе не был против того, чтобы вести переговоры с советским правительством в тесном контакте с Польшей. Еще в начале своей деятельности в качестве премьера он подчеркнул в парламенте «важность общности интересов Польши и Румынии»⁷⁶. В порядке подготовки к переговорам и в целях выработки общей линии с Польшей А. Вайда имел 8 марта 1920 г. в Лондоне длительную беседу с польским посланником в Великобритании Е. Сапегой. Докладывая в Варшаву об этой беседе, Е. Сапега сообщил: «Г-н Вайда-Воевод заявил, что ему до сих пор ничего не известно о том, были ли предприняты какие-либо совместные действия по вопросу о мире с большевиками... г. Вайда-Воевод считает необходимым в ближайшее время согласование действий. В этих целях Вайда выдвинул идею предложить в качестве места возможных советско-румынских переговоров Варшаву. Но, как отмечалось, Москва, понимая, почему избрана Вайдой для переговоров Варшава, отклонила его предложение. По словам Сапегы, «г-н Вайда-Воевод говорил о наших восточных границах и подчеркивал значение, какое будет иметь для Польши и Румынии создание независимой Украины под протекторатом Польши... В своем проекте расчленения России г. Вайда-Воевод идет дальше правительства Польши, так как считает Украиной не только правый берег Днепра, но и весь юг России»⁷⁷.

О великодержавных планах Польши, возглавляемой Ю. Пилсудским, было хорошо известно. Одержав относительно легкие победы на Украине и в Белоруссии в 1919 г., польское руководство и после военных неудач в конце 1919 — начале 1920 г. не отказалось от планов воссоздания «Великой Польши» в границах 1772 г. Амбиции польских руководителей проявлялись также в стремлении возглавить антисоветский фронт лимитрофов. Однако проведенная в январе 1920 г. в Гельсингфорсе конференция лимитрофов с целью их сплочения на антибольшевистской платформе закончилась безрезультатно из-за выявившихся серьезных разногласий среди участников.

В марте 1920 г. в Варшаве была предпринята попытка созвать новую конференцию лимитрофов для согласования их совместной линии по отношению к Советской России. И это стремление польского руководства находило поддержку в правительственных кругах Франции. С иных позиций его поощряли и некоторые английские политики. Польский посланник в Лондоне Е. Сапега, докладывая в Варшаву об отношении Антанты к польско-советским мирным переговорам, сообщал, что один высокопоставленный английский чиновник заявил ему: «Если Польша сумеет взять на себя руководящую роль в заключении мира между большевиками и всеми государствами, граничащими с Россией, не исключая Румынию, то позиция Польши в международной политике приобретет первостепенное значение, и заключенный таким образом мир получит одобрение союзников *post factum*»⁷⁸.

И все же внешнеполитический курс А. Вайды-Воевода, встречавший сопротивление части политической верхушки страны, включая короля Фердинанда и клан Брэтиану, не находивший достаточной поддержки в самом правительстве «парламентского блока» и вызывавший раздражение во Франции, во многом определил судьбу его кабинета. К этому времени со всей силой проявились противоречия в правительстве, а также между некоторыми его членами

и королем по вопросам внутренней политики. Министр обороны генерал И. Рэшкану жаловался Фердинанду, что «в правительстве нет единства». Резким нападкам со стороны коллег по «блоку» подвергся министр внутренних дел Н. Лупу, которому инкриминировали нерешительность в деле подавления растущего революционного движения в стране. Король отказался подписывать законопроекты царанистов. 13 марта последние вышли из правительства «парламентского блока». Шт. Попа, не дожидаясь возвращения А. Вайды из-за границы, представил королю заявление об отставке кабинета⁷⁹.

Новое правительство Румынии возглавил генерал А. Авереску. Оно прервало начавшийся советско-румынский диалог. Делегаты, посланные в Варшаву правительством Вайды для переговоров с представителями большевистской России, были отозваны⁸⁰. Впоследствии новое правительство Румынии заявило, что оно ответило на советскую ноту от 17 марта 1920 г. «Странным образом, — докладывал НКВД РСФСР VIII съезду Советов, — до нас не дошел радиотелеграфный ответ Румынии»⁸¹.

Касаясь советско-румынских отношений, премьер А. Авереску в интервью газете «Le Temps» заявил: «Прежде чем приступить к переговорам с Россией, было бы весьма благоразумно, чтобы лимитрофные государства договорились бы между собой и приняли общую линию»⁸². Развивая эту мысль, новый премьер говорил, что в данном вопросе у него единая линия с союзниками: «Нужно будет договориться с Польшей, узнать ее намерения и убедиться в том, что мы идем в ногу с Антантой, от которой ждем наставления»⁸³.

В Бухаресте прекрасно знали, что в Польше идет активная подготовка к военной интервенции против России. Еще при правительстве А. Вайды имели место переговоры по поводу использования румынской территории в качестве первоначальной базы для снабжения польской армии военными материалами. 11 марта 1920 г.

руководитель польской миссии в Париже по закупкам вооружения и обмундирования генерал Й. Помянковский сообщил заместителю военного министра Польши, что начальник транспортного отдела миссии ведет переговоры с румынским военным атташе во Франции об организации перевозок военных материалов через Румынию. Одной из баз для их складирования стал румынский порт на Дунае Галац. Генерал Й. Помянковский просил Военное министерство Польши отдать соответствующее распоряжение польскому представителю в Галаце, чтобы он оказывал всевозможную помощь миссии капитана Контковского, которому было поручено «вывезти артиллерийское и санитарное имущество из расположенных там складов Восточной Армии»⁸⁴.

Подталкиваемое Францией, правительство А. Авереску сразу же после прихода к власти назначило делегацию для переговоров с Польшей относительно политики в отношении большевистской России. Возглавить делегацию было поручено посланнику Румынии в Варшаве А. Флореску, в ее состав от Генерального штаба румынской армии был включен подполковник И. Антонеску. Последний, прибывший в Варшаву 14 марта, во время пребывания там составил четыре доклада, представляющие несомненный интерес для выяснения сложившейся в тот момент ситуации в лагере антибольшевистских сил. О полученном им личном задании И. Антонеску писал: «Был послан в Варшаву с миссией ориентировать наше правительство и Верховное главнокомандование относительно:

а) социального и военного положения в Прибалтийских странах, Польше и Украине;

б) о их взаимоотношениях с соседними странами;

в) о их намерениях;

г) для выполнения этой миссии в Варшаве я установил связь со всеми военными и гражданскими личностями, местными и иностранными, и участвовал в заседаниях польской военной комиссии»⁸⁵.

Румынская делегация, которая находилась в Варшаве две недели, не была наделена полномочиями подписывать договорные документы, что указывает на то, что, прервав диалог с Москвой, правительство А. Авереску не собиралось сломя голову ввязаться в военный конфликт с Россией. Как представитель румынского Генштаба первый визит, 15 марта 1920 г., И. Антоңеску нанес начальнику Генштаба польской армии генералу Т. Развадовскому. Узрев, по-видимому, в своем собеседнике единомышленника, генерал с военной прямоотой, откровенно рассказал о планах войны против большевистской России. Польша, заявил он, ведет переговоры со странами Антанты, добиваясь их одобрения начать интервенцию, но поскольку союзники «колеблются и избегают прямой и решительной атаки против России и у них противоречия относительно мира и будущей организации России», великие державы «следует поставить перед свершившимся фактом», что означает, сказано в отчете Антоңеску, «удовлетворение ее (Польши. — И. Л.) империалистических тенденций».

Т. Развадовский, продолжил свой доклад подполковник, «довольно в категоричной форме» говорил о территориальных притязаниях польского руководства: «На Востоке естественную оборонительную линию... вдоль Днепра от Орши до Киева; нейтральную зону за этой рекой, чтобы избегать прямого контакта с анархическими элементами России». Генерал дал понять, что эта зона должна находиться под политической и военной администрацией заинтересованных стран. Иными словами, — заключил автор отчета, — «Польша добивается с нашего согласия и, если возможно, и нашими средствами, распространения своего влияния и единоличной власти и восточнее Днепра. При создании Украины, сказал Т. Развадовский, северную ее границу следует провести таким образом, чтобы вся Волынь и значительная часть Подолии сохранились для Польши».

Начальник штаба польской армии, сказано в отчете И. Антонеску далее, доказывал, что «в интересах обоих государств» Румыния должна «рядом с поляками участвовать своими военными и административными силами» в «организации и консолидации» Украинского государства. В ответ на вопрос румынского делегата от Генштаба, «с кем из украинских политиков следует сотрудничать», Т. Развадовский без колебаний ответил: «С Петлюрой». И тут же добавил: «Этот вынужден будет довольствоваться лишь тем, что ему мы дадим». Другие польские политики воздерживались называть фамилии украинских деятелей, «говорящих от имени украинского народа». Одно лишь было твердо известно: «Поляки, — читаем в отчете, — категорически не признают Раковского (председателя Совнаркома Советской Украины. — И. Л.) и не желают вести с ним переговоры»⁸⁶.

Поскольку румынским представителям не удалось до конца выяснить, с кем из украинцев вести переговоры, они, чтобы не связать себя обещаниями, уклонились от встречи с С.В. Петлюрой. И. Антонеску установил только контакт с первым адъютантом С.В. Петлюры. Последний на заданный ему вопрос, какие «максимальные территориальные уступки они готовы делать полякам, ответил: граница Украины с Польшей и Румынией должна проходить по Днестру и [реке] Збруч, а на севере вдоль линии, установленной арбитражной комиссией, в состав которой не должны входить ни Польша, ни Украина».

Далее в документе сказано: «На Востоке Петлюра и его адъютант считают, что Украина должна простирается до Кубани и Каспийского моря»⁸⁷. Согласие петлюровцев на границу с Румынией по Днестру говорило о том, что они отказывались от прежних притязаний на Северную Буковину и ряд уездов Бессарабии. После этой беседы И. Антонеску заключил: «В наших общих интересах оказать им (петлюровцам. — И. Л.) необходимое содействие для

организации вооруженных сил, с которыми они намереваются летом вторгнуться на Украину».

На встречах с польской военной делегацией румынский подполковник солидаризировался с антисоветскими целями польской военщины. Он высказался за «умиротворение России», за ликвидацию ее вооруженных сил и военной промышленности, изъятие оружия у гражданского населения.

17 марта 1920 г. А. Флореску в сопровождении И. Антонеску и подполковника Бэдулеску посетил министра иностранных дел Польши С. Патека. Он, сказано в отчете о переговорах, «категорически подчеркнул безотлагательность решения русской проблемы» и необходимость «безотлагательно заключить по этому вопросу соглашение между Румынией и Польшей». И хотя С. Патек знал, что у румынской делегации не было полномочий подписывать соглашение, он продолжал настаивать на продолжении переговоров. Польский министр затронул также украинский вопрос, более завуалировано сказал то же, что открыто говорил Т. Развадовский.

В этот же день румынскую делегацию принял Ю. Пилсудский, фактический правитель Польши, заявивший: «С Россией мы должны находиться или в мире, или в состоянии войны, ибо нынешнее положение “ни мира, ни войны” более опасно, чем война. Исходя из этого принципа, нам следует раз и навсегда так или иначе решать русскую проблему, ибо, если не решим ее сегодня, придется рано или поздно ее решать...». Ю. Пилсудский затронул вопрос «о создании Украины», сетовал по поводу того, что у нее нет «подготовленных руководителей и администраторов» и, следовательно, ей нужно помочь, но при этом «не уточнил, каким путем и кто должен оказывать эту помощь»⁸⁸.

В последнем отчете представителя румынского Генерального штаба, датированном 6 апреля 1920 г., рисуется мрачная картина внутривосточного положения лимитрофных государств — предпо-

лагаемых участников нового антисоветского похода. Говорится об их невероятных экономических трудностях, продовольственном кризисе, о большевистских настроениях среди населения этих стран, о слабости их вооруженных сил⁸⁹. Относительно Польши сказано, что «под непосредственным руководством французского командования в разгаре находится организация армии», насчитывающей 20 дивизий и 7 кавалерийских бригад. И. Антонеску считал, что эти «вооруженные силы крайне недостаточны, учитывая огромную протяженность границ и величину страны» (советской. — И. Л.), чтобы предпринять в России «серьезное наступление», и то при условии «резкого разложения русских красных войск и если операции не очень растянутся по фронту». «В нынешней ситуации, — продолжал автор отчета, — у меня впечатление, что в случае контрнаступления Красной армии большими силами сопротивление поляков будет быстро сломлено»⁹⁰.

В донесениях И. Антонеску ощущается его недовольство тем, что поляки в своих стремлениях «расчленив Россию» говорят о своих территориальных притязаниях и ничего не предлагают за участие в антисоветском походе Румынии, которая вынашивала свои планы. Он неоднократно подчеркивает: «Польша проявляет империалистические стремления и желает их осуществить за счет Литвы, России и, главным образом, Украины»; «Польша желает воспользоваться положением в России и присвоить себе большие территории не на основе права, а силы. Она скоро станет Австрией...», то есть «лоскутной империей»; «Польша хочет играть среди лимитрофных стран главную роль в переговорах с Россией»; «Польша, чтобы реально занять границы, очерченные на карте, желает предстать перед большевиками рука об руку со всеми прибалтийскими странами и особенно с нами».

Автор доклада не преминул подчеркнуть, что за поддержку территориальных притязаний Польши западные союзники требуют от нее «большие и невыносимые экономические уступки, и поляки

будут вынуждены согласиться», а в самом стане великих держав Запада ведется подспудная борьба за политическое и экономическое подчинение Польши⁹¹.

Доклады подполковника И. Антонеску наряду с другими факторами, несомненно, были учтены правящими кругами страны при решении вопроса об участии румынской армии в очередной антисоветской военной интервенции. Исходя из собственных интересов, такое соглашение с Польшей официальный Бухарест не подписал.

Правители западных держав внимательно следили за ходом румыно-польских переговоров. Посланник США в Бухаресте 25 марта 1920 г. докладывал Государственному департаменту: на запрос правительства Великобритании, расположено ли правительство Румынии «помочь в контрнаступлении против армии советских правительств», ответ был следующий: «Румыния не собирается выступать в одиночку, но сделает это в случае выступления всех союзников»⁹².

В эти дни приоритетное значение для правительства А. Авереску имело получение от великих держав-победительниц оформленного международного договора о признании присоединения Бессарабии к Румынии. Чтобы продвинуть решение вопроса в конце марта 1920 г. в соответствии с требованием великих держав были выведены румынские войска из Венгрии. 15 апреля Комиссия по румынским делам Парижской мирной конференции представила проект договора между великими державами-победительницами и Румынией относительно присоединения Бессарабии к Румынии (девять статей).

25 апреля по предложению Великобритании согласование текста договора и его доработка в окончательной редакции были поручены послам Франции, Англии, США, Италии и Японии. К работе над договором в Лондоне и Париже подключился румынский дипломат Н. Титулеску, в Бухаресте в апреле-мае переговоры с румынским правительством на тему договора относительно Бессарабии вел анг-

лийский посланник в Румынии Ф. Раттиган. На одном из своих совещаний Совет послов решил отложить подписание договора с Румынией по Бессарабии до подписания ею мирного договора с Венгрией. 4 июня 1920 г. в Трианоне, пригороде Парижа, договор, закрепивший контуры послевоенной границы между Румынией и Венгрией, был подписан.

В работе конференции послов возникли серьезные трудности в связи с решением США от 19 июня 1920 г. о прекращении своего участия в конференции в связи с отсутствием в ее составе представителя от России, бывшей союзницы по Антанте в войне против австро-германского блока, поскольку речь идет о Бессарабии, входившей в состав России до войны. В свою очередь, Англия и Франция в качестве условия признания Бессарабии за Румынией потребовали от последней предварительного подписания договора о правах национальных меньшинств. 28 июня 1920 г. официальный Бухарест дал согласие поставить свою подпись под этим договором, но Лондон выдвинул еще одно требование: до подписания договора о Бессарабии румынский парламент должен ратифицировать договор о национальных меньшинствах.

Тем временем, 25 апреля 1920 г., получив большую военно-техническую и иную помощь от Франции и других западных держав, сговорившись о совместных действиях с С.В. Петлюрой и бывшим царским генералом П.Н. Врангелем, армия которого базировалась в Крыму, Польша развернула широкие наступательные действия против советских республик. Воспользовавшись перевесом в живой силе и технике, поляки захватили Правобережную Украину, включая Киев.

В момент начала этого похода в Бессарабии была сосредоточена и приведена в боевую готовность значительная часть румынской армии. Продолжался пропуск через Днестр петлюровских воинских формирований. Правители Румынии оказывали моральную и материальную помощь и другим антибольшевистским группировкам,

активизировавшим в связи с выступлением Польши свои действия на левобережье Днестра⁹³.

В Варшаве преждевременно праздновали победу. Подтянув резервы, уже 14 мая части Красной армии перешли в наступление в Белоруссии, а 26 мая и на Юго-Западном фронте. 5 июня польский фронт был прорван. 12 июня был освобожден Киев, 11 июля — Минск. К концу месяца была очищена от польских войск почти вся территория Белоруссии и часть Литвы с Вильно. 23 июля начались боевые действия советских войск на подступах ко Львову и Варшаве.

Страх и растерянность охватили польскую знать, беспокоились правители Антанты. В начале июля 1920 г. на конференции союзников в Спа был специально поставлен вопрос о положении Польши. Польский премьер В. Грабский признал, что «Польша находится в очень опасном положении», что она сможет продержаться всего лишь «еще несколько недель». В. Грабский просил союзников спасти Польшу, он говорил уже не о границах Польши 1772 г., а о «ее собственных этнографических границах»⁹⁴.

Правители Антанты предприняли решительные шаги для спасения Польши. Антанта предоставила польской армии дополнительное вооружение и боеприпасы, в Варшаву в качестве военного советника был направлен французский генерал М. Вейган. П.Н. Врангелю военный комитет Антанты дал указание нанести удар в тыл Красной армии.

Одновременно Антанта предприняла дипломатические шаги по спасению польской армии от разгрома. 12 июля министр иностранных дел Англии Дж. Керзон по поручению Верховного Совета Антанты обратился к советскому правительству с требованием приостановить наступление своих войск на обозначенных в ноте рубежах, вошедших в историю как «линия Керзона»⁹⁵, и заключить перемирие с Польшей. 21 июня с трибуны палаты общин Д. Ллойд Джордж пригрозил, что «Франция и Англия смогут предоставить все необходимое для организации польских сил».

В ответной ноте правительству Великобритании от 17 июля 1920 г. Москва, согласившись на переговоры о мире, вместе с тем отвергла какое-либо посредничество третьего государства и заявила, что «если польское правительство обратится к нему с предложением о начатии переговоров о мире, то оно этого предложения не отвергнет и при этом в самом благожелательном духе рассмотрит...»⁹⁶. После очередного обмена нотами 7 августа 1920 г. в Москве была получена радиограмма министра иностранных дел Польши Е. Сапегги, в которой сообщалось о согласии польского правительства начать переговоры о предварительных условиях мира и перемирия⁹⁷.

С самого начала польской интервенции правители Франции не ослабляли усилий, направленных на привлечение Румынии к военным действиям. Не прекращали свой нажим на Румынию и польские дипломаты. Как явствует из донесений английского посланника в Бухаресте Ф. Раттигана, во время его беседы с румынским министром иностранных дел Д. Замфиреску в Лондоне в мае 1920 г. последний заявил, что «поляки оказывают сильное давление на Румынию с целью добиться ее активного сотрудничества против большевиков» и что за это «Румынии обещана Польшей Одесса». Тот же Ф. Раттиган писал, что польский посланник в целом подтвердил намерения его правительства, за исключением обещаний относительно Одессы, но при этом сказал Ф. Раттигану, будто румынский генеральный штаб строит планы захвата Одессы и его поддерживает в этом французский военный атташе⁹⁸.

Нажим на Румынию усилился после перехода Красной армии в контрнаступление. Он сопровождался широкой кампанией в печати, в которую включилась и часть румынской прессы, о том, что Красная армия будто бы готовится открыть военные действия против Румынии⁹⁷.

Опасность вовлечения Румынии в войну на стороне Польши увеличилась тем, что 13 июня 1920 г. во главе внешнеполитического

ведомства страны стал лидер партии консерваторов-националистов, известный приверженец профранцузской ориентации Таке Ионеску. 13 июля Н. Йорга записал в своем дневнике: «Поляки терпят страшное поражение, Таке Ионеску намерен их поддержать»¹⁰⁰. Спустя несколько дней, выступая в парламенте, румынский министр иностранных дел, по словам того же Н. Йорга, «вновь говорил о большевистской опасности»¹⁰¹. Однако прежде чем окончательно определить румынскую политику в польско-советском вооруженном конфликте, Таке Ионеску попытался выяснить у Ф. Раттигана, какова в данный момент позиция Англии в отношении России. На встрече с Ф. Раттиганом, состоявшейся еще в конце июня 1920 г., Таке Ионеску заявил, что в настоящий момент отношения между Румынией и Россией он лично «считает идеальными: ни война, ни мир». Заверяя английского дипломата в том, что при нем «политика Румынии будет политикой союзных держав», а именно Англии и Франции, вместе с тем Таке Ионеску высказал свое сожаление по поводу того, что относительно России «совершенно невозможно определить, какова же политика союзников в отношении нее». «Великобритания, как нам представляется, — продолжал Таке Ионеску, — способствует достижению взаимопонимания с большевиками, а Франция — их подавлению...»¹⁰².

В начале июля 1920 г. в Бухарест с особой миссией прибыл французский генерал П.Р. Пайо. «Несмотря на категорическое опровержение правительства, — писала газета «Adevărul», — между этим посещением и возможным вмешательством Румынии в польско-русскую войну существует явная связь»¹⁰³.

Соответствующий нажим производился и на другие страны. Сообщая 9 июля в Варшаву о своей беседе с французским военным министром А. Лефевром относительно оказания помощи Польше, польский генерал Й. Помянковский писал: «Министр указал, что должен образоваться тесный союз... Польши, Эстонии, Латвии, Венгрии, Чехословакии и Румынии»¹⁰⁴.

Парижская «La Victoire», комментируя поражение белопольских войск, открыто писала в эти дни: «для предотвращения этого необходимо организовать антибольшевистское выступление Финляндии, Польши, Чехословакии и Румынии при военной и материальной поддержке держав Согласия с целью восстановления России на демократических началах»¹⁰⁵.

На страницах правой французской печати все чаще вспоминали о роли румынской армии в подавлении власти коммунистов в Венгрии. Прямое подталкивание к выступлению Румынии против большевистской России звучало со страниц газеты «Le Temps»: «Уже со времени оккупации Венгрии румынскими войсками бухарестская печать единодушно отмечала ту всеевропейскую роль, которая выпадет на долю Румынии в этой части континента. Теперь положение становится все более серьезное. Венгерский большевизм подавлен, но русский большевизм процветает у восточных границ Румынии, и это является для Румынии гораздо более непосредственной опасностью»¹⁰⁶.

Вопреки объявленному румынским правительством нейтралитету в советско-польской войне французской дипломатии удалось добиться усиления помощи Румынией Польше и П.Н. Врангелю. Как явствует из телеграммы генерала Анри военному министру Франции и маршалу Ф. Фошу от 12 июля 1920 г., «польское и румынское правительства заключили соглашения о пропуске через румынскую территорию, через Галац, направленных в армию Врангеля 13 эшелонов с частями корпуса Бредова». «Отправка началась 5 июля, — говорилось в телеграмме. — Каждую неделю будут отправляться 2 эшелона»¹⁰⁷. Был также организован провоз в Польшу через территорию Румынии оружия из хортистской Венгрии. 12 августа в Польшу было разгружено 80 вагонов с боеприпасами, прибывших таким путем¹⁰⁸. В августе 1920 г., в период боев под Варшавой, через Румынию Антантой было переправлено около 600 орудий. Они помогли польским войскам в боях на Висле¹⁰⁹.

Однако в сложившейся тогда ситуации Румыния, как, впрочем, и другие лимитрофные государства, не решилась принять непосредственное участие в военных действиях против России. Это было обусловлено рядом факторов. Экономическое положение Румынии продолжало оставаться тяжелым. Внутренний и внешний долг страны достиг баснословной суммы в 20,5 млрд лей. Курс лея по сравнению с августом 1919 г. упал в феврале 1920 г. на бирже Нью-Йорка в несколько раз¹¹⁰. В плачевном состоянии находился железнодорожный транспорт¹¹¹. То же самое можно сказать и в отношении промышленности. Из-за отсутствия сырья и топлива многие рабочие предприятий металлургической промышленности были уволены¹¹². Инфляция, рост цен на предметы первой необходимости вызывали дальнейшее падение жизненного уровня народа. И хотя кабинет А. Авереску подписал международную конвенцию по труду, согласно которой полагалось ввести в стране 8-часовой рабочий день, и учредил в апреле 1920 г. министерство труда, тем не менее приостановить рост стачечной борьбы рабочих не удалось. Если в 1919 г. в 250 забастовках участвовало 149 тыс. человек и было потеряно 1429 тыс. человеко-дней, то в 1920 г. (до октября) соответствующие показатели выражались цифрами — 350, 359 тыс. и 2756 тыс.¹¹³

Многие стачки носили политический характер, нередко сопровождались митингами и демонстрациями. Антивоенный характер имели в 1920 г. первомайские выступления румынских трудящихся. Только в Бухаресте в них приняли участие свыше 80 тыс. человек. Ораторы требовали демобилизации армии и заключения мира с Россией. Свыше 10 тыс. участников собрал митинг в Яссах, свыше 20 тыс. — в Клуже. Народные манифестации имели место в Турну-Северин, Фокшанах и др.¹¹⁴ Непокойно было и в румынской деревне.

Напряженная ситуация сложилась летом 1920 г. в Бессарабии, особенно в Кишиневе, где под влиянием агитации местной под-

польной коммунистической организации рабочие стали переходить от экономических стачек к политическим выступлениям. 7 июня 1920 г. в стачке приняли участие 3,5 тыс. рабочих, требовавших прекращения террора и свободы политзаключенным¹¹⁵. Во всеобщей политической стачке и состоявшейся 10—11 августа 1920 г. демонстрации участвовали уже 8 тыс. человек. Они требовали прекратить репрессии, предоставить населению свободу слова, печати, введения 8-часового рабочего дня. Стачные пикеты упорно сопротивлялись попыткам властей использовать солдат в качестве штрейкбрехеров. И хотя к городу были подтянуты войска, а в Кишиневе введено военное положение и арестованы сотни рабочих, представители властей вынуждены были обещать рабочим выполнения их требований.

Совокупность перечисленных причин и тревожные сообщения с польско-советского фронта сдерживали правителей Румынии от посылки своих войск для участия в войне на стороне агрессоров. Газета «Дасія» 20 июля 1920 г. писала: «События на русско-польском фронте, если не удастся прийти к соглашению, могут иметь ужасающие последствия». Призывая делать вывод «из печального опыта Польши», газета заявляла: «Хватит с нас опыта жандарма на востоке». Учитывая антивоенные настроения в народе, газета «Lumea» утверждала, что Румыния «прежде всего нуждается в спокойствии»¹¹⁶.

Правительство было вынуждено считаться с внутривнутриполитическим положением. О том, что «Румыния не намерена напасть на Советскую Россию» и что между «Румынией и Польшей не существует никакой тайной военной конвенции», заявил на встрече с представителями печати румынский посланник в Берлине¹¹⁷.

Учитывая создавшуюся ситуацию, не настаивал на участии Румынии в военных действиях против Красной армии и польский Генеральный штаб. Тот же Т. Развадовский, который еще в марте добивался присоединения Румынии к новому походу против совет-

ских республик, на закрытом заседании Совета министров Польши 22 июля по обсуждению положения на фронте предостерегал, как отмечается в протоколе, от вовлечения в войну с большевиками Румынии, «ибо она в военном отношении слаба, а, соблюдая нейтралитет, защищает наш фланг»¹¹⁸.

Среди факторов, также сдерживающих румынские правящие круги от участия в военных операциях против советских республик летом и осенью 1920 г., были и предпринятые советской дипломатией демарши по нормализации отношений с Румынией. В ноте от 8 июля 1920 г. правительства РСФСР и УССР, указывая на «провокационный характер» упомянутой миссии Пайо, протестуя против «клеветнической кампании о советской военной угрозе» Румынии, а также указывая на недопустимость предоставления убежища отступающим белогвардейским и петлюровским частям, вновь предложили мирные переговоры. «Советские правительства России и Украины, — говорилось в ноте, — для более точного соблюдения фактически существующего перемирия между советскими республиками и Румынией, впредь до заключения мирного договора, предлагают назначить смешанную комиссию из представителей военных властей для определения условий перемирия, а также и судоходства по нижнему течению Днестра»¹¹⁹. О том, какое значение советское руководство придавало в тот момент нормализации своих отношений с Румынией, свидетельствует тот факт, что предложения Г.В. Чичерина по этому вопросу рассматривались 31 июля 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием В.И. Ленина¹²⁰.

Этот советский демарш правительство А. Авереску проигнорировало. По поводу причин ухода румынской стороны от ответа в годовом отчете НКВД РСФСР VIII съезду Советов сказано: «румынское правительство колебалось между своим постоянным стремлением угодить Франции, своим страхом перед опасностями, связанными с войной против Советских Республик, и соображени-

ями местной политики, непримиримой враждой с Венгрией... и с соседней Болгарией»¹²¹.

Более успешно протекали переговоры о нормализации отношений между Россией и другими ее соседями. 12 июля был подписан мирный договор с Литвой, успешно шли к своему завершению переговоры с Латвией, продвигались вперед и переговоры с Финляндией. Чтобы держать под своим контролем события и влиять на их ход, 20 июля 1920 г. английское правительство предложило созвать в Лондоне конференцию с участием России, Польши и тех соседей Советского государства, которые еще не установили с ним мирные отношения. По замыслу организаторов конференции, она должна была последовательно решать вопросы о мире с Польшей, о нормализации отношений с лимитрофными государствами, а затем, как предполагал английский министр иностранных дел Дж. Керзон, конференция займется восстановлением нормальных отношений между Россией и странами Антанты.

Пока шли переговоры по вопросу созыва конференции в Лондоне, 5 августа, после предварительного обсуждения с участием В.И. Ленина на пленуме ЦК РКП(б) вопроса «о мирных переговорах с Румынией»¹²², нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил министру иностранных дел Румынии Таке Ионеску ноту. «Российское Правительство, — говорилось в ней, — готово возобновить с Румынским правительством обмен мнениями... и так же, как и раньше, проникнуто желанием осуществить мирную конференцию с Румынией. Мы убеждены, что на этой конференции можно будет достигнуть крупных преимуществ для обеих сторон и что Румынии доставят удовлетворение результаты ее ввиду возможности разрешить полюбовно все вопросы территориального и экономического характера, возникшие между обоими государствами»¹²³.

Ответ румынского министра иностранных дел, направленный в Москву 10 августа 1920 г., гласил: «Союзное английское правитель-

ство, предложив нам обсудить в Лондоне условия мира с Россией и сопредельными с ней государствами, одновременно запросило нас, не согласимся ли мы участвовать в будущих мирных переговорах. Румынское правительство тотчас же дало утвердительный ответ. Румынское правительство, намерения которого хорошо известны, считает себя связанным обещанием своего участия в англо-русских переговорах о мире, но еще не получило определенного сообщения от английского правительства о том, что такие переговоры начаты»¹²⁴.

Также 10 августа 1920 г. в ответ на запрос итальянского правительства Госдепартамент США за подписью госсекретаря Б. Колби обнародовал документ («Нота Колби»), который, несомненно, оказал влияние на весь переговорный процесс между Советами и лимитрофными государствами, а также на ход работы конференции послов по выработке окончательного текста договора относительно Бессарабии. В ноте излагалась позиция американского правительства «в защиту Польши» и была сформулирована «доктрина непризнания» советского государства, недвусмысленно указывалось, что американское правительство «относится отрицательно ко всякого рода переговорам и отношениям с советским режимом...»¹²⁵. Применительно к Бессарабии это означало, что даже урегулированный послами Антанты вопрос с участием советского представителя не будет признан правительством США. По-видимому, в Вашингтоне полагали, что большевики долго не удержатся у власти.

То ли в связи с «Нотой Колби», а может, и по другим причинам, но правительство А. Авереску явно стремилось оттянуть прямые переговоры с Россией, свой же ответ прессе предоставило в таком свете, будто оно согласилось на ведение советско-румынских переговоров. Так, например, газета «Adevărul» 25 августа 1920 г. в статье «Румыны и московское правительство» писала: «Прошли две недели с тех пор как румынское правительство ответило на ноту Чичерина, что оно готово начать мирные переговоры, но до сих пор

из Москвы не получено ответа». «Румынское правительство обманывает свои массы, — писал в конфиденциальном письме Г.В. Чичерин уполномоченному СНК РСФСР за границей М.М. Литвинову. — Оказывается, румынское правительство не только скрыло свой ответ, но в официальных заявлениях исказило его смысл, заявив, (что) якобы ответило нам согласием и теперь идет газетная кампания, будто бы мы не ответили на положительный ответ румынского правительства. Это ложь уже потому, что Румыния ответила в действительности отказом, прикрываясь лондонской конференцией», которая в конечном итоге и не состоялась.

Создавшаяся ситуация была предметом обсуждения на Политбюро ЦК РКП(б) 19 августа 1920 г. Слушались «предложения наркома иностранных дел Г.В. Чичерина по вопросу о Румынии». Последовала новая нота НКВД РСФСР министерству иностранных дел Румынии. Указав на то, что Лондонская конференция не состоится, и приведя в пример двусторонние переговоры с Польшей и Финляндией, советский нарком писал: «...если Румыния не отказывается заключить мирный договор с Россией, единственный для нее путь — это непосредственные переговоры. Мы уверены, что в интересах обеих сторон начать безотлагательно эти переговоры и что их начало в настоящий момент является выгодным также для Румынии. Пример переговоров, имевших место между Россией и другими государствами, может служить иллюстрацией правдивости этого утверждения»¹²⁶. На второй день В.И. Ленин телеграфирует советскому представителю в Лондоне С.С. Каменеву: «с румынским послом сохраняйте контакт»¹²⁷.

Новые предложения советского правительства, как и следовало ожидать, активизировали дискуссии вокруг внешнеполитического курса Румынии в ее политических кругах. Опрос, устроенный прессой среди парламентских деятелей по вопросу об их отношении к советским предложениям о мире, показал, что лидеры царнист-

ской, национальной, национал-демократической партий высказались за мир с Россией. Либералы, сделав оговорку, что не следует «забывать союзников», фактически были против, хотя формально тоже говорили о необходимости мира.

Дискуссии по этому поводу имели место и в парламенте. 9 августа А. Вайда-Воевод, Н. Йорга, Т. Драгу сделали запросы об отношениях правительства к мирным переговорам с Россией; о том, насколько соблюдается объявленный Румынией нейтралитет, а также потребовали разъяснений по поводу появившихся сведений о проезде через Румынию деникинских войск. А. Авереску, который, хотя и заявил, что «теперь уже не может быть и речи о войне, так как народ не желает ее, он устал», фактически ушел от ответа на поставленные вопросы.¹²⁸ Позиция правительства не удовлетворяла противников участия Румынии в войне на стороне Польши. Упомянутая газета «Dacia» писала: «Проезд через нашу территорию на крымский фронт деникинских солдат армии Бредова... является нарушением нейтралитета...»¹²⁹.

Как известно, из-за грубых ошибок командования Красной армии поход на Варшаву и Львов завершился крахом. Оказалось, что согласие белополяков на переговоры о перемирии и мире, полученное советским правительством 7 августа, было лишь маневром с целью выиграть время для подготовки контрнаступления, опираясь на помощь западных держав. На состоявшемся в начале августа 1920 г. совещании с участием А. Мильерана, Д. Ллойд Джорджа, Ф. Фоша и английского фельдмаршала Г. Вильсона по вопросу о положении в Польше было решено, как явствует из официального коммюнике совещания, оказать ей широкую поддержку в форме «военного снаряжения, технической консультации и, возможно, действий военно-морского флота»¹²⁸.

Советско-польские переговоры о перемирии, начавшиеся 17 августа 1920 г., проводились уже в условиях наступления польских

войск, предпринятого за три дня до этого. Одновременно Антанта стремилась активизировать действия армии П.Н. Врангеля, которая после неудачи в ходе наступательных боев в июле понесла значительные потери в живой силе и технике. В начале августа в Париже состоялась встреча маршала Ф. Фоша с врангелевским представителем генералом Е.К. Миллером. Сообщая главе французского правительства о беседе с Е.К. Миллером, Ф. Фош писал 4 августа 1920 г., что П.Н. Врангель согласился предпринять наступление с целью отвлечь силы Красной армии с польского фронта, но вместе с тем просил о предоставлении ему вооружения¹³¹. С такой же просьбой П.Н. Врангель обратился к Англии и США¹³².

Особую заинтересованность в успешном развитии наступления П.Н. Врангеля проявлял Париж, стремившийся закрепить за французским капиталом юг России. 11 августа французское правительство поспешило объявить о признании «правительства» генерала П.Н. Врангеля фактическим «правительством Южной России». Для оказания в кратчайший срок помощи белогвардейцам решили использовать вооружение русской армии Д.Г. Щербачева, сохранившееся в Румынии после ее расформирования. Французскому послу в Бухаресте было поручено начать переговоры с румынским правительством.

В середине августа якобы для вручения наград отличившимся в боях у Марашешть в румынскую столицу прибыл из Парижа французский маршал Ж. Жоффри. Ему устроили торжественную встречу, в парламенте ораторы превозносили заслуги Франции в создании «Великой Румынии». «Авереску, — отмечал Н. Йорга, — прочитал речь, хорошо составленную, как говорят, Таке Ионеску»¹³³.

В действительности поездка французского эmissара в Румынию была связана с военными действиями на советско-польском фронте и в Крыму. «Миссия маршала Жоффре не может быть сведена к визиту вежливости... — отмечала газета «Socialismul». — Миссия маршала Жоффре означает приказ Франции вступить в войну»¹³⁴.

О том, что «вследствие поездки Жоффра в Румынию выступление последней стало близкой опасностью»¹³⁵, писал Г.В. Чичерин М.М. Литвинову в Копенгаген.

Результаты переговоров Ж. Жоффра и французского посланника в Бухаресте с правителями Румынии не заставили себя долго ждать. 23 августа французский посланник в Румынии сообщил в Париж: «Румынское правительство согласно передать генералу Врангелю по нашей просьбе военные материалы, оставленные на хранение русской армией Щербачева в Румынии при ее расформировании»¹³⁶.

В обстановке контрнаступления польских войск и угрозы удара с юга армии П.Н. Врангеля Москва была заинтересована даже ценой уступок нейтрализовать Румынию, усадить ее дипломатов за стол переговоров. Но правители Румынии не торопились с ответом по существу на советские предложения о мире. Поддерживаемый королем и семейством Брэтиану, Таке Ионеску был настроен против нормализации отношений с советскими республиками путем прямых переговоров с ними. Одна мысль, что в результате положительного исхода таких контактов придется иметь в Бухаресте советское представительство, бросала в дрожь короля и его окружение, не терявших, как и многие политики Запада, надежду на падение советской власти.

Затягивая ответ на советские мирные предложения, Таке Ионеску развернул бурную деятельность по сколачиванию малоантантовского блока, стараясь придать ему наряду с антивенгерским также антисоветскую направленность¹³⁷. Одобряя эту линию, «Le Temps» в статье своего специального корреспондента в Бухаресте «Малая Антанта и Румыния» писала: «Румынское государство должно считаться кроме Венгрии и Болгарии еще и с другим фактором, который для этих двух стран (имеется в виду для Чехословакии и Югославии. — И. Л.) не существует, и который для нее является

главным, а именно Россия... Вот почему никакой румынский министр не сможет считать себя полностью удовлетворенным и спокойным заключением договора о союзе, каким бы выгодным он ни был, если он не будет гарантировать в действительности современные границы Румынии со всех сторон»¹³⁸.

Самому Таке Ионеску более по душе был военно-политический союз с Польшей в целях совместного выступления на случай территориальных конфликтов с восточным соседом. В Бухаресте полагали, что в данный момент непосредственной угрозы со стороны Венгрии нет. Таке Ионеску продолжал придерживаться своей старой идеи создания «союза пяти стран-победительниц» (Румыния, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция). Однако Польша, подписавшая 12 октября 1920 г. соглашение о перемирии и о прелиминарных условиях мира с РСФСР и УССР, не желала отказаться от своих притязаний к Чехословакии на Тешинскую область и отвергла предложение о присоединении к малоантантанскому блоку, о чем румынский посланник в Варшаве А. Флореску поставил в известность свое правительство. Вместе с тем он уведомил Бухарест о готовности польского правительства тотчас же заключить с Румынией союз в целях «гарантии эвентуального мирного договора, который должен быть подписан с Советами»¹³⁹. Не без подсказки правительства польская пресса в осенние месяцы 1920 г. вела систематическую кампанию против каких-либо союзов с участием Чехословакии и в то же время весьма одобрительно относилась к идее румыно-польского альянса¹⁴⁰. Визит в Варшаву Таке Ионеску с целью склонить польское правительство присоединиться к Малой Антанте завершился безуспешно¹⁴¹.

В Москве, где продолжали внимательно следить за борьбой тенденций в Румынии вокруг вопроса о внешнеполитическом курсе страны, резко реагировали на фактический уход королевским правительством Румынии от обсуждения советских мирных предложений. 7 сентября 1920 г. советский правительственный официоз газета

«Известия» выступила со статьей «С больной головы на здоровую». Квалифицируя попытку румынского правительства прикрыться ссылками на планировавшуюся Д. Ллойд Джорджем Лондонскую конференцию как «явное уклонение от прямого ответа», «Известия» в решительном тоне писали: «На основании всех фактов, связанных с историей наших дипломатических сношений с румынским правительством, мы имеем основания утверждать, что оно упорно и систематически отклоняло все наши предложения иногда под явно натянутым предлогом, иногда без всяких предлогов... Этой тактике экивоков и сеяния недоразумений необходимо положить конец».

Подчеркивая, что Румыния, в отличие от некоторых других стран¹⁴², «остаётся на старой позиции вражды к Советской Республике», которая не сулит ей никаких дивидендов, напомнив, что «систематическое уклонение королевского правительства от заключения мира с Советской Россией» объясняется давлением Антанты, в первую очередь Франции, «Известия» писали в заключение: «Во всяком случае, мы считаем нужным восстановить действительные факты и поставить точку над «и» дабы, в случае, если румынское правительство затеет какую-нибудь неожиданную авантюру, общественное мнение всех народов было точно осведомлено о том, на кого ложится ответственность за продолжение враждебных отношений и за отсрочку мира».

8 сентября 1920 г. был получен ответ А. Авереску на повторную советскую ноту от 29 августа 1920 г. с предложением о начале переговоров. Заявив о «желании восстановления вековых добрососедских отношений между Румынией и Россией на возможно более прочных основах», генерал А. Авереску писал: «В самом непродолжительном времени я Вам сообщу мою точку зрения на средства для достижения этого результата, желательного для обеих сторон»¹⁴³. Иными словами, королевское правительство вновь ушло от ответа по существу.

Уклоняясь от прямых переговоров с советской стороной, официальный Бухарест по-прежнему хотел подойти к ним, имея на руках подписанный великими державами документ о признании присоединения Бессарабии к Румынии. Но подписание по разным причинам откладывалось, каждая задействованная держава преследовала свои интересы. Сталкивались политические и экономические интересы Англии и Франции, мешала продвижению вопроса их борьба за господство в Центральной и Юго-Восточной Европе. Чтобы блокировать английские проекты, Париж, который в ходе мирной конференции больше всех поддерживал Румынию в бессарабском вопросе, временами был готов отсрочить подписание договора на неопределенный срок. В сентябре-октябре 1920 г. состоялись несколько заседаний послов с постановкой бессарабского вопроса. 8 сентября итальянский представитель вновь предложил обусловить признание Бессарабии за Румынией после согласия последней вернуть Болгарии южные уезды Добруджи. 17 сентября Англия и Франция потребовали от румынского правительства компенсацию за экспроприированные землевладения в Бессарабии, принадлежащие гражданам их стран.

Правительство Авереску-Ионеску делало все, что было в его силах, чтобы ускорить подписание протокола относительно Бессарабии. 5 октября 1920 г. согласие на подписание поступило от Италии. Проталкивая решение вопроса, 18 октября Н. Титулеску встретился в Лондоне с английским дипломатом А. Липером, который в качестве эксперта участвовал в работе Парижской мирной конференции и вроде бы дружелюбно относился к Румынии, а спустя два дня он имел беседу с министром иностранных дел Великобритании Дж. Керзоном. В этот же день Дж. Керзона посетил прибывший в Лондон Таке Ионеску.

Одновременно, после повторного напоминания Г.В. Чичерина, возобновился советско-румынский нотный диалог. В ноте от 8 октя-

бря 1920 г. румынский премьер указал на предпочтительность переговоров в рамках общей с другими лимитрофными государствами конференции, которые «для восстановления нормальных отношений между обеими странами представили бы больше гарантий устойчивости, чем непосредственные переговоры». В румынской ноте утверждалось, что «Румыния заняла по отношению к внутренним событиям в России и по отношению к враждебным действиям между Россией и другими пограничными государствами позицию совершенного и безусловного нейтралитета»¹⁴⁴.

После обсуждения 11 октября 1920 г. на Политбюро ЦК РКП(б) с участием В.И. Ленина вопроса о взаимоотношениях России и Румынии советское правительство вновь изложило свою точку зрения на характер и существо предстоящих переговоров. «Только непосредственные переговоры, — говорилось в советской ноте от 13 октября 1920 г., — могут привести к желаемому результату, так как интересы обеих стран могут быть удовлетворены с наибольшей пользой для обеих договаривающихся сторон, если никакое постороннее влияние не будет осложнять или тормозить осуществление этого общего желания... Что же касается юридической сущности международных отношений между Россией и Румынией, то этот вопрос может обсуждаться с успехом лишь во время самих предполагаемых переговоров»¹⁴⁵. Было выражено также желание, чтобы в предстоящих переговорах приняло участие и правительство Украины.

В ответной румынской ноте, датированной 22 октября 1920 г., вновь утверждалось, что Румыния не предпринимала действий, «которые могли бы привести к разногласиям, способным нарушить отношения между Румынией и Россией». Поскольку в тот момент перед правительством В.И. Ленина остро стоял вопрос организации борьбы с П.Н. Врангелем, в ответной ноте Румынии от 27 октября 1920 г. оно высказало свое недовольство и возмущение пропуском через территорию Румынии военных сил, следовавших на соединение с армией

П.Н. Врангеля в Крыму. «И это, — подчеркивалось в советской ноте, — не единственный способ помощи и содействия, оказываемых Румынским правительством бывшему генералу Врангелю и другим мятежникам, восставшим против Российского правительства»¹⁴⁶.

В дни, когда шел этот обмен нотами, произошли события, которые существенно изменили международное положение советских республик. 12 октября 1920 г. в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между Польшей, с одной стороны, РСФСР и УССР — с другой. Касаясь этого мира и выдавая его за очередное проявление жизненной силы советской власти, В.И. Ленин среди прочего сказал: «...не согласиться на мир с Советской Россией значит получить этот мир через некоторое время на более худших условиях. Такие вещи в международной политике — не забываются...»¹⁴⁷.

Трудно сказать, имел ли В.И. Ленин в виду Румынию, но с заключением советско-польского перемирия Румыния действительно осталась единственной страной на западных границах советского государства, которая еще даже не начала с ней мирных переговоров. Большевицкая пресса, которая не отличалась мягкостью в выборе слов, когда речь заходила о капиталистическом мире, стала с особым раздражением писать о политике румынских правителей. «Боярская Румыния... до сих пор не дала ответа на все наши предложения о начатии мирных переговоров, — писали «Известия». — Она не перестает интриговать с французским империализмом»¹⁴⁸. Как демонстрацию враждебности по отношению к советским республикам квалифицировала газета и то обстоятельство, что «румынское правительство принимает у себя бывшего царского дипломата Поклевского-Козела в качестве официального представителя Врангеля»¹⁴⁹.

Газета министра иностранных дел Таке Ионеску «La Roumanie» фразами о том, что «проблема мира с Россией — эта проблема всей Европы и даже всего мира», рассуждениями «о необходимости со-

лидарности между всеми союзниками»¹⁵⁰, старалась оправдать свою политику фактического ухода от переговоров с Москвой.

Под воздействием заключения перемирия между советскими республиками и Польшей усилили нажим на правительство Авереску-Ионеску те политические круги страны, которые склонялись к проведению румыно-советских переговоров, считая момент удобным для получения отказа советских республик от Бессарабии и Северной Буковины. Подвергая критике тех, кто еще делал ставку на П.Н. Врангеля, газета «Adevărul» отмечала: «Мы должны считаться с фактическим русским правительством, представляющим силу, а таким правительством являются большевики»¹⁵¹. Подчеркивая, что для Румынии факт заключения советско-польского перемирия «особенно важен» в силу того, что «это освобождает ее от того запутанного положения, в котором она находится», ясская газета «Lumea» писала: «...Нашему правительству остается немедленно вступить в мирные переговоры с Россией»¹⁵². На необходимость вести переговоры с Советской Россией вместо того, чтобы, как это делал Таке Ионеску, сколачивать Малую Антанту, указывала и газета «Avântul»¹⁵³.

Возможность нормализации советско-румынских отношений не устраивала, естественно, те круги на Западе, которые не теряли надежды на падение советской власти. В качестве альтернативы нормализации советско-румынских отношений «Le Temps» открыто подсказывала другое решение: «Есть, наверное, лишь одно средство для преодоления этих трудностей: чтобы Румыния добилась... при содействии союзников согласия русских патриотов, представляющих завтрашний режим России, на объединение Бессарабии с Румынией»¹⁵⁴. Но, как известно, расчеты на быструю смену режима в России не сбылись, да и согласия «русских патриотов» в эмиграции не было получено.

В связи с несговорчивой позицией главы румынской делегации на Парижской мирной конференции у Румынии оставались неуре-

гулированными до конца и неоформленными договорами границы с Югославией из-за раздела Баната и с Чехословакией из-за Мара-муреша — областей, ранее входивших в состав Габсбургской империи. В этом вопросе Таке Ионеску еще в бытность главой румынской эмиграции в Париже придерживался мнения, что во имя будущих союзов с этими соседними странами и учитывая позиции держав-победительниц, в этих вопросах следует идти на уступки. 27 октября 1920 г. состоялось заседание послов и было решено на второй день подписать два документа: сначала коллективный договор между Румынией, Югославией, Чехословакией и Польшей о границах, установленных в результате раздела территорий бывшей Австро-Венгерской монархии, а сразу после этого и протокол относительно Бессарабии. Так и произошло.

28 октября 1920 г. в Париже был подписан документ, который по замыслу руководителей Антанты должен был придать решению Сфатул Цэрий от 27 марта 1918 г. о присоединении Бессарабии к Румынии международно-правовую силу. Договор, вошедший в историю под названием Парижского, или Бессарабского, протокола, 28 октября 1920 г. подписали представители правительств Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии¹⁵⁵.

От Румынского королевства протокол подписали Таке Ионеску и чрезвычайный и полномочный посланник в Париже князь Д. Гика. США в силу известных причин этот документ подписывать не стали: чтобы придать документу более международный характер, его подписали представители доминионов Соединенного Королевства Великобритании: Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского союза, вряд ли имевшие представление о сути бессарабского вопроса.

Бессарабский (Парижский) протокол от 28 октября 1920 г., как и его упомянутый нами проект от 15 апреля 1920 г., состоит из 9 статей. С самого начала сказано, что «договаривающиеся стороны

признают суверенитет Румынии над территорией Бессарабии» (ст. 1) и это оправдывается «с точки зрения географической, этнографической, исторической и экономической», а также тем, что, мол, «население Бессарабии выразило желание видеть Бессарабию присоединенной к Румынии».

Учитывая возражения США против подписания документа без присутствия представителя признанного державами правительства России и оставляя возможность для американцев рано или поздно присоединиться к нему, в протоколе записано (ст. 9): «Высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к настоящему договору, как только будет существовать признанное ими российское правительство. Они сохраняют за собой право представить на арбитраж Совета Лиги Наций все вопросы, которые могли бы быть подняты российским правительством в отношении деталей настоящего договора...»¹⁵⁶. Однако содержащимся в той же 9-й статье положением о том, что «границы, определенные в настоящем договоре, равно как и суверенитет Румынии над включенными в эти границы территориями, не могут быть поставлены на обсуждение», участники договора фактически свели на нет эту оговорку. На это обстоятельство обратил внимание нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в телеграмме Совнаркому УССР от 29 октября 1920 г.¹⁵⁷

Не забыли главные авторы протокола зафиксировать в нем и то, в чем их правительства были особо заинтересованы. Согласно статье 7-й, «стороны признают, что устье Дуная, именуемое Килийским рукавом, должно перейти под юрисдикцию Европейской Дунайской комиссии»¹⁵⁸, в которой, как известно, решающее слово принадлежало Англии и Франции. То же самое следует сказать и о статье 8-й договора, гласившей: «Румыния принимает на себя ответственность за падающую на Бессарабию пропорциональную часть российского государственного долга и всех других финансовых обязательств Российского государства...»¹⁵⁹. В протоколе (ст. 3) зафиксировано

обязательство обеспечения гражданских прав и свобод национальных меньшинств, населяющих область, независимо от «расы, языка и вероисповедания».

Подписание Бессарабского протокола вызвало, как и следовало ожидать, протест правительств РСФСР и УССР. В ноте, направленной ими Великобритании, Франции, Италии и Румынии 1 ноября 1920 г. говорилось: «Узнав о том, что между великими союзными державами и Румынией подписан договор о присоединении к последней Бессарабии, Правительства Советских Республик России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами»¹⁶⁰.

Бессарабский (Парижский) протокол 28 октября 1920 г. подлежал ратификации парламентами государств, подписавших его, после этого он считался вступившим в силу. Но, как обратил внимание исследователь Мирча Митрашкэ, автор книги «Молдова: румынская провинция под русским управлением», сама Румыния «оттянула его ратификацию на полтора года», Англия ратифицировала его в 1922 г., Франция — в 1924 г., Италия — в 1927 г., а Япония вообще его не ратифицировала и, заключил автор, «он не вступил в силу». «Румыния заплатила дорого за договор, но не сумела им воспользоваться». Короче говоря, Бессарабский протокол признал Бессарабию за Румынией «*de facto*», но не обеспечил признания «*de jure*»¹⁶¹.

Версальская система мирных договоров, включая Бессарабский протокол, подводящая итоги Первой мировой войны, превратила сравнительно небольшое довоенное румынское государство в «Великую Румынию», как сами румыны стали называть свою страну. Американский исследователь Ш.Д. Спектор писал: «Падение Рос-

сийской империи — событие, которое благоприятствовало Румынии. Будь Российская империя представлена на Парижской конференции, Румыния не получила бы столько нерумынской территории и, наверное, ей не досталась бы Бессарабия и Северная Буковина. Тесно связана с исчезновением России из европейского концерта была паника, которую большевизм навел на Запад. Манипуляция этой угрозой, искусно проделанная Брэтиану, как нельзя лучше помогла его делу. В результате территориальному своему увеличению Румыния обязана в одинаковой мере Ленину, а также французам и американцам»¹⁶².

Бесспорно, Франция более упорно проталкивала на Конференции румынское требование по Бессарабии, а США наиболее упорно отказывались от признания большевистского правительства. Отмечая заслуги И.И.К. Брэтиану в создании «Великой Румынии», Ш.Д. Спектор вместе с тем утверждал: «Но Брэтиану не разрешил многие проблемы Румынии. Наоборот, он обострил их, создав империю, а не нацию». Послевоенной Румынии, увеличившей свою территорию в два раза, пришлось решать «сложную задачу ассимилировать инородное население, составлявшее 30% всего населения страны». События лета 1940 г. в Бессарабии, в частности, показали, что с этой задачей румынская администрация не справилась, и не только национальные меньшинства края, но и значительная часть этнического большинства расставалась с ней недружелюбно.

Парижский протокол 28 октября 1920 г. не только не устранил советско-румынский конфликт по вопросу Бессарабии, а еще больше обострил его. На протяжении всех межвоенных лет, в зависимости от обстановки на европейском континенте, он то утихал, то обострялся, особенно в начале Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

¹ Le Temps, 1918.17.08.

² La Sentinelle, 1918.4.10.

³ Le Petit Journal, 1918.31.10.

⁴ Seişanu R. Take Ionescu. Omul, ideile şi faptele sale. Bucureşti. P. 311, 314.

⁵ Liveanu V. 1918. Din istoria luptelor revoluţionare din România. Bucureşti, 1960. P. 346, 347.

⁶ Steagul. 1918.6.11.

⁷ Боротьба трудящих Буковини за соціальне і національне визволення і возз'єднання з Українською РСР. 1917—1941. Документи і матеріали. Чернівці, 1958. С. 126.

⁸ Steagul. 1918.7.11.

⁹ Marghiloman A. Note politice. 1897—1924. Vol. IV. P. 101, 110, 119.

¹⁰ Подробно о политике румынских правящих кругов в конце мировой войны и в преддверии Парижской конференции см.: И. Левит. Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1911 — ноябрь 1918 г.). Кишинев, 2000. С. 417—431.

¹¹ Последние новости. 1918.17(30).11.

¹² Там же.

¹³ См.: История Украинской ССР. Т. 6. Киев, 1984. С. 357, 358; История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 94, 95.

¹⁴ История Украинской ССР. Т. 6. С. 369.

¹⁵ Известия ЦИК. 1918.12.11.

¹⁶ Красная Армия. 1918. 12.11.

¹⁷ Сфатул Цэрий. 1918. 15 (2) 11.

¹⁸ Le Temps. 1918.18.12.

¹⁹ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în lumina corespondenței diplomatice a lui Ion I. C. Brătianu. București, 1939. Р. 33–34.

²⁰ Pelivan I. Discurs ținut la ședința Camerei de la 9 și 10 iulie 1920. Р. 18.

²¹ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 727. Оп. 2. Д. 100. Л. 7, 13 об.; Renașterea. 1918.10.11.

²² НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–4 об.; Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 125. Оп. 3а. П. 9. Д. 14. Л. 4-9.

²³ Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 231–233.

²⁴ Там же. С. 233, 234.

²⁵ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.): Сб. док. и материалов. Кишинев, 1970. С. 217–219.

²⁶ Marghiloman A. Op. cit. Vol. IV. Р. 313.

²⁷ Dobrinescu Valeriu Florin. Bătălia diplomatică pentru Basarabia 1918–1940. Iași, 1991. Р. 17, 18.

²⁸ Țăcu O. Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919–1939). Chișinău, 2004. Р. 21.

²⁹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. I. Май 1918 — март 1919. М., 1960. С. 57.

³⁰ Черчилль У. Мировой кризис / Пер. с англ. М.; Л., 1932. С. 105.

³¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. I. С. 59.

³² Там же. С. 62.

³³ Там же. С. 64.

³⁴ Известия ЦИК. 1918.14.11.

³⁵ История Украинской ССР. Т. 6. С. 367–368.

³⁶ Известия ЦИК. 1918.14.11.

³⁷ Glasul Bucovinei. 1918.07.12.

³⁸ 1918 la români. Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Recunoașterea ei internațională. 1918. Documente interne și externe. August 1918 — iunie 1919. V. III. București, 1986. P. 76, 78.

³⁹ Glasul Bucovinei. 1918.24.11.

⁴⁰ Известия ЦИК. 1918.30.11.

⁴¹ Glasul Bucovinei. 1918.22.12.

⁴² Cușnir-Mihailovici C. Mișcarea muncitorească din România între anii 1917-1921. Crearea PCR. București, 1961. P. 180.

⁴³ Duca I. G. Amintiri politice. V. III. München, 1982. P. 155, 160.

⁴⁴ Подробно см.: Liveanu V. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. București, 1960. P. 364–398.

⁴⁵ The Times. 1919.14.01.

⁴⁶ Le Temps. 1919.18.01.

⁴⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 125. Оп. 1. П. 3. Д. 30. Л. 85.

⁴⁸ За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.): Сб. док. и материалов. Кишинев, 1970. С. 143.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 144.

⁵¹ Там же. С. 342.

⁵² Виноградов В. Н. Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 292.

⁵³ В ряде документов «Комитет освобождения Бессарабии» именуется еще и «Союзом освобождения Бессарабии».

⁵⁴ Под воззванием стоят следующие подписи: Председатель Центрального комитета генерал Глинский. Члены комитета: И. Чобану, проф. Пажура, Верин-Константинеску, Холдевич, инженер Сапон. Секретарь комитета: Мелега.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 125. Оп. I. П. 3. Д. 130. Л. 140–141.

⁵⁶ Там же. Декларация состояла из четырех разделов: неразрывная связь Бессарабии с Россией; организация Сфатул Цэрий; акт 27 марта 1918 г. и присоединение Бессарабии к Румынии; действия оккупационных румынских войск и недовольство народностей Бессарабии.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 125. Оп. I. П. 3. Д. 130. Л. 141. Через газету «Киевская мысль» комитет обращался к бессарабцам и всем, обладающим сведениями о положении вещей в крае, с просьбой сообщать ему такие данные для разоблачения румынских властей и Сфатул Цэрий, адресуя их редакции «Киевской мысли». Некоторые воззвания Одесского комитета подписаны: председатель — профессор С.В. Твердохлебов; члены — А.Н. Крупенский, А.К. Шмидт и др. Среди руководителей Союза были и бывшие члены партии народных социалистов.

⁵⁸ Сомневаясь, что решения Сфатул Цэрий о присоединении Бессарабии к Румынии будут сочтены мировой общественностью свободным волеизъявлением народа, правители королевской Румынии решили прибегнуть к еще одному маневру. В ноябре 1918 г. появился декрет короля, обязывающий жителей принять участие в предстоящих выборах в румынский парламент. За уклонение налагался штраф в размере от 10 до 500 леев. Участие в указанных выборах должно было продемонстрировать союзным державам, что население признает себя подданными Румынии.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 125. Оп. I. П. 3. Д. 130. Л. 99.

⁶⁰ В «Записке» отмечено, что «полномочие авторов на подписание и представление» данного документа не оглашается, «ибо в случае

если бы они стали известны румынской государственной власти, то их действия были бы парализованы и они лишились бы возможности не только составить, но и подписать таковую, не говоря уже о невозможности ее представить по принадлежности». НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 100. Л. 1 об.

⁶¹ Там же. Л. 1.

⁶² Там же. Л. 2.

⁶³ Там же. Л. 2 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶⁶ Там же. Л. 3.

⁶⁷ Там же. Л. 3 об.

⁶⁸ Там же. Л. 5.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Л. 11, 13 об.

⁷³ Там же. Л. 34.

⁷⁴ Там же. Л. 15 об.

⁷⁵ Там же. Л. 34.

⁷⁶ Там же. Л. 36.

⁷⁷ Там же. Л. 37.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Л. 37, 37 об.

⁸⁰ В первой половине декабря 1918 г. в Одессу хлынули войска Директории, но вскоре были выдворены из города. Французские интервенты постепенно расширяли зону своего контроля. В конце января 1918 г. они захватили южную часть левобережья Днестра с г. Тирасполем, железнодорожные линии Одесса—Раздельная—Тирасполь и Одесса—Аккерман. Севернее Тирасполя властвовали петлюровцы.

⁸¹ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 1. П. 3. Д. 30. Л. 92 об., 93.

⁸² Там же. Оп. 3. П. 9 а. Д. 26. Л. 11.

⁸³ Там же. П. 3. Д. 30. Л. 18, 18 об.

⁸⁴ Там же. Л. 18 об.

⁸⁵ По образцу Советов рабочих и крестьянских депутатов Директория стала создавать «трудовые советы». 12—15 января (по новому стилю) 1919 г. были спешно проведены выборы в «Трудовой конгресс» (парламент). Большевики бойкотировали выборы и на предвыборных собраниях критиковали политику Директории.

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 125. Оп. I. П. 3. Д. 130. Л. 91.

⁸⁷ Проект устава подписали: А.О. Александров, Н.П. Гвоздев, А.М. Дайхлес, М.И. Кравченко, Н.Н. Хацкевич, И.Н. Криворучков, Н.Г. Фалковский.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 125. Оп. I. П. 3. Д. 130. Л. 94.

⁸⁹ Calafeteanu I. Recunoașterea statutului de aliat al României de către mărire puteri la conferința de la Paris // Revista arhivelor. 1978. N. 3. P. 278.

⁹⁰ Le Temps. 1918.20.11.

⁹¹ Xenii C. Take Ionescu. 1858—1922. Ed. III ș. a. P. 373; Seișanu R. Take Ionescu. Omul, ideile și faptele sale. București, 1930. P. 311.

⁹² Calafeteanu I. Op. cit. P. 279.

⁹³ См.: Papers Relating to the Foreign Relations on the United States. 1919. The Paris peace conference. V. I. Washington, 1942. P. 401 (далее: Papers Relating... The Paris peace conference).

⁹⁴ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în lumina corespondenței diplomatice a lui Ion I.C. Brătianu. București, 1939. P. 29.

⁹⁵ Calafeteanu I. Op. cit. P. 279.

⁹⁶ 1918 la români. Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Documente externe. 1916—1918. V. II. București, 1983. P. 1311.

⁹⁷ Ibidem. P. 1263.

⁹⁸ Ibidem. P. 1264.

⁹⁹ Calafeteanu I. Op. cit. P. 280. Ранее С. Пишон сообщил румынскому посланнику в Париже, что Румыния находится по отношению к союзникам в таком же положении, как и до подписания договора в Бухаресте с Центральными державами (Ibidem. P. 279).

¹⁰⁰ Ibidem. P. 281.

¹⁰¹ Brătianu Gh. Op. cit. P. 29. В связи с появлением в румынском «Официальном вестнике» («Monitorul oficial») королевского Декрета об объединении с Румынией Баната и Трансильвании министр иностранных дел Франции С. Пишон полагал нужным заявить румынскому правительству от имени союзников, что «они оставляют право за собой сделать оговорку на сей счет и напомнить ему, что только мирная конференция правомочна высказаться об окончательной принадлежности указанных территорий». Об этом демарше С. Пишон предложил уведомить Белград (См.: 1918 la români... V. II. P. 1294). Правительство Франции явно стремилось сохранить за собой свободу рук для маневрирования, в частности, в румыно-сербском конфликте по вопросу о Банате.

¹⁰² Xenî C. Take Ionescu. 1858—1922. Ed. III. S. I., S. a. P. 396.

¹⁰³ Как известно, Вашингтон не считал себя связанным договором, заключенным участниками антантовского блока до вступления США в войну.

¹⁰⁴ Цит. по: Seişanu R. Op. cit. P. 319.

¹⁰⁵ Ibidem. P. 320.

¹⁰⁶ Ibidem. P. 328, 339; Brătianu Gh. Op. cit. P. 32—33.

¹⁰⁷ Actes et Documents concernant la question roumaines. Paris, 1918. P. 49—51.

¹⁰⁸ Papers Relating... The Paris peace conference. V. I. P. 405.

¹⁰⁹ Цит. по: Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М., 1974. С. 66.

¹¹⁰ Seişanu R. Op. cit. P. 327.

¹¹¹ Le Temps. 1918.8.12.

¹¹² Seişanu R. Op. cit. P. 329.

¹¹³ Цит. по кн.: Язькова А.А. Указ. соч. С. 66.

¹¹⁴ Duca I. G. Op. cit. P. 156.

¹¹⁵ 1918 la români... V. II. P. 1297.

¹¹⁶ Ibidem. V. III. P. 93.

¹¹⁷ Ibidem. V. II. P. 1298.

¹¹⁸ Ibidem. V. III. P. 127.

¹¹⁹ Celafeteanu I. Op. cit. P. 282.

¹²⁰ Ibidem. P. 282, 283.

¹²¹ 1918 la români... V. III. P. 176.

¹²² Ibidem. V. II. P. 1293–1294.

¹²³ Ibidem. V. III. P. 100.

¹²⁴ Ibidem. P. 176.

¹²⁵ Brătianu Gh. Op. cit. P. 30.

¹²⁶ 1918 la români... V. II. P. 1293–1294; V. III. P. 176.

¹²⁷ Вопрос о составе делегации остро дебатировался в правящих кругах страны. Король Фердинанд по рекомендации придворных советников выражал желание видеть в составе делегации кроме И.И.К. Брэтиану также Таке Ионеску и Н. Мишу. Кандидатуры последних поддерживались Лондоном и Парижем. Но Таке Ионеску в силу упоминавшихся расхождений с И.И.К. Брэтиану, в первую очередь относительно западного Баната, а также преследуя личные политические цели, отказался приехать в Бухарест для выработки единой линии делегации на мирной конференции (Dobrinescu V. F. *Relații româno-engleze (1914–1933)*. Iași, 1985). И. Дука писал, что этим он нанес вред стране (См.: Duca I.G. Op. cit. P. 151). Вместе с тем, отправляясь в Париж, И.И.К. Брэтиану на всякий случай захватил с собой подписанный королем декрет о назначении Таке Ионеску вторым делегатом от Румынии на мирной конференции (См.: Ibidem. P. 158).

¹²⁸ Brătianu Gh. Op. cit. P. 31; 1918 la români... V. III. P. 133.

¹²⁹ Duca I.G. Op. cit. P. 158.

¹³⁰ 1918 la români... V. III. P. 114–115.

К главе II

¹ Подробнее об этом см: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 70.

² См.: Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). Т. I. М., 1957. С. 626–627.

³ Там же. Т. II. М., 1958. С. 24–26, 33.

⁴ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 3-е, испр. и доп. Кишинев, 1981. 0.98.

⁵ Там же. С. 99. 17 октября 1913 г. бессарабец В.И. Гарский направил в НКВД РСФСР Г.В. Чичерину записку о необходимости создания в Москве «Бюро бессарабцев, стоящих на точке зрения советской власти». 18 декабря эта записка была направлена Я.М. Свердлову (См.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.): Сб. док. и материалов. Кишинев, 1967. С. 259).

⁶ На сохранившемся в архиве МИД СССР экземпляре есть печать, на которой читаем: «Республиканская армия. Бессарабец. Генеральный штаб». (См.: АВП РФ. Ф. 125. Оп. 1. П. 3. Д. 30. Л. 84).

⁷ Хотин в огне восстания. М., 1929. С. 103.

⁸ Там же. С. 104. О Хотинском восстании см.: Хотинское восстание: Сб. док. и материалов. Кишинев, 1976.

⁹ Marghiloman A. Note politice. 1897–1924. V. IV. 1918–1919. București, 1927. P. 226.

¹⁰ НАРМ. Ф. 706. Оп. 2. Д. 567. Л. 180. И. Антонеску вспомнил о «подвигах» генерала Давидоглу в связи с обсуждением действий румынской администрации на оккупированной территории между Днестром и Бугом, в так называемой «Транснистрии».

¹¹ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 3а. П. 9. Д. 36. Л. 9.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Хотинское восстание: Сб. док. и материалов. Кишинев, 1976. С. 100.

¹⁵ Там же. С. 101–105.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 1. П. 3. Д. 30. Л. 111–111 об.

¹⁷ В «Объединенный еврейский политический комитет» входили следующие партии и группы: сионистская, национально-демократическая, еврейская народная и «Цейрей цион».

¹⁸ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 1. П. 3. Д. 30. Л. 115.

¹⁹ Меморандум написан председателем совета Н. Радонежским и членами Ф. Наборским и М. Садовичем.

²⁰ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 1. П. 3. Д. 30. Л. 122–124 об.

²¹ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). Т. II. М., 1958. С. 52.

²² АВП РФ. Ф. 125. Оп. 3а. П. 9. Д. 36. Л. 5.

²³ Одесский листок. 1919.15(2).02.

²⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris peace conference. V. III. Washington, 1943. P. 733.

²⁵ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 3а. П. 9. Д. 11. Л. 10. На этом митинге «от имени молдаван» выступал Н.К. Черкуль-Куш. Другой оратор, В.Я. Макотин, выразил надежду, что «Россия сама воскреснет и подаст руку помощи Бессарабии», а С.И. Родичев возложил ответственность за оккупацию края королевской Румынией на «большевиков и немцев» (Там же).

²⁶ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 3а. П. 9а. Д. 26. Л. 11; Д. 33. Л. 1, 2.

²⁷ Там же. Д. 26. Л. 11.

²⁸ Rangheț B. Relațiile româno-americane în perioada primului război mondial (1916–1920). Cluj Napoca, 1975. P. 167, 168.

²⁹ Le Temps. 1919.18.01.

³⁰ Duca I.G. Amintiri politice. V. III. München, 1982. P. 181, 184.

³¹ Spector Sh.D. Roumania at the Paris Pease Conference. A study of the diplomacy of I.I.C. Brătianu. New York, 1962. P. 81–82.

³² Ibidem.

³³ Rangheț D. Op. cit. P. 174, 176.

³⁴ Dobrinescu V.F. Relații româno-engleze (1914–1933). Iași, 1986.

³⁵ Le Temps. 1919.2.02.

³⁶ 1918 la români. Documente externe. 1916–1918. V. II. București, 1983. P. 196, 197.

³⁷ Dobrinescu V.F. Op. cit. P. 43. По мнению Г. Брэтиану, надежды, возлагаемые на эти поездки короля и королевы, не оправдались (Brătianu Gh. Op. cit. P. 55). И. Дука же считал, что появление королевы в Лондоне и Париже явилось ошибкой (Duca I. G. Op. cit. P. 184).

³⁸ Le Temps. 1919.9.03; Spector Sh.D. România și Conferința de Pace de la Paris. Diplomația lui Ion I.K. Brătianu. Institutul European, 1995. P. 138, 139.

³⁹ Ibidem. 19.01.

⁴⁰ Ibidem. 20.01.

⁴¹ Ibidem. 6.03.

⁴² Rangheț B. Op. cit. P. 178–180. В этот же день, 31 января 1919 г., И.И.К. Брэтиану присутствовал на заседании Верховного Совета конференции, на котором были рассмотрены румынские и сербские притязания на область Банат (См.: Sherman David Spector. Op. cit. P. 101–107).

⁴³ Paper Relating... 1919. The Paris peace conference. V. III. P. 841–843.

⁴⁴ Ibidem. P. 843.

⁴⁵ Ibidem. P. 847–848.

⁴⁶ Ibidem. P. 849.

⁴⁷ Ibidem. P. 850, 851; См. также: Spector Sh. D. Op. cit. P. 108–114; Mitrasca M. Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers. Algors Publishing. NY. P. 66–68, 85.

⁴⁸ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în lumina corespondenței diplomatice a lui Ion I.C. Brătianu. București, 1939.

В эти дни газета «Glasul Bucovinei» поместила статью «Заднеэстровские румыны». Ее автор, некий Н. Котос, сославшись на решение «великого собрания» от 18 декабря 1917 г. в Тирасполе, принявшего решение «соединиться с братьями из Молдавии, то есть из Бессарабии и Румынии», которое, однако, не осуществилось из-за того, что «Россия и Украина погрузились в большевизм», сказал, что, трудно предсказать судьбу этих братьев. В угрожающем тоне Н. Котос рекомендовал украинцам «держаться язык за зубами», ибо, как он писал, «на Украине больше румын, чем украинцев у нас...» (Glasul Bucovinei. 1919.2(15).02). Н. Йорга опубликовал брошюру под названием «Заднеэстровские румыны», на обложке которой имелся многозначительный подзаголовок: «Разъяснение для оказания им помощи в борьбе» (См.: Iorga N. Românii de peste Nistru. Iași, 1918).

⁴⁹ Le Temps. 1919.3.02.

⁵⁰ На следующий день французский официоз опубликовал полный текст договора Румынии с Францией, Великобританией, Россией и Италией, подписанного 4 (17) августа 1916 г. (см.: Ibidem. 4.02).

⁵¹ ДВП СССР. Т. II. С. 64.

⁵² Там же. С. 65—66.

⁵³ Там же. С. 66.

⁵⁴ Рассказывая о ходе обсуждения бессарабского вопроса в Париже, «Одесский листок» интерпретировал позицию английских и американских делегатов как стремление возратить Бессарабию России (См.: Одесский листок. 1919.26.02).

⁵⁵ Rangheț V. Op. cit. P. 184—188.

⁵⁶ Brătianu Gh. Op. cit. P. 53.

⁵⁷ История Украины. Т. 6. Киев, 1984. С. 397.

⁵⁸ Известия ЦИК. 1919.1.03.

⁵⁹ История Молдавской ССР. Т. II. Кишинев, 1968. С. 100, 101.

⁶⁰ Brătianu Gh. Op. cit. P. 52.

⁶¹ Марти А. Славные дни восстания на Черном море. М., 1949. С. 52; Березин Б., Левит И. Из истории борьбы трудящихся Бес-

сарабии против интервенции Антанты на юге Украины и в Молдавии в начале 1919 г. // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1953. № 3—4.

⁶² Le Temps. 1919.9.02.

⁶³ Бессарабский вестник. 1919.2(15).03.

⁶⁴ Сразу же после занятия Тирасполя Приднестровский партизанский отряд был реорганизован и создан новый штаб, который стал именоваться Штабом 1-й Южной советской армии.

⁶⁵ Известия ЦИК. 1919.1.03.

⁶⁶ Там же. 18.03.

⁶⁷ 13 февраля сформировано новое правительство Директории, более приемлемое для Франции, оно обратилось к Парижу с официальной нотой, в которой подчеркивало, что «отдает себя под покровительство Франции...» и «надеется на великодушие Франции и других держав Согласия, когда по окончании войны с большевизмом возникнут вопросы о границах». В этом же месяце в результате переговоров между представителями Директории и французского командования, проходивших в Одессе и Бирзуле, было достигнуто соглашение, фактически поставившее Украину под контроль Антанты (См.: Гражданская война на Украине, 1918—1920 гг. Сб. док. и материалов. Т. 1. Кн. 2. Киев, 1967. С. 171, 175.

⁶⁸ Там же. С. 201—202.

⁶⁹ Le Temps. 1919.20.02.

⁷⁰ Desăvîrșirea unității național-statale a poporului român. Recunoașterea ei internațională. 1918. Documente interne și externe. August 1918 — iunie 1919. V. III. București, 1986. P. 256.

⁷¹ Le Temps. 1919. 26, 28, 30. 03.

⁷² Ibidem. 30.03.

⁷³ 1918 la români... V. III. P. 250.

⁷⁴ Brătianu Gh. Op. cit. P. 55.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Le Temps. 1919.30.03.

⁷⁷ Bucovina. 1919.3.04.

⁷⁸ Бессарабия. 1919.25(12).04.

⁷⁹ Le Temps. 1919.3.04.

⁸⁰ Ibidem. 7.04.

⁸¹ Ibidem. 4.04.

⁸² Ibidem. 6.04.

⁸³ Ibidem. 4.04.

⁸⁴ The Times. 1919.11.04.

⁸⁵ Brătianu Gh. Op. cit. P. 54, 56.

⁸⁶ Le Temps. 1919.26.04.

⁸⁷ Черчилль У. Мировой кризис / Пер. с англ. М.; Л., 1932. С. 170.

⁸⁸ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.): Сб. док. и материалов. Кишинев, 1967. С. 262.

⁸⁹ Там же. С. 262. В телеграмме Бессарабского бюро при ЦК РКП(б) в Киеве в ЦК РКП(б) о своей деятельности среди прочего сказано: «ЦК Украины (Раковский и Подвойский) утверждена докладная записка о формировании Особой бессарабской армии» (Там же. С. 278).

⁹⁰ Там же. С. 266. 6 апреля 1919 г. ЦК КП(б) Украины и Бессарабское бюро при ЦК РКП(б) обратились к В.И. Ленину и Я.М. Свердлову с просьбой откомандировать бессарабских партийных и советских работников, в том числе активных борцов за советскую власть в Бессарабии И.И. Гарькавого, И.Э. Якира, И.А. Рожкова, Ф.Я. Левензона и других в распоряжение Реввоенсовета Украины (Там же. С. 270–271).

⁹¹ За власть Советскую. С. 165.

⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 313.

⁹³ Ленинский сборник. XXXVI. С. 74; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 186.

⁹⁴ Spector Sh.D. Op. cit. P. 133.

⁹⁵ Brătianu Gh. Op. cit. P. 56.

⁹⁶ См.: История Польши. Т. III. М., 1965. С. 126.

⁹⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г. М., 1964. С. 199 (далее: ДМИСПО).

⁹⁸ Имеется в виду уход иностранных войск из этого города под натиском Красной армии.

⁹⁹ ДМИСПО. Т. II. С. 213.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 214.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 215.

¹⁰⁵ Речь идет о галицийских войсках.

¹⁰⁶ ДМИСПО. С. 222, 223. 8 мая 1919 г. на заседании комиссии по перемирию между Польшей и Западной Украиной, созданной на Парижский мирной конференции, Т. Развадовский подтвердил, что целью военных операций польской армии «является создание вместе с Румынией единого фронта против большевиков от Ровно через Каменец-Подольск и далее по Днестру» (Там же. С. 230).

¹⁰⁷ Brătianu Gh. Op. cit. P. 57.

¹⁰⁸ ДМИСПО. С. 203, 204.

¹⁰⁹ Documente din istoria Partidului comunist din România. 1917—1922. Ed. a 2-a. București, 1956. P. 139—148 (далее: DIPCR)

¹¹⁰ Под знаменем пролетарского интернационализма. Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов. 1917—1920 гг.: Сб. док. и материалов. М., 1970. С. 138—139, 152—153, 156—162 (далее: ПЗПИ).

¹¹¹ Documente din istoria mișcării muncitorești din România. 1916—1921. București, 1966. P. 166 (далее: DIMMR).

¹¹² DIPCR. V. I. P. 134.

¹¹³ Brătianu Gh. Op. cit. P. 58.

¹¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 540.

¹¹⁵ ДВП СССР. Т. II. С. 148.

¹¹⁶ Там же. С. 149.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 150.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 151.

¹²² Там же. С. 152.

¹²³ Гражданская война на Украине: Сб. док. и материалов: В 3-х т. Киев, 1967. Т. II. С. 16–17.

¹²⁴ Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. II. С. 5. В.И. Ленин ознакомился с телеграммой Н.И. Подвойского о формировании Бессарабской дивизии 10 мая 1919 г. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 164).

¹²⁵ Гражданская война на Украине. Т. II. С. 20.

¹²⁶ Известия. 1919.4.05.

¹²⁷ Гражданская война на Украине. Т. II. С. 16–17. О Бессарабской советской республике см.: Волкова А.З. Первый опыт Молдавской советской государственности на территории Приднестровья: Бессарабская советская социалистическая республика. 1919 г. // Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь, 2005. С. 84–88.

¹²⁸ Борьба трудящихся Молдавии... С. 296–298. 4 мая на пленуме ЦК РКП(б) с участием В.И. Ленина был рассмотрен вопрос и принято решение о недопустимости существования нескольких независимых Бессарабских бюро и о необходимости возложить руководство партийной работой в Бессарабии на ЦК КП(б)У (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 164).

¹²⁹ Борьба трудящихся Молдавии... С. 298–299.

¹³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 310.

¹³¹ Там же. Т. 38. С. 186.

¹³² DIPCR. P. 140.

- ¹³³ Борьба трудящихся Молдавии... С. 299.
- ¹³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 286–287, 290.
- ¹³⁵ Там же. С. 290.
- ¹³⁶ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 3. М., 1932. С. 215.
- ¹³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 302–303.
- ¹³⁸ 15 мая 1919 г. в телеграмме на имя В.И. Ленина Х.Г. Раковский докладывал: «С Григорьевым через три-четыре дня [будет] покончено, но не с григорьевщиной» (Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 556. Л. 48).
- ¹³⁹ Brătianu Gh. Op. cit. P. 51.
- ¹⁴⁰ ДВП СССР. Т. II. С. 172.
- ¹⁴¹ Glasul Bucovinei. 1919.27.05. Накануне газета отмечала, что «в последнее время» Буковина «удостоилась визитов многих миссий, посланных союзниками», в том числе под видом научной экспедиции. В корреспонденции сообщалось, что на одном из банкетов английский генерал Гринлей высказал удовлетворение позицией Румынии, которая «в мире окружающего ее большевизма осталась стойким стражем доброго порядка и европейской цивилизации» (Ibidem. 22.05).
- ¹⁴² РГАНИ. Оп. 3. Д. 556. Л. 56.
- ¹⁴³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 256.
- ¹⁴⁴ Mitrasca M. Op. cit. P. 69, 70.
- ¹⁴⁵ Brătianu Gh. Originea et formation de l'uni te roumaine. București. 1943. P. 308.
- ¹⁴⁶ Papers Relating to the Foreing Relations on the United States. 1919. The Paris peace conference [PR FRUS RPCI]. V. II. Wahington, 1943. P. 672. Эта оговорка американского дипломата послужила мотивом для откладывания вопроса о Бессарабии на заседании Совета четырех министров иностранных дел 19 и 27 мая 1919 г. (Ibidem. V. IV. P. 719; V. VI. P. 72).
- ¹⁴⁷ См.: Лапина И.М. Вопрос о Буковине в русско-румынских дипломатических отношениях (1914–1916 гг.) // Проблемы внутри- и

внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев, 1988.

¹⁴⁸ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919... P. 68.

¹⁴⁹ 1918 la români... V. III. P. 402.

¹⁵⁰ Ibidem. P. 383—385.

¹⁵¹ Совет Министров Румынии решил не отвечать на телеграмму Белы Куна с требованием отвести румынские войска на демаркационную линию под тем предлогом, что правительство Советской Венгрии им не признано. Он отверг также требование Антанты насчет отвода войск (Le Temps. 1919.30.06).

¹⁵² Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919... P. 91, 92, 106, 107. Защищая позицию своего дяди, Г. Брэтиану договорился до того, что якобы к 10 июня Верховный Совет Антанты «был настроен благожелательно к коммунистическому режиму в Венгрии и намеревался достигнуть с ним соглашения» (Ibidem. P. 107).

¹⁵³ 1918 la români... V. III. P. 460.

¹⁵⁴ Neamul Românesc. 1919.21.05.

¹⁵⁵ Dacia. 1919.23.05.

¹⁵⁶ L'indépendance Roumaine. 1919.20.05.

¹⁵⁷ Viitorul. 1919.9.06.

¹⁵⁸ Ibidem. 10.06.

¹⁵⁹ 1918 la români... V. III. P. 450—453.

¹⁶⁰ Ibidem. V. III. P. 457.

¹⁶¹ Штейн Б.Е. Указ. соч. С. 310.

¹⁶² Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. 1812—1918. Iași, I. A. P. 334, 335.

¹⁶³ Papers Relating... 1919. The Paris peace conference. V. III. Washington, 1946. P. 587; DBFP. V. I. P. 920.

¹⁶⁴ L'Humanité. 1919.22.06.

¹⁶⁵ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First Series. V. 3. 1919. London, 1949. P. 330 (далее: DBFP).

¹⁶⁶ Papers Relating... 1919. The Paris peace conference... V. III. P. 323.

¹⁶⁷ Ibidem. V. VII. Washington, 1946. P. 4–3; DBFP. 1919–1939. First series. V. 1. 1919. London, 1947. P. 4.

¹⁶⁸ DBFP. V. I. P. 6.

¹⁶⁹ Ibidem. P. 7.

¹⁷⁰ Ibidem. P. 8.

¹⁷¹ Ibidem. P. 7.

¹⁷² Ibidem. P. 11.

¹⁷³ Ibidem. P. 10, 11; Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919... P. 96.

¹⁷⁴ L'Excelsior. 1919.3.07.

¹⁷⁵ 1918 la români. V. IV. P. 24, 25.

¹⁷⁶ La Bataille. 1919.4.07.

¹⁷⁷ См.: L'Humanité. 1919.3.07.

¹⁷⁸ См.: L'Information. 1919.5.07.

¹⁷⁹ L'Humanite. 1919.4.07; La Bataille. 1919.4.07.

¹⁸⁰ La Victoire. 1919.3.07; Le Matin. 1919.3.07; Paris-Midi. 1919.4.07.

¹⁸¹ Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Recunoașterea ei internațională. 1918. Documente interne și externe. Iulie 1919 – octombrie 1919. V. IV. București, 1986. P. 6, 7.

¹⁸² Le Temps. 1919.4.07. Сам И.И.К. Брэтиану заявил, что его «вынуждают уйти от руководства не по причине проблем Баната и Бессарабии, оставшихся еще нерешенными», а из-за того, что Румыния не могла согласиться с положением относительно национальных меньшинств (в первую очередь, относительно предоставления гражданских прав евреям), внесенным в договор с Австрией, которое «ограничивает румынский суверенитет» (Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României. P. 98).

¹⁸³ Desbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1919–1920. № 15. P. 6.

¹⁸⁴ DBFP. 1919—1939. First series. V. 6. 1919. London, 1956. P. 21.

¹⁸⁵ Ibidem. P. 22.

¹⁸⁶ Ibidem. P. 33.

¹⁸⁷ Ibidem. P. 173.

¹⁸⁸ В это время в Париже был задуман план образования под эгидой Франции Дунайской конфедерации, в которую вошли бы государства Дунайского бассейна, включая Австрию и Венгрию, а также Польша. Стремясь не допустить укрепления позиций Франции в Европе, Англия не поддерживала данную идею.

¹⁸⁹ Лиман (Limanul). 1919.11.07. (газета издавалась в Аккермане на русском и румынском языках).

¹⁹⁰ Duca I. Op. cit. P. 186.

¹⁹¹ Bucovina. 1919.16.08.

¹⁹² Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României... P. 156—157.

¹⁹³ L'Humanité. 1919.5.07.

¹⁹⁴ L'Humanité. 1919.7.07.

¹⁹⁵ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României... P. 157.

¹⁹⁶ Cazacu P. Op. cit. P. 337. Такое же требование выдвигал в своем меморандуме, переданном на рассмотрение конференции 25 сентября 1919 г., небезызвестный Б. Савинков. Он писал, что без согласия России нельзя решать вопрос о Бессарабии, учитывая, что этот край не проявил желаний объединиться с Румынией (См.: Ibidem).

¹⁹⁷ L'Humanité. 1919.7.07.

¹⁹⁸ La Roumanie. 1919.7.04; 8, 10, 15, 29.05; 5, 12.06; и др.

¹⁹⁹ Pelivan I.G. L'union de la Bessarabie `a la mere-patrie-la Roumanie. Bucarest, s. a. P. 3, 4.

²⁰⁰ Pelivan I. G. La Bassarabie sous le regime russe (1812—1918). Paris, 1919.

²⁰¹ Pelivan I. G. Le droits des Romanins sur la Bessarabie. Au point de vue historigue, etnique et de la autodetermination. Paris, 1920.

²⁰² Ibidem. P. 19.

²⁰³ Le Temps. 1919.14.07.

²⁰⁴ Ibidem. 18.07.

²⁰⁵ Antonescu I. Românii. Originea, trecutul, sarificiile și drepturile lor. București, 1919. P. 70, 74, 80, 81.

²⁰⁶ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919. P. 96.

²⁰⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris peace conference. 1919. V.VII. Washington, 1946. P. 455—457.

²⁰⁸ Ibidem. P. 458.

²⁰⁹ Ibidem. P. 459.

²¹⁰ Le Temps. 1919.25.08. В интервью прессе румынский посланник в Париже В. Антонеску отметил, что «счастливый итог румынской интервенции позволил представителям союзных и присоединившихся стран вступить в Будапешт и ликвидировать в центре Европы очаг большевистской пропаганды, представлявший опасность для всех цивилизованных народов» (Le Temps. 1919.14.09).

²¹¹ DBFP. V. 1. P. 408.

²¹² Ibidem. P. 409. В печати было объявлено, что выборы в румынский парламент состоятся в сентябре 1919 г., что они будут проводиться также в Бессарабии, где явятся «новым народным подтверждением» правомерности акта объединения края с Румынией, провозглашенного «национальной ассамблеей» (то есть Сфатул Цэрий) 27 марта 1918 г. (Le Temps. 1919.18.07). В этот же день, 13 августа 1919 г., на совещании американских экспертов по обсуждению будущих границ Польши с Россией был затронут и вопрос о Бессарабии. Но пришли к выводу, что он заслуживает специального рассмотрения с учетом вышеупомянутого ответа адмирала Колчака и положения Румынии в данный момент. (PR FRUS. PPC. V. II. P. 382—383).

²¹³ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României... P. 150.

²¹⁴ DBFP. V. 1. P. 634.

²¹⁵ Ibidem. P. 646—649.

²¹⁶ 1918 la români... V. IV. P. 152—154. 10 сентября Б. Сент-Олер докладывал МИДу Франции, что король и королева в частной беседе заявили, что с определенными поправками в преамбуле договора и относительно «привилегированного положения» евреев они готовы были подписать этот документ. Французский посланник рекомендовал найти пути для облегчения подписания договора, чтобы тем самым сохранить «преимущество» Франции в Румынии. (См.: Ibidem. P. 430).

²¹⁷ Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României... P. 158.

²¹⁸ Ibidem.

²¹⁹ Со ссылкой на сообщение из Кишинева «Le Temps» пустила в ход слух, что «делегация большевиков встретилась с румынским генералом, командующим румынским фронтом на Днестре, чтобы от имени Ленина предложить почетный мир, гарантирующий Румынии полное владение Бессарабией», при условии, что «Румыния пообещает не оказывать помощь ни украинцам (то есть петлюровцам. — И. Л.), ни сторонникам Колчака» (Le Temps. 1919.7.07). Об ответе из Бухареста не говорилось. Вскоре этот слух был подхвачен и другими газетами, в том числе бессарабскими, которые со ссылкой на «Le Temps» поведали о нем своим читателям (См.: Лиман. 1919.16.07).

²²⁰ В «Бюллетене» от 7(20) сентября сообщалось, что когда Ямполь был занят большевиками, то местечко обстреливалось румынскими войсками. Стоило появиться там петлюровцам, и обстрелы прекращались, начинались взаимные визиты.

²²¹ Bucovina. 1919.17.09.

²²² Le Temps. 1919.19.10.

²²³ Известия. 1919.9.11.

²²⁴ DBFR. V. 1. P. 920. К письму А.Н. Крупенского и А.К. Шмидта приложено извещение, помещенное от имени «Каса ноастрэ» (учреждение по проведению аграрной «реформы») в газете «Бессарабия», о том, что владельцы имений должны подать прошение о получении

румынского подданства. В случае неподачи такового будет произведена экспроприация в их отсутствие (Ibidem).

²²⁵ По этому поводу 15 ноября 1919 г. в адрес конференции поступила еще одна жалоба от русских эмигрантских кругов. (См.: Cazacu P. Op. cit. P. 337).

²²⁶ 11 октября 1919 г. союзники направили в Бухарест ноту с выражением недовольства действиями румынского правительства в Венгрии. Отправленный на следующий день ответ был признан неудовлетворительным. (DBFR. V. 1 . P. 289).

²²⁷ Ibidem. P. 300.

²²⁸ Ibidem. P. 300.

²²⁹ Ibidem. P. 304.

К главе III

¹ Dezbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1919—1920. 1920. 1 ianuarie. № 15; 1920 3 ianuarie. № 16; Neamul Românesc. 1919.29.11; Universul. 1919.4.12.

² НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3195. Л. 222.

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Там же. Л. 41, 41 об.

⁷ Там же. Л. 56, 106.

⁸ Там же. Л. 107.

⁹ Там же. Л. 161.

¹⁰ Там же. Л. 196.

¹¹ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.): Сб. док. и материалов. Кишинев, 1967. С. 424 (далее: Борьба трудящихся Молдавии...).

¹² НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3194. Л. 114.

¹³ Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 770. Л. 34.

¹⁴ Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3194. Л. 226об.

¹⁵ Борьба трудящихся Молдавии... С. 420.

¹⁶ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3195.

¹⁷ Там же. Л. 249, 251.

¹⁸ Tilea V.V. Acțiunea diplomatică a României Sibiu, 1925. P. 98.

¹⁹ Dezbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1919—1920. 1920.11.11. N 33. P. 452—453.

²⁰ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3195. Л. 201; N. Iorga. Op. cit. P. 327—328.

²¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. III. С. 75, 76; Тарасов О.Ю. Польско-румынский союз в восточноевропейской политике правительства А. Мильерана (январь—сентябрь 1920 г.) // Советское славяноведение. 1985. № 5. С. 40.

²² НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3195. Л. 233, 297.

²³ Там же. Л. 379, 516, 521, 650.

²⁴ Там же. Л. 385. Чтобы сбить накал антиправительственных выступлений бессарабских крестьян 13 марта 1920 г. румынский парламент после долгих колебаний утвердил закон об аграрной реформе в Бессарабии. В его основу был положен проект, разработанный и утвержденный Сфатул Цэрий на его последнем перед роспуском заседании 27 ноября (9 декабря) 1918 г. Как известно, в конце 1917 — начале 1918 г. помещичьи и монастырские земли были уже фактически захвачены крестьянами. Закон об аграрной реформе в Бессарабии, принятый в марте 1920 г., означал шаг назад даже по сравнению с проектом 1918 г. Около 1/3 конфискованных в 1917 г. земель было возвращено старым владельцам, остальные подлежали распределению за выкуп среди крестьян. Вместе с тем аграрная реформа в Бессарабии носила более радикальный характер, чем аналогичные реформы в Старом Королевстве, Трансильвании и Буковине, принятые парламентом в 1921 г.

²⁵ Там же. Л. 419, 462, 701.

²⁶ Там же. Л. 437.

²⁷ Борьба трудящихся Молдавии... С. 432.

²⁸ Историко-дипломатический архив (ИДА). Фонд микрофильмов румынских документов. Dosar: Raportul Lt. col. Antonescu asupra misiunii ce a avut loc la Paris.

²⁹ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Сб. документов 1917–1922 гг. М., 1959. Т. II. С. 105.

³⁰ Подробно см.: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советское мирное наступление и Румыния (конец 1919 — начало 1920 г.) // Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев, 1988. С. 196–227.

³¹ DBFR. 1919–1939. First Series. London, 1948. Vol. II. P. 748–749.

³² The Times. 1920.1.01.

³³ Кузьмин Н.Ф. Крушение последнего похода Антанты. М., 1959. С. 5.

³⁴ Tilea V.V. Op. cit. P. 33.

³⁵ FRUS, RPS. 1919. Vol. 9. P. 915–917.

³⁶ Iorga N. Op. cit. P. 333.

³⁷ Daily Chronicle. 1920.21.01.

³⁸ The Times. 1920.31.01.

³⁹ Tilea V.V. Op. cit. P. 99.

⁴⁰ Le Temps. 1920.4.11.

⁴¹ Tilea V.V. Op. cit. P. 95.

⁴² Gazeta Wieczorna. 1920.19.02.

⁴³ Neue Freie Presse. 1920.19.02.

⁴⁴ Gazeta Poranna. 1920.26.02.

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 145.

⁴⁶ ДВП СССР. Т. II. С. 390, 393.

⁴⁷ DBFR. Vol. VII. P. 380.

⁴⁸ Iorga N. Op. cit. P. 333.

⁴⁹ Lungy D.B. Soviet-Romanian Relation and the Bessarabien Question in the Early 1920 // Southeastern Europa. Vol. 6. Part 1. 1979. P. 30–32.

⁵⁰ Dobrinescu V.F. Relații româno-engleze (1914–1933). Iași, 1986. P. 52–53.

⁵¹ Frederic C. Nanu. Politica externă a României 1918–1933. Iași, 1993.

⁵² Dobrinescu V.F. Bătălia diplomatică pentru Basarabia 1918–1940. Iași, 1991. P. 81.

⁵³ Dezbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1919–1920. № 28. P. 487.

⁵⁴ Le Temps. 1920.11.02. См. статью «Румыния и Советское правительство».

⁵⁵ DBFP. First series. Vol. VII. 1920. London, 1958. P. 327.

⁵⁶ Iorga N. Op. cit. P. 345.

⁵⁷ Известия. 1920.9.03.

⁵⁸ DBFP. Vol. VII. P. 380.

⁵⁹ FRUS, 1920. Vol. 3. P. 430–431.

⁶⁰ ДВП СССР. Т. II. С. 403.

⁶¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. С. 368, 369; ДВП СССР. Т. II. С. 402.

⁶² ДВП СССР. Т. II. С. 410.

⁶³ Documente din istoria Partidului Comunist din România. Vol. I (1917–1922). București, 1953. P. 154.

⁶⁴ См.: Правда. 1920.24.02, 5, 9, 28.03; Известия, 1920, 3, 5, 9, 20.03.

⁶⁵ Le Temps. 1920.5.03.

⁶⁶ ДВП СССР. Т. II. С. 403.

⁶⁷ Iorga N. Op. cit. P. 353.

⁶⁸ Le Progrès, 1923.10.08.

⁶⁹ Dezbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1919–1920. № 28. P. 487.

- ⁷⁰ Dimineața. 1922.29.12.
- ⁷¹ Tilea V. V. Op. cit. P. 122.
- ⁷² Iorga N. Op. cit. P. 343.
- ⁷³ Le Temps. 1920.6.03.
- ⁷⁴ La Petit Parisienne. 1920.8.03.
- ⁷⁵ Le Temps. 1920.11.03.
- ⁷⁶ Dezbatările adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1919–1920. № 14. P. 155. «Le Temps» в своей информации о выступлении А. Вайды выделила это высказывание (Le Temps. 1920.3.01).
- ⁷⁷ ДМИСПО. Т. II. С. 599.
- ⁷⁸ Там же. С. 600–601.
- ⁷⁹ Scurtu I. Politica internă a guvernului Blocului parlamentar // Revista arhivelor. 1975. № 1. P. 47–56.
- ⁸⁰ Gazeta Poranna. 1920.26.03.
- ⁸¹ Годовой отчет Н. К. И. Д. к VIII съезду Советов (1919–1920). М., 1921. С. 50.
- ⁸² Le Temps. 1920.6.04
- ⁸³ Chemarea. 1920.16.01.
- ⁸⁴ ДМИСПО. Т. II. С. 54.
- ⁸⁵ ИДА РФ. Фонд микрофильмов румынских документов (№ 305). Dosar “Armata”. Misiunea mea în Varșovia. Lt. colonel Antonescu către Marele Stat Major. F. 2.
- ⁸⁶ Ibidem. F. 10-12.
- ⁸⁷ Ibidem. F. 7.
- ⁸⁸ Ibidem. F. 13, 14.
- ⁸⁹ Ibidem. F. 3, 4.
- ⁹⁰ Ibidem. F. 5.
- ⁹¹ Ibidem. F. 10.
- ⁹² Виноградов В.Н. и др. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Док. и материалы. М., 1996. С. 273.
- ⁹³ Иванова З.М. Левобережные районы Молдавии в 1918–1924. Кишинев, 1979. С. 90.

⁹⁴ ДМИСПО. Т. III, апрель 1920 — март 1921 г. М., 1965. С. 138—142.

⁹⁵ «Линия Керзона» — условное название линии, проходившей через Гродно—Яловку—Немиров—Брест—Литовск—Дорогуск—Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат, которая была установлена в декабре 1919 г. Верховным Советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

⁹⁶ ДВП СССР. Т. III. М., 1959. С. 47—51.

⁹⁷ Там же. С. 121.

⁹⁸ DBFR 1918-1939. First Series, v. XII. London, 1962. P. 401, 402.

⁹⁹ Внешняя политика СССР. Т. I. С. 341.

¹⁰⁰ Iorga N. Memorii. V. III. P. 44.

¹⁰¹ Iorga N. Op. cit. P. 46.

¹⁰² DBFR 1919—1939. First Series, v. XII. London, 1962. P. 424.

По сравнению с английскими «ультра» в правительстве Д. Ллойд Джордж занимал более умеренную позицию в советско-польском конфликте. В конце мая он говорил лорду Ридделю, что «большевики «поколотят» поляков». (Виноградов Б.К. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 319).

¹⁰³ Цит. по: Правда. 1920.11.07.

¹⁰⁴ ДМИСПО. Т. III. С. 142.

¹⁰⁵ Цит. по: Правда. 1920.25.07.

¹⁰⁶ Le Temps. 1920.21.07.

¹⁰⁷ Из истории гражданской войны в СССР. Т. III. С. 127; ДМИСПО. Т. III. С. 355.

¹⁰⁸ ДМИСПО. Т. III. С. 358.

¹⁰⁹ Кузьмин Н.Ф. Указ. соч. С. 254—255.

¹¹⁰ Benditer J. și Bold E. Aspecte ale situației României burghezomășierești între anii 1920—1921 (Guvernarea Averescu). — Studii și cercetări științifice. Istorie. Anul VIII. Fasc. 1. 1957. P. 140—141.

- ¹¹¹ Правители Франции, стремившиеся втянуть Румынию в антисоветский поход, были этим обеспокоены (Le Temps. 1920.23.03).
- ¹¹² DIMMR. 1916—1921. P. 398.
- ¹¹³ Studii. Revista de istorie. 1957. № 5. P. 50.
- ¹¹⁴ Cușnir-Mihailovici C. Despre situația revoluționară din România în perioada 1918—1920. București, 1955. P. 99.
- ¹¹⁵ История Кишинева. Кишинев, 1966. С. 237.
- ¹¹⁶ Lumea. 1920.24.07.
- ¹¹⁷ Правда. 1920.22.07.
- ¹¹⁸ ДМИСПО. Т. III. М., 1965. С. 197.
- ¹¹⁹ Внешняя политика СССР. Т. I. С. 342
- ¹²⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 142.
- ¹²¹ Годовой отчет Н. К. И. Д. к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921. С. 28.
- ¹²² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 158.
- ¹²³ ДВП СССР. Т. III. С. 83.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. V. III. Washington, 1936. P. 463—468.
- ¹²⁶ ДВП СССР. Т. III. С. 83, 164, 156; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 196.
- ¹²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 267.
- ¹²⁸ Adevărul, 1920.12.08; Renașterea română, 1920.12.08.
- ¹²⁹ Dacia. 1920.14.08.
- ¹³⁰ The Times. 1920.10.08.
- ¹³¹ ДМИСПО. Т. 3. С. 258-25.
- ¹³² История гражданской войны в СССР. 1917—1922. Т. 5. С. 160, 185.
- ¹³³ Iorga N. Memorii. Vol. VIII. P. 60-61.
- ¹³⁴ Socialismul. 1920.18.08.
- ¹³⁵ ДВП СССР. Т. III. С. 164.

¹³⁶ Из истории гражданской войны в СССР. Т. III. С. 148. Бывший посланник России в Румынии, продолжавший пребывание в Бухаресте, 4 сентября 1920 г. сообщил в Константинополь, где находился бывший министр иностранных дел России Н.Н. Гирс, о том, что «в результате переговоров с румынским правительством последнее согласилось немедленно передать войскам Врангеля 20 тыс. винтовок, 250 пулеметов, 25 полевых орудий и большое количество боеприпасов к ним... Румыны также указали на возможность передать нам винтовки и патроны 7-го и 8-го румынских корпусов...» (Гражданская война на Украине: Сб. док. и мат. Т. 3. С. 454).

¹³⁷ Подробно о создании Малой Антанты и о целях этого блока см.: Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике 1918—1925. М., 1974.

¹³⁸ *Le Temps*. 1920.24.09.

¹³⁹ Campus E. Mica înțelegere. București, 1968. P. 52.

¹⁴⁰ См.: *Rzeczpospolita*, 1920.15.09 и 2.10; *Gazeta Poranna*, 1920.29 и 31.10; 15.11; *Gazeta Wieczorna*, 1920.5 и 13.11.

¹⁴¹ А. Маргилومان отмечает в своих мемуарах, что Таке Ионеску «был вынужден тем самым признать свое фиаско в Варшаве: там никто не хочет слышать о Малой Антанте» (Marghiloman A. Op. cit. Vol. V. P. 89). Это отмечает в своих дневниковых записях и Н. Йорга (Iorga N. Memorii. Vol. III. P. 89).

¹⁴² Вслед за Эстонией и Литвой, 11 августа был подписан мирный договор РСФСР с Латвией.

¹⁴³ ДВП СССР. Т. III. С. 156.

¹⁴⁴ Там же. С. 261.

¹⁴⁵ ДВП СССР. Т. III. С. 260.

¹⁴⁶ Там же. С. 300.

¹⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 346.

¹⁴⁸ Известия. 1920.13.10.

¹⁴⁹ Известия. 1920.17.10.

¹⁵⁰ La Roumanie. 1920.11.10.

¹⁵¹ Adevărul. 1920.17.10.

¹⁵² Lumea. 1920.10.10.

¹⁵³ Avântul. 1920.11.10.

¹⁵⁴ Le Temps. 1920.24.09. «Говорят, Врангель готов признать присоединение Бессарабии к России» — писала газета «Adevărul» 10 октября 1920 г.

¹⁵⁵ Politica externă a României în tratate, convenții și materiale în legătură cu Societatea Națiunilor și problemele de politică externă a României. București (f. a.). P. 625.

¹⁵⁶ Ibidem. P. 626.

¹⁵⁷ АВП СССР. Ф. 125, оп. 2, д. 3, л. 20.

¹⁵⁸ Politica externă a României și tratate... P. 626.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ ДВП СССР. Т. III. С. 312.

¹⁶¹ Mitrasca M. Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers. NY (s. a.). P. 13, 143.

¹⁶² Spector Sh.D. România și Conferința de Pace de la Paris... P. 283, 305.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авереску А.** 9, 19, 161—163, 167, 173, 175, 177, 179, 180, 183
Александр III 36
Александри Н. 19, 20, 22
Александров А. 41, 62, 66, 197
Анастасий (Грибановский А.А.) 62
Анджелеску К. 10
Анри 172
Антонеску В. 47, 48, 51, 103, 104, 112, 116, 118, 123, 212
Антонеску И. 61, 116—118, 139, 140, 162—167, 200
Антонов-Овсеенко В.А. 91, 96, 208
Аралов С.И. 91
Арион К. 8
Бажбеук-Меликов П.З. 22
Баламез Шт. 20
Бальфур А. 45, 47, 69, 107, 119, 120
Барклай Г. 47, 52, 54, 56
Бахайский 83
Бенеш Э. 50
Бертело А.М. 26, 28, 53, 54, 78, 79
Бертело Ф. 104, 123, 126, 143
Битти Д.Л. 141
Бойль Д.Е. 137
Бонар Лоу Э. 45, 69
Бредов Н.Э. 172, 179
Брэтиану Г. 17, 50, 55, 77, 82, 91, 109, 115, 118, 121, 202, 209
Брэтиану И.И.К. 10, 13, 17, 31, 45, 46, 49, 51—53, 56, 65, 67—72, 75, 78, 80, 82, 83, 85, 89, 91, 97, 99—105, 108—114, 116, 120—123, 125, 128, 140, 152, 191, 199, 202, 210
Брэтиану К. 70
Будниченко Н. 20
Бужор М.Г. 58

- Бужор П. 152
Бучма Л. 50
Бучушкан Г.И. 20, 24
Бэдулеску 165
- Вайда-Воевод А. 17, 142–145,
147–154, 156–161, 179, 218
Варский А.Е. 89
Вацетис И.И. 91
Вейган М. 169
Венизелос Э. 51
Верин-Константиnescу 195
Вильсон В. 60, 64, 65, 69, 73,
102, 115
Вильсон Г. 27, 141, 179
Вопичка Ч. 29, 46, 50
Врангель П.Н. 168, 169, 172,
180, 181, 185–187, 221, 222
Вуд Г. 134
Вэйтoяну А. 18, 21, 22, 24, 82,
124, 125
- Габон 158
Гарбуз И. 20
Гарский В.И. 200
Гарькавый И.И. 205
Гвоздев Н.П. 197
Гензул В. 20
Георг V 69
Гербель С.Н. 14
Гика Д. 188
Гирс Н.Н. 221
- Глинский 195
Гога О. 10
Голдиш В. 17
Головин Н.Н. 27
Грабский В. 169
Гречану Т. 149
Григорьев М.А. 97, 208
Гринли (Гринлей) 208
Гринфельд Н.Е. 116
- Давидоглу 61, 200
Дайхлес А.М. 197
Дашкевич-Горбатский В.В. 15
Деникин А.И. 26, 27, 41, 75,
83, 95, 96, 110, 124, 125,
129, 130–135, 137, 139
Дерби 79
Джонсон Г. 68
Джонсон Д. 118
Джорджеску 130
Диаманди К. 10, 44, 49, 108
Добринеску В.Ф. 24, 149, 150
Доникэ-Иордэеску С. 20
Дорошенко В.К. 15
Драгу Т. 179
Дука И.Г. 13, 30, 51, 56, 67, 68,
112, 114, 199, 202
д'Эспере Ф. 91, 139
- Жоффри Ж. 180, 181
- Залик А. 58

Замфиреску Д. 170

Инкулец И. 17, 22, 24, 42, 81,
104, 114, 138, 158

Ионеску М. 130

Ионеску Таке 10, 17, 44–46, 49,
50, 51, 68, 69, 171, 176, 180–
182, 184, 186–188, 199, 221

Исопеску-Грекул К. 146

Йорга Н. 102, 117, 144, 147, 151,
156–158, 171, 179, 180, 203,
221

Камбон Ж. 151

Каменев Л.Б. 96

Каменев С.С. 139, 178

Каройи М. 7, 102

Кароль II 25

Керенский А.Ф. 107

Керзон Дж. 45, 69, 79, 147,
169, 176, 184, 219

Клемансо Ж. 27, 45, 47, 51, 53,
54, 65, 69, 73, 82, 102, 106,
107, 120, 123, 140, 141, 143,
144

Клышко Н.К. 147, 149

Коанда Н. 13, 15, 17, 21, 47, 142

Кодряну И. 32

Колби Б. 177

Колчак А.В. 66, 75, 100, 104,
106–108, 110, 112, 120, 122,
129, 139, 212, 213

Контковский 162

Коростенец И.Я. 14

Котовский Г.И. 137, 138

Которос Т.В. 22, 39

Котос Н. 203

Кравченко М.И. 197

Кражевский 131

Красин Л.Б. 147, 149

Крецяну А. 48

Криворуков И.Н. 20, 66, 99, 197

Крупенский А.Н. 106, 110, 115,
125, 126, 195, 213

Ксени К. 49

Кун Бела 94, 102, 140, 209

Курдиновский В. 20

Лакомб 53

Лансинг Р. 29, 100, 107, 109,
118

Лапедату А. 70

Левензон Ф.Я. 205

Ленин В.И. 58, 83–85, 91, 93,
94, 96, 99, 110, 139, 140,
146, 154, 156, 157, 175, 176,
178, 185, 186, 191, 205–208,
213

Лефевр А. 135, 171

Лизогуб Ф. 14

Липер А. 184

Лискун М. 59

Литвинов М.М. 57, 140, 147,
148, 149, 150, 154, 178, 181

- Ллойд Джордж Д. 45, 65, 71, 80, 102, 141, 143–145, 152, 153, 169, 179, 183, 219
Лукач В. 10
Лунгу Д.Б. 148
Лунгу Н. 158
Лупу Н. 148, 161
Львов 105
- Макензен А. фон 48
Макино С. 65
Маклаков М.А. 105, 107, 108, 110, 116
Макотин В.Я. 201
Маниу Ю. 104, 142, 152
Маргиломан А. 8–13, 15–17, 24, 60, 221
Мария 69
Мартино 74
Масарик Т. 50, 51
Мелега 195
Милле К. 10
Миллер Е.К. 180
Мильеран А. 144, 151, 179
Милюков П.Н. 28
Мисирков К.П. 20
Митрашкэ М. 190
Мишу Н. 70, 108, 158, 199
Молдован Ф. 20
- Наборский Ф. 201
Нану Ф.К. 150
- Нестор М.И. 32
Никитюк Ф. 20
Николай II 36
Николсон Г. 68
Нистор И. 17, 104
Нитти Ф.С. 141, 145
Няга Ф. 22
- Ончул Д. 117
Орlando В. 65
Осадчий А.М. 137
Осмоловский А. 20
- Падеревский И.Я. 89, 90
Пажура 195
Пайо П.Р. 171, 175
Панаитеску Э. 117
Панцырь И. 22, 115
Патек С. 165
Пашич Н. 50
Пеливан И. 18, 42, 108, 116
Петен А.Ф. 134, 135
Петлюра С.В. 15, 79, 125, 129, 130, 164, 168
Пилсудский Ю. 160, 165
Пишон С. 46–48, 55, 65, 101, 104, 109, 110, 115, 198
Подвойский Н.И. 93, 94, 96, 205, 207
Поклевский-Козел С.А. 186
Полк Ф. 119, 120, 126
Помянковский Й. 162, 171

- Пономарев Г. 20
Попа Шт. 17, 161
Попович 136
Прахницкий В. 22, 115
Предеску И. 138
Презан К. 28, 34, 91, 151
Прушиньский Ч. 86–88
Пуанкаре Р. 69, 70
Пукалов 133
Пэскэлуцэ И. 20
Пэтрою И. 150
- Радонежский Н.** 201
Развадовский Т. 89, 163–165,
174, 206
Раковский Х.Г. 30, 78, 85, 96,
99, 125, 164, 205, 208
Ратку А. 22
Раттиган Ф. 112, 113, 168, 170,
171
Респальдиз Ф. 89
Риддель 219
Родичев С.И. 201
Рожков И.А. 205
Рудьев В.М. 22, 39
Руссев М. 20
Рэшкану И. 124, 161
- Савинков Б.** 211
Садович М. 201
Сазонов С.Д. 104, 105
Сапега Е. 159, 160, 170
- Сапон** 195
Свердлов Я.М. 200, 205
Сейшану Р. 50
Сент-Олер Б. 34, 52, 54, 55,
101, 104, 213
Сидоренко Г. 116, 124
Синадино П. 134
Скоропадский П.П. 14, 16
Скшинский А. 113
Слоним М. 106
Смирнов (Ласточкин) И.Ф. 58
Спектор Ш.Д. 85, 190, 191
Старенький М. 20
Строеску В. 10
Суручану Ф. 22
- Тардые А.** 73, 74, 100, 105, 107,
119, 121, 123, 126
Твердохлебов С.В. 195
Тиля В.В. 142, 145, 158
Титтони Т. 107, 119–121
Титулеску Н. 10, 24, 25, 167,
184
Токан Л. 59
Троцкий Л.Д. 139
Трумбич А. 50
- Уайт** 118
Уборевич И.П. 137
Уолш 134
- Фалковский Н.Г.** 197

- Фердинанд 8, 13, 15, 17, 22, 82,
85, 112, 113, 157, 160, 161,
199, 227
- Ферикиде М. 75, 76, 100, 101
- Флондор Я. 12, 17
- Флореску А. 162, 165, 182
- Флореску И. 10
- Фош Ф. 27, 69, 82, 102, 135,
139, 141, 172, 179, 180
- Халиппа П. 23, 24, 32, 42
- Хауз Э.М. 68
- Хацкелевич Н.Н. 197
- Холдевич 195
- Цыганко В. 20, 23, 115
- Цыку О. 24
- Чайковский Н.В. 105, 107
- Чаушеску Н. 149
- Черкуль-Куш Н.К. 201
- Чернин О. 9
- Черчилль У. 45, 69, 83, 134,
141, 144
- Чиоторь Д.Н. 147—150, 158
- Чичерин Г.В. 99, 146, 147, 151,
154—157, 175, 176—178, 181,
184, 189, 200
- Чичио-Поп Шт. 151
- Чобану И. 195
- Чугурияну Д. 17, 22, 24, 42, 60,
75, 77, 81, 114
- Чумаченко П. 22, 115
- Шмидт 137
- Шмидт А.К. 62, 63, 65, 106,
115, 125, 126, 195, 213
- Щербачев Д.Г. 26—28, 180, 181
- Якир И.Э. 137, 205

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Treaty between the principal allied powers and Roumania respecting Bessarabia

THE BRITISH EMPIRE, FRANCE, ITALY, JAPAN, THE
PRINCIPAL ALLIED POWERS, AND ROUMANIA,

WHEREAS in the interests of general peace in Europe it is of importance to assure henceforth a sovereignty over Bessarabia in accordance with the aspirations of the population, and guaranteeing to its racial, religious and linguistic minorities the protection which is due to them;

WHEREAS from geographic, ethnographic, historic and economic points of view, the reunion of Bessarabia to Roumania is fully justified;

WHEREAS the population of Bessarabia has given proof of its desire to see Bessarabia reunited to Roumania;

IN FINE, WHEREAS Roumania, of her own free will, desires to give positive guarantees of liberty and justice to the inhabitants of the former Kingdom of Roumania, and also to those of the territories newly transferred, irrespective of race, religion or language, in conformity with the Treaty signed at Paris on 9 December 1919:

HAVE DECIDED to conclude the present Treaty and, to this end, have appointed the following as their Plenipotentiaries, reserving the right to appoint others to sign it:

[Names of plenipotentiaries not reproduced here.]

Who have agreed on the following stipulations:

Article 1

The High Contracting Parties declare that they recognise the sovereignty of Roumania over the territory of Bessarabia comprised within the present frontier of Roumania, the Black Sea, the course of the Dniester from its mouth to the point where it is intersected by the former boundary between Bukovina and Bessarabia and that old boundary.

Article 2

A Commission consisting of three members, one of whom shall be appointed by the Principal Allied Powers, one by Roumania and one by the Council of the League of Nations on the part of Russia, shall be constituted within fifteen days following the coming into force of the present Treaty, in order to trace on the spot the new frontier line of Roumania.

Article 3

Roumania undertakes to observe the stipulations of the Treaty signed at Paris on 9 December 1919 by the Principal Allied and Associated Powers and Roumania, and to ensure their rigorous observance in the territory of Bessarabia as defined in Article 1, and, particularly to assure to its inhabitants, without distinction of race, language or religion, the same guarantees of liberty and justice as to the inhabitants of all other territories forming part of the Kingdom of Roumania.

Article 4

Roumanian nationality, to the exclusion of any other nationality, shall be accorded *ipso facto* to the nationals of the former Russian Empire settled in the territory of Bessarabia, as defined in Article 1.

Article 5

Within a period of two years from the date of the coming into force of the present Treaty, nationals of the former Russian Empire over the age of 18 years and settled in the territory of Bessarabia, as defined in Article 1, shall be allowed to opt for any other nationality which may be open to them.

Option by the husband will include that by the wife, and option by the parents will include that by their children under the age of 18 years.

Persons who have exercised the right of option above provided must within the ensuing twelve months transfer their place of residence to the State for which they have opted.

They shall be at liberty to retain the immovable property which they possess in Roumanian territory. They may carry away their personal property of every description. No export duty shall be imposed on them on account of this removal.

Article 6

Roumania recognises as Roumanian nationals, *ipso facto* and without any formality, nationals of the former Russian Empire who were born on the territory of Bessarabia, as defined in Article 1, of parents having their domicile there, although at the date of the coming into force of the present Treaty they may not themselves be domiciled there.

Nevertheless, within two years from the coming into force of the present Treaty, these persons may make a declaration before the competent Roumanian authorities in the country in which they reside, that they renounce Roumanian nationality, and they will then cease to be considered as Roumanian nationals. In this respect, the declaration of the husband will be held valid for the wife, and that of the parents will be held valid for children under the age of 18 years.

Article 7

The High Contracting Parties recognise that the mouth of the Danube, called the Kilia mouth, must pass under the jurisdiction of the European Commission of the Danube.

Pending the conclusion of a general Convention for the international control of waterways, Roumania undertakes to apply to the sections of the river system of the Dniester comprised within her territory, or constituting its frontiers, the regime provided in paragraph 1, of Article 332 and in Articles 333 to 338 of the Treaty of Peace with Germany of 28 June 1919.

Article 8

Roumania shall assume responsibility for the share of the Russian Public Debt and all other financial obligations of the Russian State al-

lotted to Bessarabia, which shall be fixed by a special Convention between the Principal Allied and Associated Powers of the one part, and Roumania of the other part. This Convention shall be drawn up by a Commission appointed by the aforesaid Powers. Should the Commission not come to an agreement within a period of two years, the questions in dispute shall be at once submitted to the arbitration of the Council of the League of Nations.

Article 9

The High Contracting Parties will invite Russia to adhere to the present Treaty as soon as a Russian Government recognised by them shall be in existence. They reserve the right to submit to the arbitration of the Council of the League of Nations all questions which the Russian Government may raise respecting the details of this Treaty, it being understood that the frontiers defined in the present Treaty, as well as the sovereignty of Roumania over the territories therein comprised, cannot be called in question.

The same procedure shall apply to all difficulties which may subsequently arise from the carrying out of the Treaty.

The present Treaty shall be ratified by the signatory Powers. It shall not come into force until after the deposit of these ratifications and from the coming into force of the Treaty signed by the Principal Allied and Associated Powers and Roumania on 9 December 1919.

The deposit of ratifications shall take place at Paris.

Powers of which the seat of the Government is outside Europe will be entitled merely to inform the Government of the French Republic, through their diplomatic representative at Paris, that their ratification has been given; in that case they must transmit the instrument of ratification as soon as possible.

A *procès-verbal* of the deposit of ratifications will be drawn up.

The French Government will transmit to all the signatory Powers a certified copy of the *procès-verbal* of the deposit of ratifications.

DONE at Paris the 28th October, 1920, in a single copy, which will remain deposited in the archives of the Government of the French Republic, and of which authenticated copies will be transmitted to each of the Powers signatory of the Treaty.

The Plenipotentiaries who, owing to their temporary absence from Paris, are unable to attach their signature to the present Treaty, will be allowed to do so until 15 December 1920.

IN FAITH WHEREOF, the undermentioned Plenipotentiaries, whose full powers have been found in good and due form, have signed the present Treaty.

[Signatures not reproduced here.]

Перевод

Договор между главными союзными державами и Румынией в отношении Бессарабии

Британская империя, Франция, Италия, Япония, главные союзные державы и Румыния,

Принимая во внимание, что в интересах всеобщего мира в Европе важно ныне же обеспечить над Бессарабией суверенитет, отвечающий пожеланиям населения и гарантирующий меньшинствам этническим, религиозным и по языку должную защиту;

Принимая во внимание, что с точки зрения географической, этнографической, исторической и экономической присоединение Бессарабии к Румынии вполне оправдывается;

Принимая во внимание, что население Бессарабии выразило желание видеть Бессарабию присоединенной к Румынии;

Принимая во внимание, наконец, что Румыния добровольно выразила желание дать прочные гарантии свободы и справедливости, без различия расы, религии или языка жителям Румынского королевства в его прежних границах, равно как жителям вновь присоединенных территорий, соответственно договору, подписанному в Париже 9 декабря 1919 г.,

Решили заключить настоящий договор и с этой целью назначили своими уполномоченными, оставляя за собой право назначать других подписать его:

[Имена уполномоченных не приведены]

Которые договорились о следующих положениях:

Статья 1

Высокие договаривающиеся стороны признают суверенитет Румынии над территорией Бессарабии, лежащей между нынешней границей Румынии, Черным морем, течением Днестра от его устья до места, где он пересекается с бывшей границей между Буковиной и Бессарабией и этой бывшей границей.

Статья 2

Комиссия, состоящая из трех членов, один из которых будет назначен главными союзными державами, один Румынией и один Советом Лиги Наций вместо России, должна быть образована в течение пятнадцати дней после вступления в силу настоящего Договора для определения на месте новой линии границы Румынии.

Статья 3

Румыния обязуется соблюдать положения Договора, подписанного в Париже 9 декабря 1919 г. главными союзными державами и Румынией, и обеспечить их неукоснительное соблюдение на территории Бессарабии, как это определено в статье 1, и, в частности, обеспечить ее жителей, без различия расы, языка и вероисповедания, теми же гарантиями свободы и справедливости, какими пользуются жители всех других территорий, входящих в состав Румынского королевства.

Статья 4

Румынское гражданство, исключая любое другое гражданство, предоставляется в силу самого факта гражданам бывшей Российской империи, проживающим на территории Бессарабии, как это определено в статье 1.

Статья 5

В течение двух лет со дня даты вступления в силу настоящего Договора гражданам бывшей Российской империи в возрасте 18 лет и старше, проживающим на территории Бессарабии, как это определено в статье 1, разрешается принять любое другое гражданство, которое может быть доступно для них.

Жена принимает гражданство, выбранное мужем, а дети в возрасте до 18 лет принимают гражданство, выбранное родителями.

Лица, выбравшие гражданство не в соответствии с обозначенными правилами, обязаны в течение последующих двенадцати месяцев изменить свое место жительства и переехать в государство, гражданами которого они стали.

Они имеют право сохранить за собой недвижимое имущество, которым они владеют на территории Румынии. Они могут вывезти свою личную собственность любого вида. Никакая экспортная пошлина не налагается на них в связи с подобными перевозками.

Статья 6

Румыния признает в качестве румынских граждан, в силу самого факта и без всяких формальностей, граждан бывшей Российской империи, которые родились на территории Бессарабии, как это определено в статье 1, от родителей, проживающих там, хотя на момент вступления в силу настоящего Договора они сами могут там не проживать.

Тем не менее, в течение двух лет со дня вступления в силу настоящего Договора, эти лица могут подать заявление в компетентные органы Румынии в стране, в которой они проживают, о том, что они отказываются от румынского гражданства, и тогда они перестают считаться румынскими гражданами. В связи с этим заявление мужа рас-

пространяется на жену, а заявление родителей распространяется на детей в возрасте до 18 лет.

Статья 7

Высокие договаривающиеся стороны признают, что устье Дуная, именуемое Килийским рукавом, должно перейти под юрисдикцию Европейской Дунайской комиссии.

До заключения общей Конвенции по международному контролю водных путей Румыния обязуется применять на участках речной системы реки Днестр, протекающей по ее территории или составляющей ее границы, режим, предусмотренный в пункте 1 статьи 332 и в статьях с 333 по 338 Мирного договора с Германией от 28 июня 1919 г.

Статья 8

Румыния принимает на себя ответственность за падающую на Бессарабию пропорциональную часть российского государственного долга и всех других финансовых обязательств Российского государства, в том виде, в каком эта доля будет определена особой Конвенцией между главными союзными державами с одной стороны и Румынией с другой стороны. Настоящая Конвенция будет составлена комиссией, назначенной вышеупомянутыми державами. В случае, если комиссия не придет к соглашению в течение двух лет, спорные вопросы должны быть без промедления представлены в арбитраж Совета Лиги Наций.

Статья 9

Высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к настоящему Договору, как только будет существовать признанное ими российское правительство. Они сохраняют за собой право представить на арбитраж Совета Лиги Наций все вопросы, которые могли бы быть подняты российским правительством в отношении деталей настоящего Договора, причем условлено, что границы, определенные в настоящем Договоре, равно как суверенитет Румынии над включенными в эти границы территориями, не могут быть поставлены на обсуждение. То же самое относится ко всем вопросам, которые могут возникнуть впоследствии при применении данного Договора.

Настоящий Договор подлежит ратификации подписавшими его державами. Он вступает в силу только после сдачи этих ратификаций на хранение и со дня вступления в силу Договора, подписанного главными союзным державам и Румынией 9 декабря 1919 г.

Сдача ратификаций на хранение состоится в Париже.

Державам, правительства которых находятся за пределами Европы, предоставляется право просто проинформировать правительство Французской Республики через своих дипломатических представителей в Париже, что они ратифицировали Договор; в этом случае они должны передать документ о ратификации как можно быстрее.

Будет составлен протокол о сдаче ратификаций на хранение.

Французское правительство передаст всем державам, подписавшим Договор, заверенную копию протокола о сдаче ратификаций на хранение.

Совершено в Париже 28 октября 1920 г., в единственном экземпляре, который будет храниться в архивах правительства Французской Республики, и заверенные копии которого будут переданы каждой из держав, подписавших договор.

Полномочным представителям, которые в силу своего временного отсутствия в Париже не в состоянии приложить свои подписи к настоящему Договору, будет позволено сделать это до 15 декабря 1920 г.

В удостоверение чего, перечисленные ниже полномочные представители, чьи полномочия находятся в должной форме, подписали настоящий Договор.

[Подписи не приведены]

Источник: Australian Treaty Series. 1927. No. 15. (c) Commonwealth of Australia 1999 // <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1927/15.html>

Перевод с английского языка

Т.Е. Крамар.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....	5
<i>Глава I. В ПРЕДДВЕРИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ПАРИЖЕ</i>	<i>7</i>
<i>Глава II. БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС В ДНИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....</i>	<i>57</i>
<i>Глава III. РОЖДЕННЫЙ В МУКАХ: БЕССАРАБСКИЙ (ПАРИЖСКИЙ) ПРОТОКОЛ 28 октября 1920 г.....</i>	<i>127</i>
ПРИМЕЧАНИЯ.....	192
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	223
ПРИЛОЖЕНИЕ. Договор между главными союзными державами и Румынией в отношении Бессарабии 28 октября 1920 г.....	233

CONTENTS

ABOUT THE AUTHOR.....	5
<i>Chapter I.</i> ON THE THRESHOLD OF THE PEACE CONFERENCE IN PARIS	7
<i>Chapter II.</i> BESSARABIAN ISSUE AT THE TIME OF THE PARIS PEACE CONFERENCE.....	57
<i>Chapter III.</i> BORN IN TORMENTS: BESSARABIAN (PARIS) PROTOCOL OF OCTOBER 28, 1920.....	127
COMMENTS	192
INDEX	223
APPENDIX. Treaty between the principal allied powers and Roumania respecting Bessarabia 28 october 1920.....	233

Изяслав Эликович Левит

**БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (1919–1920 гг.).
ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Научное издание

Ответственный редактор *И.М. Благодатских*

Редактор *В.В. Дабежа*

Указатель имен *Е.Г. Булгакова*

Компьютерная верстка *О.А. Штырова*

Сдано в набор 20.09.2012 г. Подписано в печать 22.11.2012 г.

Печать офсетная. Бумага офсет. Формат 60х84 1/16.

Гарнитура Academia. Усл. печ. л. 13.95. Тираж 300 экз. Заказ 145

Приднестровский государственный университет им. Т.Г.Шевченко
MD 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128. E-mail: perspektiva@spsu.ru

Отпечатано с готового оригинала-макета
на полиграфической фирме «Литера»
г.Тирасполь, ул.Горького, 56
тел./факс: (533) 7-39-49

